

ISSN 2225-3475

ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ТЕМЫ НОМВРА

- ♦ Право на выбор в цифровом мире
 - ♦ О роли права в эпоху перемен
 - ♦ Утилитарные цифровые права
 - ♦ Общая теория авторства:
критические заметки
- ♦ Коллапс международного права
и судьба авторского права
 - ♦ Искусственный интеллект
в маркетинговых исследованиях

ISSUE TOPICS

- ♦ Right to Choice in the Digital World
 - ♦ Role of Law in an Era of Changes
 - ♦ Utilitarian Digital Rights
 - ♦ General Theory of Authorship:
Critical Review
- ♦ Copyright and Collapse
of International Law
 - ♦ Artificial Intelligence in Market
Researches

Том 48 #1
2024

48 #1 2024

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 48 #1 2024

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *Right to Choice in the Digital World*
- ♦ *Role of Law in an Era of Changes*
- ♦ *Utilitarian Digital Rights*
- ♦ *General Theory of Authorship:
Critical Review*
- ♦ *Copyright and Collapse of International Law*
- ♦ *Artificial Intelligence in Market Researches*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2024

Том 48 #1 2024

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Право на выбор в цифровом мире*
- ♦ *О роли права в эпоху перемен*
- ♦ *Утилитарные цифровые права*
- ♦ *Общая теория авторства:
критические заметки*
- ♦ *Коллапс международного права
и судьба авторского права*
- ♦ *Искусственный интеллект
в маркетинговых исследованиях*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2024

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2024

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 48 #1 2024. DOI: [10.17323/tis.2024.v48](https://doi.org/10.17323/tis.2024.v48)

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHABLINSKY ILYA (State Academic University for the Humanities, Russian Federation)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAV SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 04.03.2024
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 16,25.
Тираж 200 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 48 #1 2024. DOI: 10.17323/tis.2024.v48

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ

№ 018878 от 28. 05. 1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности,

Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет,

Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности,

Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г. (Государственный академический университет гуманитарных наук,

Российская Федерация)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

M.A. FEDOTOV, V.B. NAUMOV, A.G. DEYNEKO, E.V. TYTIUK. The Right to Refuse from Digital Technologies: the Results of Expert Survey.	8
M. PASCALI. Socio-technological Aspects of Delict and the Role of Law.	29
I.Yu. PASHCHENKO, S.V. POTAPENKO. Digitalization of Civil Turnover: Utilitarian Digital Rights and Investment.	36

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

I.A. BLIZNETS, V.S. VITKO. New Views to Intellectual Property Rights Proposed in the Concept of the General Theory of Authorship	43
E.I. KAMINSKAYA, I.Yu. SHTODINA, D.D. SHTODINA. Copyright Protection: the Cosmopolitanism of Russian Private International Law Against the Background of the Collapse of International Law	62
M.N. KOMASHKO. About the Privilege of Creativity that Doesn't Exist (and the Questions that Follow from It).	74
A.M. DAVTYAN. Fashion Show as an Object of Copyright.	86
M.O. ZVEREV. Legal Analysis of MMORPG License Agreements.	94

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

A.V. BUGREEVA. On the Question of the Need to Transform Copyright in the Modern Paradigm of Artificial Intelligence Development	105
E.I. PLETNEVA. Subsistence of Copyright in Market Research: New Challenges in the Age of Artificial Neural Networks	113

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	128
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

М.А. ФЕДОТОВ, В.Б. НАУМОВ, А.Г. ДЕЙНЕКО, Е.В. ТЫТЮК. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса	8
М. ПАСКАЛИ. Социально-технологические аспекты правонарушения и роль права	29
И.Ю. ПАЩЕНКО, С.В. ПОТАПЕНКО. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование	36

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

И.А. БЛИЗНЕЦ, В.С. ВИТКО. Новые взгляды на право интеллектуальной собственности, предложенные в концепте общей теории авторства	43
Е.И. КАМИНСКАЯ, И.Ю. ШТОДИНА, Д.Д. ШТОДИНА. Охрана авторских прав: космополитизм международного частного права РФ на фоне коллапса международного права	62
М.Н. КОМАШКО. О привилегии творчества, которой не существует (и о вопросах, которые из этого вытекают)	74
А.М. ДАВТЯН. Модный показ как объект авторского права	86
М.О. ЗВЕРЕВ. Правовой анализ лицензионных соглашений к MMORPG.	94

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.В. БУГРЕЕВА. К вопросу о необходимости трансформации авторского права в современной парадигме развития искусственного интеллекта	105
Е.И. ПЛЕТНЕВА. Проблема сохранения авторских прав в маркетинговых исследованиях: новые вызовы в эпоху искусственных нейронных сетей	113

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	126
--	-----

Научная статья
УДК 347.78.01
DOI: 10.17323/tis.2024.19813

Original article

ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

THE RIGHT TO REFUSE FROM DIGITAL TECHNOLOGIES: THE RESULTS OF EXPERT SURVEY

Михаил Александрович ФЕДОТОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
mfedotov@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2591-1770>,
Scopus Author ID: 57188800734,
SPIN РИНЦ: 8819-5654,
ResearcherID: K-6408-2015

Виктор Борисович НАУМОВ

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
nav@russianlaw.net,
<https://orcid.org/0000-0003-3453-6703>,
Scopus Author ID: 57191844984,
SPIN РИНЦ: 5729-5413,
AuthorID РИНЦ: 6101

Алексей Геннадьевич ДЕЙНЕКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
alexey-deyneko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3700-7364>,
SPIN РИНЦ: 8899-7709,
AuthorID: 704121

Екатерина Владимировна ТЫТЮК

Юридическая фирма Nextons,
ekaterina.tytiuk@nextons.ru

- [Информация об авторах](#)
- М.А. Федотов — директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса в отставке
- В.Б. Наумов — главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющий партнер офиса в Санкт-Петербурге юридической фирмы Nextons, руководитель проекта «Сохраненная культура», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, доктор юридических наук
- А.Г. Дейнеко — профессор Департамента права цифровых технологий и биоправа НИУ «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2 класса
- Е.В. Тытюк — юрист практики в области интеллектуальной собственности юридической фирмы Nextons
-

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций по результатам традиционных экспертных опросов, проводимых Кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с юридической фирмой Nextons среди участников ежегодных научно-практических конференций по медиаправу и праву интеллектуальной собственности. В статье подводятся и анализируются итоги экспертного опроса, проведенного осенью 2023 г. и посвященного праву человека на выбор при использовании цифровых технологий. Выдвигается и обсуждается тезис о праве на выбор как относящемся к новому поколению прав человека.

Перед респондентами были поставлены вопросы, основанные на реальных примерах внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни современного российского общества. Вопросы касались беспилотного транспорта, использования искусственного интеллекта для подбора кадров, применения голосовых помощников и чат-ботов для коммуникации с населением, интеграции систем видеонаблюдения и фотофиксации в проекты умного города и т.д. Результаты исследования показали, что в большинстве случаев респонденты выбирали те варианты ответов, которые предоставляли физическим лицам возможность отказаться от использования той или иной технологии. В целом полученные результаты не противоречат результатам опросов, проводившихся по схожей тематике в других юрисдикциях.

Обосновывается необходимость в ближайшее время вводить в отраслевом законодательстве обязанности по информированию граждан об использовании тех или иных цифровых технологий (например, технологий искусственного интеллекта) и созданию недискриминационных условий в сфере цифровизации, где для лиц, не имеющих знаний и/или возможностей их использовать, всегда будет предусмотрена альтернативная возможность нецифрового взаимодействия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, беспилотный транспорт, подбор кадров, голосовой помощник, государственные и муниципальные услуги, умный город

Благодарности: Авторы выражают признательность Александру Котову и Матвею Чернышову за помощь в сборе и обработке информации для этой статьи.

Для цитирования: Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 8–28; DOI: 10.17323/tis.2024.19813.

- **Mikhail A. FEDOTOV**
- National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, mfedotov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2591-1770>, Scopus Author ID: 57188800734, SPIN RSCI: 8819-5654,
- ResearcherID: K-6408-2015
- **Victor B. NAUMOV**
- State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, nau@russianlaw.net, <https://orcid.org/0000-0003-3453-6703>, Scopus Author ID: 57191844984, SPIN РИНЦ: 5729-5413,
- AuthorID РИНЦ: 6101
- **Alexey G. DEYNEKO**
- National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, alexey-deyneko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3700-7364>, SPIN RSCI: 8899-7709,
- AuthorID: 704121

Ekaterina V. TYTIUK

- Legal firm «Nextons», ekaterina.tytiuk@nextons.ru

Information about the authors

- M.A. Fedotov — Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the International Scientific and Educational Center "UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights" at the HSE University, Honorable Lawyer of the Russian Federation, Active State Councilor of the Russian Federation of 2nd Class (ret.)
- V.B. Naumov — Doctor of Legal Sciences, Principal Researcher of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Managing Partner of the St. Petersburg office of Nextons law firm, Head of the "Preserved Culture" Project, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University
- A.G. Deyneko — Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of the Digital Technology Law and Bio Law, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University, State Councilor of the Russian Federation of 2nd Class

E.V. Tytiuk — associate with Nextonslaw firm, IP/IT practice group

Abstract. The article continues a series of publications based on the results of traditional expert surveys conducted by the UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights of the National Research University Higher School of Economics together with the law firm Nextons among participants in annual scientific and practical conferences on media law and intellectual property law. The article summarizes and analyzes the results of an expert survey conducted in the fall of 2023 and dedicated to the human right to choose when using digital technologies. The thesis about the right to choice as a new generation of human rights is put forward and discussed.

As part of the survey, respondents were asked questions based on real examples of the implementation of digital technologies in various spheres of life in modern Russian society. Questions related to unmanned vehicles, the use of artificial intelligence for personnel selection, the use of voice assistants and chat bots for communication with the population, the integration of video surveillance and photographic recording systems into smart city projects, etc.

The results of the study showed that in most cases, respondents chose those answer options that provided individuals with the opportunity to refuse to use a particular technology. In general, the results obtained do not contradict the results of surveys conducted on similar topics in other jurisdictions.

The necessity is substantiated in the very near future to introduce in industry legislation the obligation to inform citizens about the use of certain digital technologies (for example, artificial intelligence technologies) and to create non-discriminatory conditions in the field of digitalization, where for persons who do not have the knowledge and/or ability to use them, there is always an alternative non-digital interaction will be provided.

Key words: artificial intelligence, driverless vehicles, recruitment, voice assistant, government and municipal services, smart city

Acknowledgments: The authors are grateful to Alexander Kotov and Matvey Chernyshov for their assistance in collecting and processing information for this article.

For citation: Fedotov M.A., Naumov V.B., Deyneko A.G., Tytiuk E.V. The Right to Refuse from Digital Technologies: the Results of Expert Survey // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 8–28; DOI: 10.17323/tis.2024.19813.

Современное общество тяготеет к искусственности
и чуждается непосредственности.
Сирил Н. Паркинсон

Покинув тайный мир, я соколом парил.
Как радовался я свободе сильных крыл!
Увы! Никто восторг со мной не разделил.
И я спустился вновь туда, где прежде был.
Омар Хайям

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает серию публикаций по результатам традиционных экспертных опросов [1, 2, 3], проводимых Кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с юридической фирмой Nextons среди участников ежегодных научно-практических конференций по медиаправу и праву интеллектуальной собственности. Темами этих опросов становятся ключевые вопросы, возникающие на стыке цифровых технологий и права, компьютерных наук и юриспруденции. Поскольку эти вопросы неминуемо затрагивают интересы широкого круга людей, ценную информацию для размышлений и выработки рекомендаций, которые могут быть востребованы при выработке будущих управленческих решений, целесообразно искать именно с помощью прикладных социологических исследований. Их результаты призваны стать пищей для обсуждения не только правоведами, но также специалистами в области социологии, экономики, психологии и, разумеется, компьютерных наук. В итоге авторы рассчитывают содействовать формированию системы оптимальных социальных регуляторов, включающих нормы права, этики, технического регулирования и алгоритмического программирования, призванных сделать цифровую сферу обитания человека наиболее комфортной для жизни и созидательного творчества.

Методика экспертного опроса впервые была реализована авторами весной 2023 г. в ходе исследования «Искусственный интеллект и интеллектуальная соб-

ственность», приуроченного к организации и проведению III Международной научно-практической конференции «АВТОР/AUTHOR-2023» (Москва, 27-28 апреля 2023 г.). Результаты опроса были представлены на конференции, после чего стали основой для научного обобщения и публикации в журнале «Труды по интеллектуальной собственности» [1].

Настоящая статья подводит итоги следующего, второго по счету экспертного опроса. На этот раз темой опроса и социально-правового исследования, проведенного на его основе, стало право человека на выбор при использовании цифровых технологий. Площадкой для проведения опроса и представления его результатов была выбрана XXXII Международная научно-практическая конференция «МЕДИАПРАВО – 2023» (Москва, 7-8 декабря 2023 г.). В течение трех месяцев, пока на сайте Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ продолжалась предварительная регистрация участников, посетители сайта имели возможность принять участие в экспертном опросе. Среди респондентов оказались практикующие юристы, представители бизнеса, государственные и муниципальные служащие, преподаватели, студенты, аспиранты и т.д. Разумеется, авторы не претендуют на репрезентативность выборки, однако тот факт, что в опросе приняли участие более половины докладчиков и слушателей конференции, то есть людей, как минимум ориентирующихся в проблематике использования цифровых технологий, в частности в сфере массовых коммуникаций, говорит сам за себя [2].

Перед респондентами были поставлены вопросы, основанные на реальных примерах внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни современного российского общества. Авторы стремились сформулировать вопросы таким образом, чтобы не только выявить отношение респондентов к правовым и этическим проблемам, возникающим в связи с использованием цифровых технологий, но и проверить, насколько представления авторов об актуальности этих проблем, еще недавно казавшихся относящимися к далекому будущему, разделяются участниками экспертного опроса. С учетом высокого отклика со стороны аудитории (в опросе приняли участие более двухсот участников конференции) авторы полагают, что поставленная цель была хотя бы отчасти достигнута.

ПРАВО НА ВЫБОР

В НОВОМ ПОКОЛЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Прежде чем приступить к представлению результатов нашего исследования, обратим внимание на недавно сформировавшуюся в отечественной правовой науке дискуссию относительно права на отказ от цифровых

технологий, которое целесообразно рассматривать в контексте становления концепции нового поколения прав человека. Истоки идеи «отказа от “цифры”» можно отыскать в публичных акциях общественного движения «За право жить без ИНН, личных кодов и микрочипов», возникшего в начале 2000-х годов и объединившего «священнослужителей, монашествующих и православных верующих, не желающих соучаствовать в реализации богоборческих глобальных проектов, ведущих к демонтажу государства и подавлению богоданной свободы каждой личности» [4]. Распространившиеся в определенных кругах опасения, что «ИНН является печатью антихриста», «в ИНН и в электронных документах, удостоверяющих личность, присутствует апокалиптическое число 666», а христиане «утрачивают свое имя, принимая ИНН», заставили государство в 2006 г. внести изменения в Налоговый кодекс РФ, разрешив физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, не указывать ИНН в налоговых декларациях и иных подаваемых в налоговые органы документах, ограничиваясь своими персональными данными (п. 7 ст. 84). Таким образом, можно констатировать, что законодательное признание права человека на отказ от получения и использования ИНН стал первым шагом к формированию целостного правового института — права на отказ от цифровых технологий.

Идея формирования такого института была сформулирована несколько лет назад, когда для повышения уровня доверия к коммуникациям в стремительно развивающемся цифровом мире была предложена модель конституционной нормы о предоставлении гражданам права отказаться от использования цифрового пространства и технологий с сохранением за ними традиционной системы прав и свобод человека и гражданина и гарантией возможности не пользоваться новыми технологиями [5]. Появление такого предложения было обусловлено повсеместным проникновением в общественную жизнь цифровых технологий, в особенности технологий искусственного интеллекта, которые действительно, в отличие от ИНН, способны нести угрозы правам и свободам граждан.

Сформировавшаяся социальная мода на искусственный интеллект (ее можно назвать и рекламой искусственного интеллекта, и пропагандой связанных с ним ценностей), неоспоримые удобства и эффект от его использования в ряде сфер, включая распознавание речи и видеоизображений, анализ объемных текстов, рекламный триумф генеративных технологий создали ситуацию, когда в сфере цифровых коммуникаций использование ботов, автоматизированных ассистентов, применение технологий искусственного

интеллекта в компьютерных играх и так называемых метавселенных становится уже не средством использования плодов технического процесса, а самоцелью в общественной жизни. При этом массовое распространение дипфейков и сгенерированного, но непроверенного человеком контента превращается, увы, в норму.

Таким образом, общественные отношения, в которых субъекты — физические лица вольно или невольно взаимодействуют с компьютерными программами, работающими на основе недетерминированных алгоритмов, становятся данностью для информационного общества. В этих условиях уместно обратиться к авторитету А.А. Пиленко, который более ста лет назад советовал крайне осторожно относиться к культурно-этическому воздействию изобретений. Он предупреждал, что «одно улучшение материального благосостояния еще ведь не служит доказательством сопутствующего повышения также и общекультурного уровня. Материальное благосостояние современной Европы неизмеримо выше благосостояния античной Греции, а между тем греческая культура нам до сих пор является завидным примером для подражания» [6].

С учетом сказанного выше нам представляется разумным, справедливым и перспективным предоставить человеку большие возможности для выбора и обеспечить «осознанное и доверенное участие человека и гражданина в правоотношениях в цифровом пространстве с возможностью отказа от использования внедряемых сложных и не до конца понятных ему технологий» [7].

Можно вспомнить и адресованные молодому поколению слова академика Д.С. Лихачева о том, что «этика, простая в предшествующие века, бесконечно усложнится в век науки. На человека ляжет тяжелейшая и сложнейшая задача быть... человеком науки, человеком, нравственно отвечающим за все, что происходит в век машин и роботов» [8].

Насколько надежны технические средства, которые нам навязывают, функционируют ли они с учетом установленных социальными регуляторами требований по обеспечению прав и интересов человека и гражданина, есть ли, наконец, у человека необходимый набор знаний о том, как ими пользоваться и какие риски здесь могут иметь место? Таков далеко не полный перечень принципиальных вопросов, на которые, как представляется, не дают ответа ни правовые доктрины, ни законодательство, ни естественные, ни точные, ни даже компьютерные науки.

Очевидно, что заставлять человека использовать цифровые технологии для решения тех или иных рутинных задач (например, оплаты услуг ЖКХ, по-

лучения различных государственных и муниципальных услуг), запрещая ему поступать в соответствии с выработанными за десятилетия привычками поведения, — нерациональный выбор для человечества. Необходимо целенаправленно формировать в обществе доверие к цифровым технологиям, не пытаясь навязать их или ввести законом. Доверие должно стать результатом не принуждения со стороны государства, а уважительного, комфортного для человека решения ряда задач. В их число входят, например, задачи идентификации и аутентификации субъектов и объектов в цифровом мире, достижения «среднестатистическим потребителем» медийной и информационной грамотности, обеспечения квалифицированного уровня знания технологий и навыков пользования ими, создания целостной системы гарантий соблюдения прав и законных интересов людей, включая определение юридической ответственности [9].

Право на отказ от цифровых технологий также связано с вопросом обеспечения человеку возможности быть достоверно информированным о том, с кем или с чем он взаимодействует, когда с помощью средств связи пытается реализовать свои законные интересы: получить информацию о расписании движения автобусов, записаться к врачу и т.д. Представляется принципиально важным закрепить за человеком право на коммуникацию с человеком, а не с чат-ботом или голосовым помощником, который во многих случаях оказывается крайне непонятливым, а значит, для человека бесполезным. Подобные ситуации встречаются во многих сферах — от получения государственных и муниципальных услуг до банковского обслуживания.

Представляется, что право на отказ от использования цифровых технологий должно служить инструментом для достижения баланса прав граждан и публичных интересов [10]. Соответствующая логика нашла свое отражение в докладе «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» [11], представленном Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в конце 2021 г. В документе справедливо поднимается проблематика, связанная с тотальной цифровизацией, которая может при определенных обстоятельствах являться вызовом ценностям человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина.

В докладе утверждается, что во многих случаях происходит нарушение естественного права человека не использовать цифровые технологии. В связи с этим делается вывод, что «гражданин имеет право на отказ взаимодействовать с государством и обществом в электронной форме — без необходимости объяснять

кому-либо причины такого решения» [12]. Документ указывает на альтернативу тотальному «цифровому» развитию, предлагая отказаться от жесткого технологического детерминизма и требуя руководствоваться презумпцией «неизменности базовых принципов прав, морали и природы человека, исходя из того, что никакие «технологические революции» и «новые технологические уклады» не меняют ни природы человека, ни моральных ценностей, ни сути общественных отношений, ни основных прав человека» [13].

Как в этих условиях будет развиваться общество, какие цели и задачи оно будет себе ставить, насколько ясно будет понимать собственные приоритеты и управлять системой социальных регуляторов — чрезвычайно важные вопросы. Крайности уже сейчас преследуют нас, и разнонаправленность управленческих решений очевидна. Например, в октябре 2023 г. в такой социально значимой сфере, как образование, впервые была нормативно предусмотрена возможность отказа от применения цифровых технологий. С 01.09.2024 здесь будет действовать следующее правило: при наличии заявления обучающегося об отказе от применения электронного обучения образовательная организация обязана осуществлять обучение без применения соответствующих технологий [14]. Напротив, в декабре 2023 г. было объявлено о переходе в 2024 г. всей российской системы здравоохранения на электронные медицинские карты¹, что вызвало большой общественный резонанс.

Не меньший резонанс среди пациентов и медицинских работников вызвал п. 1 Рекомендации к проведению амбулаторного приема и алгоритм ведения приема в медицинских организациях государственной системы здравоохранения г. Москвы, оказывающих первичную медико-санитарную помощь взрослому и детскому населению, утвержденный московскими властями в конце 2023 г. [16]. Несмотря на заявления Департамента здравоохранения г. Москвы о том, что аудиозапись приема является обезличенной и конфиденциальной [17], на наш взгляд, риски нарушения охраняемой законом врачебной тайны (вследствие идентификации человека по голосу или времени приема либо вследствие взлома компьютера, на котором хранятся аудиозаписи) существенно превышают возможные выгоды от реализации данной инициативы. Спустя месяц после издания приказа Департамент внес в него существенные изменения, исключив про-

цедуру идентификации пациента и дополнив Регламент пунктом о необходимости обезличенного хранения аудиозаписей без привязки данных к конкретным пациентам, их медицинским картам или врачам [18].

Угрозы нарушения прав и свобод граждан, вызванные стремительной цифровизацией процессов государственного планирования и управления, были озвучены в ходе встречи Президента Российской Федерации В.В. Путина с Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в декабре 2020 г. [19]. По итогам указанного заседания глава государства поручил Правительству Российской Федерации совместно с Советом разработать проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации и проект плана мероприятий (дорожной карты) по ее реализации, включающий в себя мероприятия по повышению цифровой грамотности граждан России и их обучению навыкам информационной безопасности и «цифровой гигиены» [20]. Такой документ был разработан специально сформированной межведомственной рабочей группой в 2022 г., однако пока не получил официального утверждения в качестве федерального документа стратегического планирования.

В проекте Концепции, в частности, содержится указание на риски, связанные с продвижением в общественном сознании деструктивных представлений о человеке, его достоинстве, правах и свободах как об исторически преходящих ценностях, утрачивающих свою актуальность в условиях нового технологического уклада, о допустимости и целесообразности тотального контроля частной и общественной жизни граждан, об исторической безальтернативности возрастающей зависимости человека, общества и государства от цифровой среды. В проекте Концепции в числе приоритетных направлений совершенствования законодательства в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации указано, в частности, на необходимость обеспечения паритетного уровня реализации прав и свобод граждан, использующих и не использующих информационные технологии, вне зависимости от причин, которыми они при этом руководствуются (текст проекта концепции опубликован в [21]).

Подобные положения нередко вызывают критику хозяйствующих субъектов, занимающихся развитием информационных технологий, а также отдельных представителей органов публичной власти. Утверждается, в частности, что любые ограничения, связанные с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской

¹ Министр здравоохранения М.А. Мурашко 02.12.2023 объявил об обязательном переходе на электронные медицинские карты с 2024 г. По его словам, власти не посягают «ни в коем разе на врачебный почерк», который «уже в анекдотах зарекомендовал себя», но с 2024 г. от бумажных медкарт врачи должны отказаться. См. [15].

Федерации, будут тормозить развитие российской цифровой экономики и снижать конкурентоспособность отечественного бизнеса. Граждане же якобы в большинстве своем согласны на ограничения своих прав и свобод в обмен на те удобства, которые предоставляют им современные цифровые технологии. Подтвердить или опровергнуть эти утверждения могут результаты проведенного социально-правового исследования.

Транспорт без пилота или без выбора

Стало тривиальным утверждение, что беспилотный транспорт все больше проникает в нашу повседневную жизнь. Все больше городов во всем мире переходят на беспилотный транспорт, а законодатели разных стран при этом реализуют различные регуляторные сценарии. Первая группа стран демонстрирует инновационный подход, обеспечивающий постепенное экспериментальное внедрение беспилотного транспорта, которое предоставляет производителям время для адаптации новых технологий к реальной жизни. Речь идет, в частности, о США, а также о странах «глобального Юга»: Китае, ОАЭ, Сингапуре, Японии и др. Отметим, что в США можно наблюдать конкуренцию экспериментальных правовых режимов между штатами (прежде всего между Калифорнией, Мичиганом и Флоридой) за наиболее привлекательные условия для технологических компаний, развивающих технологии беспилотного транспорта (подробнее о зарубежном опыте регулирования см. [22]).

Вторая группа стран, в которую входят государства Европейского союза, реализует консервативный подход, поскольку эти страны связаны формулировками Венской конвенции о безопасности дорожного движения 1968 г. Так, ч. 1 ст. 8 Конвенции устанавливает, что каждое транспортное средство или состав транспортных средств, которые находятся в движении, должно иметь водителя, а ч. 3 ст. 8 говорит о том, что он должен обладать необходимыми психическими и физическими качествами для управления. В 2014 г. на 68-й сессии Рабочей группы по безопасности дорожного движения Комитета ООН по внутреннему транспорту была одобрена поправка к Венской конвенции, дополняющая ее п. 5-bis ст. 8, «легализовавшим» использование автономных систем управления транспортными средствами. Данная поправка вступила в силу для нашей страны и других стран — участниц Конвенции 23 марта 2016 г., но, как отмечают исследователи, поскольку одним из обязательных условий использования автономных систем является возможность их отключения водителем в любой момент, говорить о полной легализации автономного транспорта пока преждевременно [23].

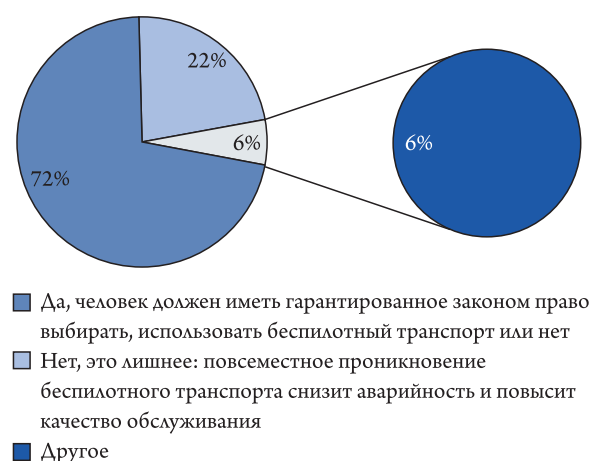
На наш взгляд, формулировки Венской конвенции не исключают толкования, в соответствии с которым при использовании автономной системы управления водитель, обладающий необходимыми качествами, может находиться не в салоне автомобиля, а например, в диспетчерском центре, осуществляя наблюдение за движением беспилотного транспорта. Такой подход позволяет нашей стране делать шаги в области национального правового регулирования, направленные на реализацию инновационного подхода. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» Правительством Российской Федерации в 2018–2022 гг. был реализован первый правовой эксперимент по эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств [24]. Первоначально он проводился в Москве и Республике Татарстан силами компании «Яндекс.Испытания» и автозавода КамАЗ, но впоследствии к эксперименту присоединились Владимирская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новгородская и Самарская области, Чувашская Республика, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Краснодарский край и г. Санкт-Петербург (подробнее о ходе первого эксперимента см. [25]).

Второй правовой эксперимент стартовал в 2022 г. и продлится в течение трех лет на территории 38 субъектов Российской Федерации, в его реализации принимают участие компании «Бейстрек Рус», «Газпромнефть-Снабжение», «СтарЛайн», «Сберавтотех» и «Яндекс.Испытания» [26]. На наш взгляд, расширение географии экспериментального правового режима позволит разработчикам накопить массивы информации о работе беспилотного транспорта в разных климатических зонах и различных дорожных условиях. Кроме того, такое стремительное развитие свидетельствует о высоком уровне безопасности, достигнутом разработчиками: по данным мониторинга публикаций в СМИ и социальных сетях, во всех случаях ДТП с участием беспилотных автомобилей виновниками оказываются другие участники дорожного движения. В целом, на наш взгляд, режим правового эксперимента в большей степени подходит для решения задачи по урегулированию процессов развития беспилотного транспорта, нежели точечные изменения десятков федеральных законов, которые пришлось бы произвести в противном случае. Подобные правовые эксперименты проводятся и за рубежом, во многих странах (подробнее об этом см. [27]).

В рамках данного экспертного опроса теме использования беспилотного транспорта был посвящен

следующий вопрос: «Согласны ли вы, что у гражданина должно быть право выбора в вопросе использования беспилотного транспорта, защищаемое законодательно?». Вопрос носит отчасти провокационный характер, поскольку на данный момент внедрение автоматизированного транспорта (особенно общественного) происходит таким образом, что возможность выбора для пассажиров в принципе не предусмотрена. Тем интереснее выглядят результаты опроса, представленные на диаграмме 1: абсолютное большинство респондентов (72%) проголосовали за вариант, при котором человек должен иметь гарантированное законом право выбирать, использовать беспилотный транспорт или нет.

Диаграмма 1

Лишь 22% респондентов указали альтернативный вариант, при котором возможность выбора транспорта не должна предусматриваться. Этот вариант звучал следующим образом: «Нет, это лишнее: повсеместное проникновение беспилотного транспорта снизит аварийность и повысит качество обслуживания». В рамках опроса некоторые респонденты также высказали мнение, что в целом необходимо отталкиваться не от реального выбора пассажиров, а от соображений безопасности: безопасность должна быть обеспечена на транспорте для всех пассажиров, а способы, которыми эта цель будет достигаться, в данном случае вторичны.

Цифровой кадровик: плюсы и минусы

Еще одна сфера применения цифровых технологий (конкретнее — искусственного интеллекта) — подбор кадров. Уже сейчас многие работодатели применяют построенные на нейросетях системы подбора кадров, чтобы анализировать резюме кандидатов и отсеивать нерелевантные заявки. Однако и те, кто используют такие системы, и те, кто их разрабатывают и обеспечивают машинное обучение, видимо, не

читали мировой бестселлер Сирила Н. Паркинсона «Законы Паркинсона» [28], в котором автор в привычной для его произведений форме блистательного сарказма анализирует сильные и слабые стороны различных способов подбора кадров.

Так называемый британский метод старого типа был основан на «личной беседе, в которой соискатель должен объяснить, кто он такой. Немолодые джентльмены, сидящие вокруг красного дерева стола, спрашивают его имя и фамилию. ... Комиссия не встретит трудностей, пока ей не придется выбирать между третьим сыном баронета и вторым, хотя и побочным, сыном виконта».

Напротив, так называемый китайский метод старого типа сводился к письменным испытаниям: «Во времена династии Мин экзамен для самых способных устраивали каждые три года, и включал он три трехдневные сессии. В первую сессию соискатель писал три сочинения и поэму в восьми четверостишиях. Во вторую он писал пять сочинений на издавна установленные темы. В третью он писал пять сочинений об искусстве управления. Тех, кто все сдал успешно (процента два), допускали к последнему экзамену, который проходил в столице. Длился он один день и включал одно сочинение на тему из текущей политики. Выдержавшие этот экзамен могли стать чиновниками, и чем выше была отметка, тем выше было и место».

Описывая методы рекрутинга середины прошлого века, Сирил Н. Паркинсон отмечает, что все они «сводятся к проверке умственного уровня и психологической беседе. Недостаток вышеозначенной проверки — в том, что победители не знают совершенно ничего. Они тратят столько времени на подготовку к тесту, что ничего больше не успевают выучить. ... При таком методе нередко из пятисот человек выбирают именно того, кто через несколько недель окажется абсолютно непригодным».

Главный вывод Сирила Н. Паркинсона таков: современные методы плохи обилием соискателей. «Конечно, — пишет он, — существуют простейшие способы уменьшить их количество. Сейчас широко применяется формула: «Не старше пятидесяти, не моложе двадцати, и никаких ирландцев», что несколько сокращает число претендентов. Но все же их остается много. ... Незачем привлекать такую массу народу. Но никто об этом не знает, и объявления составлены так, что они неизбежно приманят тысячи».

Идея Сирила Н. Паркинсона состоит в том, чтобы при составлении post description «так уравновесить риском денежную выгоду, чтобы не явилось больше одного соискателя». А если все-таки придут двое или трое, у которых будут все нужные качества, то следует «провести простейшую проверку. Мы спрашиваем

какую-нибудь девицу (машинистку или секретаршу): “Который вам больше нравится?” Она тут же отвечает, и вопрос решен. Нам возразят, что мы полагаемся здесь на чистую случайность, как бы бросаем монету. Это не так. Мы просто ввели новое качество — мужскую привлекательность» [28].

Автоматизированные HR-системы, функционирующие на базе технологии искусственного интеллекта, построены на прямо противоположных принципах. Предназначенные для работы с большими данными, они, как правило, а) используют исходные данные, полученные от машины и (или) от человека, чтобы формировать виртуальную среду; б) обобщают свое восприятие, автоматически или вручную перерабатывая его в модели; в) с помощью человека либо автоматически извлекают из этих моделей результаты в виде рекомендаций, прогнозов и решений. В Рекомендации Комиссара Совета Европы по правам человека «Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека», датированной маем 2019 г., так и определяется система искусственного интеллекта: «машинная система, которая дает рекомендации, делает прогнозы и принимает решения для заданного набора целей» [29]. Современные алгоритмы искусственного интеллекта могут не просто распознавать лица, но и более точно, чем люди, определять по фотографии уровень интеллекта (64% у алгоритма против 57% у человека) [30], а также различные личные качества [31].

Здесь необходимо вспомнить так называемый закон Конвея, согласно которому организации, проектируя сложные искусственные системы, непреднамеренно копируют структуру коммуникаций в своей собственной организации [32]. Мелвин Конвей доказал, что дизайн создаваемых систем в самом широком смысле этого слова отражает ценности и стереотипы людей, которые их создавали. Отсюда следует, что алгоритмы автоматизированной HR-системы будут настолько этичны, толерантны и законопослушны, насколько эти качества присущи создавшим их людям. На каких больших данных будет построено машинное обучение, так и будет делать свой выбор робот-кадровик. Например, если для его глубокого обучения будет использован массив резюме за последние несколько десятилетий, то «в своей последующей автономной работе он будет отдавать предпочтение мужчинам, а не женщинам, воспроизводя старую практику» [33]. Кроме того, работодатель или сторонняя компания, которой он поручит кадровую работу, может намеренно использовать технологии искусственного интеллекта в дискриминационных целях — например, для того чтобы избавиться от кандидатов с невысоким уровнем интеллекта, неподходящей политической или сексуальной ориентацией или от женщин, пла-

нирующих пополнение в семье в ближайшее время. В последнем случае будет иметь место совершение группой лиц по предварительному сговору преступления, предусмотренного ст. 145 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Понимая опасность таких последствий, авторы настоящего исследования поставили перед респондентами следующий вопрос: «Нужно ли законодательно закрепить отдельное право кандидата требовать, чтобы его кандидатура рассматривалась сотрудником кадровой службы, а не автоматизированной HR-системой?». При этом мы учитывали, что ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) запрещает принятие юридически значимых решений в отношении субъекта персональных данных на основании исключительно автоматизированной обработки его персональных данных, поскольку такие решения порождают юридические последствия или иным образом затрагивают права и законные интересы субъекта персональных данных. Исключения предусмотрены только для тех случаев, когда имеется письменное согласие субъекта персональных данных «или в случаях, предусмотренных федеральными законами, устанавливающими также меры по обеспечению соблюдения прав и законных интересов субъекта персональных данных» (п. 2 ст. 16).

Оператор персональных данных, в данном случае — работодатель, обязан разъяснить субъекту персональных данных порядок принятия решения на основании исключительно автоматизированной обработки его персональных данных и возможные юридические последствия такого решения, предоставить возможность заявить возражение против такого решения, а также разъяснить порядок защиты субъектом персональных данных своих прав и законных интересов. Если кандидат на вакантную должность воспользуется своим правом подать возражение на принятое в отношении него кадровое решение, то оператор обязан рассмотреть его в 30-дневный срок.

Сходные правила предусмотрены также законодательными актами других стран и межгосударственных образований. В качестве примера можно привести GDPR [34], *California Privacy Rights Act* (“CPRA”) [35] и другие нормативные правовые акты. Смысл всех подобных правил очевиден — обеспечить защиту прав и законных интересов физических лиц с соответствующим ограничением прав компаний-работодателей, на которые возлагаются дополнительные обязательства.

Однако расплывчатость формулировок Федерального закона «О персональных данных» по данному вопросу и отсутствие у субъекта персональных данных гарантированного права требовать, чтобы

решение о его трудоустройстве принималось без использования автоматизированной HR-системы, предопределили необходимость постановки в рамках нашего исследования вопроса в столь категоричной форме. Распределение ответов на поставленный вопрос показано на диаграмме 2.

Диаграмма 2

Как видим, подавляющее большинство респондентов проявили лояльность к автоматизированным HR-системам, которые могут использовать работодатели в процессе рекрутинга. В той или иной степени с этим готовы мириться 87% опрошенных. Только 13% опрошенных решили, что нужно законодательно запретить использование подобных систем подбора кадров.

Наибольшее число голосов (37%) набрал ответ, согласно которому работодатель может самостоятельно принимать решение об использовании подобных систем, однако обязан предварительно уведомлять об этом кандидатов. Иными словами, здесь предлагается использовать ту последовательность юридически значимых действий, которая предусмотрена в ст. 16 Федерального закона «О персональных данных».

Примерно столько же респондентов высказались за некоторое уточнение существующего правового механизма. Так, 23% опрошенных посчитали, что использование подобных систем подбора кадров нужно запретить в определенных законом сферах. По мне-

нию 11% опрошенных, работодатель может применять только такие основанные на использовании технологии искусственного интеллекта системы подбора кадров, которые прошли сертификацию в Минтруда России. Отметим, что на сегодняшний день подобная сертификация законодательством не предусмотрена. Однако, если предположить, что целью установления подобной процедуры будет реальная защита трудовых прав работника, который всегда является слабой стороной в правоотношениях с работодателем, то следует признать эту идею заслуживающей обсуждения.

Радикальными сторонниками автоматизированных HR-систем оказались 9% опрошенных. Они согласились с тем, что работодатель должен иметь право самостоятельно принимать решение об использовании подобных систем без уведомления и согласия кандидата. Естественно предположить, что такой ответ выбирали прежде всего те респонденты, которые сами являются работодателями. Наша гипотеза о наличии корреляции между предпочтением респондента и его реальным положением в трудовых правоотношениях полностью подтвердилась. Ответы тех, кто указал в анкете, что работает в бизнесе, разделились между вариантами: «Работодатель должен иметь право самостоятельно принимать решение об использовании подобных систем без уведомления и согласия кандидата» и «Работодатель должен иметь право самостоятельно принимать решение об использовании подобных систем, но обязан предварительно уведомлять об этом кандидатов». Тот факт, что в этой группе респондентов из двух перечисленных некоторое преобладание выявлено у второго варианта, может объясняться тем, что ответ «Работаю в бизнесе» в равной степени могли давать как предприниматели, так и их наемные работники.

«Его звали Роберт»

Так называлась советская научно-фантастическая кинокомедия производства киностудии «Ленфильм» (режиссер — Илья Ольшвангер), вышедшая на экраны в 1967 г. и посвященная приключениям робота-андроида по имени Роберт, которого по своему образу и подобию сконструировал молодой ученый Сергей. Естественно, обе роли играл один и тот же актер, Олег Стриженов. Сюжет популярного фильма строился на том, что запрограммированное сходство персонажей становится причиной многих веселых недоразумений.

Мы вспомнили этот фильм, исследуя тему самоидентификации роботов-андроидов и понимая, что сходство с человеком может выражаться не только во внешнем облике, но и, в частности, в голосе. В фильме, кстати, робот всегда представляется Робертом, но

никогда — роботом. И на совет своего создателя Сергея «Учись думать, а не только вычислять» отвечал: «У меня нет времени думать».

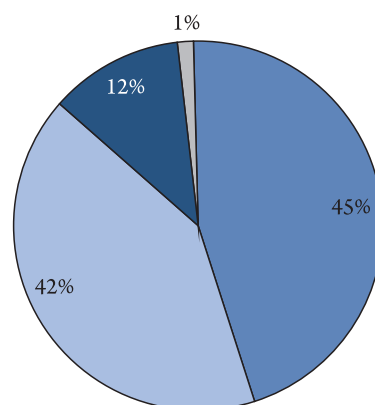
Фактически создатели фильма показали, видимо, сами того не подозревая, принцип работы теста Тьюринга, суть которого в максимально редуцированном виде можно сформулировать как поставленную перед испытателем (судьей) задачу в рамках вербальной коммуникации с человеком и компьютером определить, с кем именно в данный момент происходит его общение (см. подробнее, например, [36].) В нашем исследовании мы попросили респондентов задуматься над тем, должен ли гражданин всякий раз проходить тест Тьюринга, когда сталкивается с работой искусственного интеллекта при получении информации или услуг в дистанционном формате, например по телефону.

Поставив вопрос о необходимости обязательной самоидентификации роботов, мы сформулировали его следующим образом: «Когда вы звоните по телефону в какую-нибудь организацию, вы не всегда можете определить, разговариваете ли вы с человеком или с роботом — голосовым помощником. Нужно ли законодательно регулировать такие ситуации?» Мнения опрошенных разделились практически пополам между двумя ответами: 45% опрошенных выбрали вариант «Да, достаточно законодательно установить обязательность идентификации того, с кем (чем) коммуницирует гражданин, обратившийся в организацию», 42% выбрали вариант «Да, должны быть закреплены подробные правила коммуникации человека с роботом, поскольку человек может оказаться в роли «слабой стороны». Только 12% опрошенных посчитали, что такое регулирование излишне. Распределение ответов показано на диаграмме 3.

Отметим, что законодательные новеллы, предполагающие обязательную самоидентификацию систем, работающих на основе технологии искусственного интеллекта, уже встречаются в различных юрисдикциях. К примеру, в штате Калифорния (США) принят закон под названием *Bolstering Online Transparency Act* (сокращенно «*The B.O.T.*»). В соответствии с этим законом физическим и юридическим лицам запрещено использовать чат-бота для общения или взаимодействия в сети с жителями Калифорнии с целью стимулирования продажи или сделки с товарами или услугами либо влияния на голосование на выборах без раскрытия информации о том, что общение происходит с помощью чат-бота [37].

Более того, в настоящее время идет активное обсуждение проекта «*AI Disclosure Act*». Согласно этому законопроекту, любой контент, сгенерированный искусственным интеллектом, должен содержать дисклеймер *DISCLAIMER: this output has been generat-*

Диаграмма 3

- Да, достаточно законодательно установить обязательность идентификации того, с кем (чем) коммуницирует гражданин, обратившийся в организацию
- Да, должны быть закреплены подробные правила коммуникации человека с роботом, поскольку человек может оказаться в роли «слабой стороны»
- Нет, это лишнее

ed by artificial intelligence [38]. По поводу содержания законопроекта разгорелись споры, поскольку многие предсказуемо сочли такое требование излишне обременительным.

Напомним, что в рамках предыдущего экспертного опроса, проведенного в апреле 2023 г., авторы настоящей статьи ставили перед респондентами вопрос о том, нужно ли при создании объектов интеллектуальной собственности раскрывать информацию о технологии, с помощью которой они были созданы. Абсолютное большинство опрошенных согласилось с такой необходимостью [1]. Как видим, и в вопросе о необходимости самоидентификации искусственного интеллекта налицо высокий уровень единодушия среди респондентов (87%).

Незаменимый оператор

В развитие темы коммуникации человека с роботами, будь то чат-боты или голосовые помощники, в рамках экспертного опроса респондентам было предложено выразить свое мнение в отношении того, должна ли быть установлена законом возможность перевода телефонного звонка на специалиста-человека при коммуникации с организацией, использующей автоматических голосовых помощников.

Отметим, что с момента появления на рынке первого голосового помощника Siri (2011), представляющего собой «программное обеспечение с внедренным искусственным интеллектом, который постоянно обучается, улучшается и сам себя совершенствует» [39], данное направление развития цифровых технологий продвинулось уже достаточно далеко, хотя и сохранило основные принципы своего построения. Коммуника-

ция с голосовым помощником, как и прежде, происходит через распознавание речи пользователя, который теперь может задать вопрос компьютеру, подключенному к облачным сервисам в интернете, не беря в руки клавиатуру, планшет или смартфон. Ответ на вопрос получается в виде либо текста на дисплее, либо синтезированной «речи» голосового помощника.

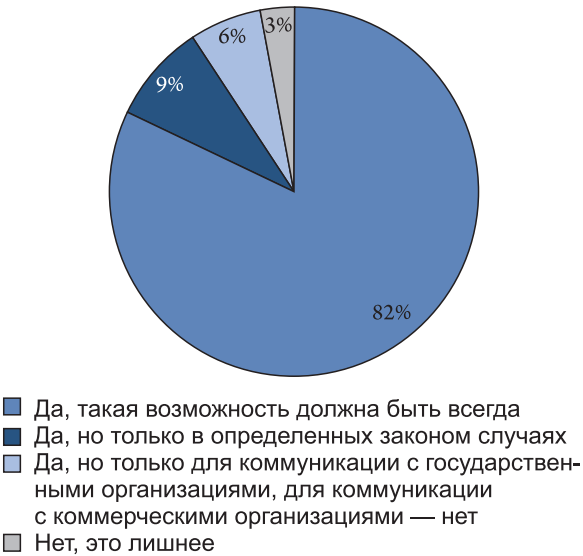
В настоящий момент по подсчетам Е.С. Егоровой, Д.А. Быкова и Д.А. Вьюнова [39], на рынке представлены около 30 голосовых помощников. Некоторые из них используются в работе государственных организаций и частных компаний для коммуникации с заинтересованными гражданами посредством голосовой (телефонной) связи. Так, среди зарегистрированных в Роспатенте программ для ЭВМ имеется ряд вариантов голосовых помощников для государственных учреждений: модуль «Интерактивный голосовой помощник» единой информационной системы оказания государственных и муниципальных услуг Московской области», «Клиент-серверное приложение с голосовым помощником “Голос города” для регионов Российской Федерации» и т. д.

Как отмечают специалисты, для успешной коммуникации человека с голосовым помощником принципиальное значение имеет так называемый принцип вежливости, который по мысли английского лингвиста Дж. Лича включает в себя шесть максим: такт, великодушие, одобрение, скромность, согласие и симпатия. Исследование, проведенное П.В. Дорожкиной и Е.О. Моисеевой [40], показало, что «голосовым помощникам в основном свойственна непротиворечивость словам пользователя, тем не менее принцип вежливости нарушается относительно часто. По большей части это связано с отступлением от максимы скромности. Стоит, однако, заметить, что часто ботами давались нерелевантные ответы или такие, в которых сложно угадать интенцию при общем соответствии смысла сообщения запросу. При этом в отдельных случаях регулярно не давались ответы вообще».

Тот факт, что ответы голосового помощника часто оказываются нерелевантными вопросу или не даются вообще, заставляет поставить вопрос о необходимости обеспечить заинтересованному гражданину возможность коммуникации с человеком-оператором в качестве альтернативы общения с роботом. В нашем исследовании абсолютное большинство опрошенных (82%) посчитали, что такая возможность должна быть всегда. Другие варианты ответов привлекли значительно меньшее количество респондентов. Так, 9% экспертов посчитали, что возможность перевода звонка на человека-оператора должна быть не во всех, а только в предусмотренных законом случаях, а 6% решили, что такая возможность обязательна для комму-

никации только с государственными организациями, но никак не с коммерческими. Для 3% опрошенных возможность контакта с человеком-оператором оказалась вообще не нужна (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

Несомненно, законодательное установление правила, согласно которому использование голосового помощника для коммуникации с гражданами должно предусматривать возможность переключения разговора на человека-оператора, будет обременительным для использующих такую технологию организаций, поскольку потребует от них затрат на создание дополнительных рабочих мест и оплату труда работников. Тогда как возможность использования исключительно голосовых помощников для коммуникации с гражданами позволяет существенно снижать затраты компаний, прежде всего на оплату труда работников, а также резко повышать количество обработанных звонков.

Несмотря на значительную экономию, которую дает использование голосовых помощников, все настойчивее ставится в науке и в общественной дискуссии вопрос о необходимости регулирования данного процесса. Так, проект закона “AI Bill of Rights: Making Automated Systems Work for the American People”, опубликованный Управлением по научно-технической политике Администрации Президента США в октябре 2022 г., содержит предложения, согласно которым люди, где это необходимо, должны иметь доступ к человеку-оператору, способному быстро рассмотреть и устранить возникшие проблемы. Кроме того, человек должен иметь возможность отказаться от использования автоматизированных систем в пользу получения требуемой услуги от человека-оператора, если это ему необходимо [41].

ПРАВО НА ВЫБОР ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ С ГОСУДАРСТВОМ

Коммуникация человека с теми или иными организациями посредством использования голосового помощника или чат-бота — всего лишь частные случаи более общей проблемы, а именно получения услуг в цифровой форме в дистанционном режиме. Если для коммерческих структур данный вопрос относится к сфере выбора оптимальной бизнес-стратегии, то для государственных и муниципальных органов — к сфере реализации конституционных принципов функционирования институтов публичной власти.

Согласно Конституции Российской Федерации, «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2), а сами эти права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». В то же время к числу конституционных прав и свобод человека и гражданина в интересующей нас сфере относятся право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (часть вторая ст. 24), право на информацию (часть четвертая ст. 29), право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33).

Все эти права могут в настоящее время реализовываться гражданами как в дистанционном формате в цифровой форме, так и в более традиционных формах, путем личного посещения тех или иных учреждений, направления и получения документов в бумажном виде и т.д. Для граждан, которые уже вполне овладели навыками цифрового общения с органами публичной власти, первый вариант, можно предположить, будет предпочтительнее. Но было бы ошибкой абстрагироваться от того факта, что существует значимая часть населения, которая не освоила эти навыки по тем или иным причинам.

Принято считать, что среди противников использования информационно-коммуникационных технологий в данной сфере преобладают люди пожилого возраста. Есть и другие категории граждан, для которых получение государственных и муниципальных услуг «по старинке» является не только привычным стереотипом, но и принципиальным выбором и которых можно отнести к «цифроскептикам»². Следователь-

но, тотальный и безальтернативный переход на исключительно цифровую коммуникацию органов публичной власти с населением, с одной стороны, даст большую экономию средств за счет высвобождения значительного числа офисных работников, а с другой — приведет к ущемлению прав отдельных категорий граждан.

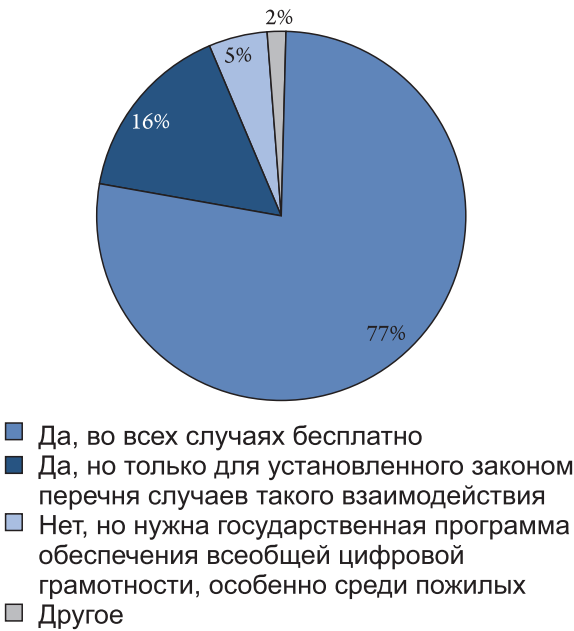
Исходя из этих соображений авторы предложили участникам экспертного опроса задуматься над тем, должны ли государственные и муниципальные органы предоставлять гражданину возможность выбора формы взаимодействия с ними — очное или дистанционное, цифровое. Как показано на диаграмме 5, большинство опрошенных (77%) посчитали, что такая возможность должна предоставляться во всех случаях, причем бесплатно. Еще 16% опрошенных полагают, что такая возможность должна предоставляться только для установленного законом перечня случаев подобного взаимодействия. 5% опрошенных все же поддержали идею о том, что гражданину не должна предоставляться возможность выбора формы взаимодействия с органами публичной власти, но нужна государственная программа обеспечения всеобщей цифровой грамотности, особенно среди пожилых. Отдельно некоторые из опрошенных отметили, что государству в любом случае необходимо решать проблему цифрового неравенства между людьми, которые свободно владеют цифровыми технологиями и не испытывают трудностей при их использовании, и теми, для кого цифровые продукты могут являться препятствием для доступа к государственным и муниципальным сервисам.

Обратим внимание на очевидную корреляцию в ответах на вопрос о формах коммуникации граждан с институтами публичной власти и на предыдущий вопрос об обязательности участия человека-оператора при использовании организациями голосовых помощников и чат-ботов для общения с населением. За сохранение альтернативных вариантов в первом случае высказались 82% опрошенных, во втором случае — 77%. Чтобы проверить устойчивость позиции, согласно которой внедрение цифровых технологий должно сопровождаться сохранением прежних, более привычных каналов коммуникации, перед респондентами был поставлен вопрос, призванный обобщить описанные выше частные случаи: «Должно ли быть закреплено в законах право гражданина на отказ от использования цифровых технологий?». Как показано на диаграмме 6, абсолютное большинство опрошенных (85%) считают, что такое право должно быть

² Авторы полагают весьма удачным появившийся в последнее время неологизм «цифроскептики», построенный по аналогии с общеупотребимым термином «евроскептики», который широко используется как в специальной литературе, так и в мас-

совых СМИ для обозначения людей, скептически относящихся к актуальному состоянию и перспективам Европейского союза. См., например, [42].

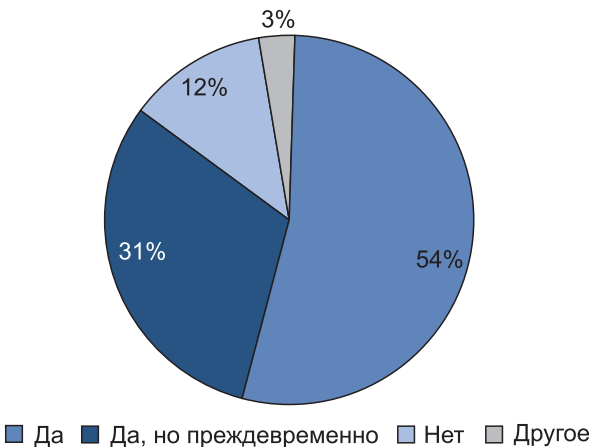
Диаграмма 5

закреплено законодательно. При этом 54% респондентов полагают, что такую норму необходимо ввести в законодательство уже сейчас, а 31% — что данное правило должно появиться позднее, по мере продвижения цифровизации общественной жизни: пока же она представляется им преждевременной.

Абсолютное меньшинство опрошенных (12%) убеждены, что в законодательном закреплении права человека на отказ от использования цифровых технологий нет необходимости. При этом в своих комментариях некоторые сторонники последней позиции указывали, что смысла в закреплении подобного правила нет, поскольку препятствовать цифровизации невозможно.

Диаграмма 6

Представляется этически некорректным умалчивать, что авторы настоящей статьи являются сторонниками законодательного закрепления права человека

на отказ от использования цифровых технологий. Более того, мы полагаем, что время установления такой нормы уже пришло. Чем дольше законодатель будет оттягивать ее введение, тем сложнее будет снимать социальное напряжение, вызванное ее отсутствием. На наш взгляд, закрепление на законодательном уровне права гражданина на отказ от использования цифровых технологий не должно рассматриваться как воспрепятствование технологическому развитию. Скорее оно необходимо для того, чтобы сбалансировать стремительно развивающуюся «технологическую эволюцию» и с помощью специальных мер социальной поддержки, прежде всего в сфере медийной, информационной и компьютерной грамотности, позволить адаптироваться к новой цифровой реальности людям, которые в силу определенных причин не успевают за скоростью развития технологий.

Для нас очевидно, что эти люди должны иметь возможность чувствовать себя полноценными членами современного общества. Поэтому представляются этически неприемлемыми случаи, когда коммерческие компании (например, банки) отменяют возможность решения того или иного вопроса посредством посещения офиса, переводя все в онлайн-формат. Такой подход, обусловленный стремлением к минимизации затрат на операционную деятельность, откровенно ущемляет права той части общества, которая еще не адаптировалась к цифровым технологиям.

По сути, такой подход лишь углубляет тот электронно-цифровой разрыв, о котором говорилось в Окинавской хартии глобального информационного общества 2000 г., которая декларировала, что «каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям. ... Ключевой составляющей нашей стратегии должно стать непрерывное движение в направлении всеобщего доступа для всех», в том числе необходимо «уделять особое внимание нуждам и возможностям людей, пользующихся меньшей социальной защищенностью, людей с ограниченной трудоспособностью, а также пожилых граждан и активно осуществлять меры, направленные на предоставление им более легкого доступа» [43]. Особую важность данная проблема приобретает в том случае, когда речь идет о решении повседневных задач, затрагивающих каждого человека (к примеру, об оплате налогов или услуг ЖКХ).

Шоры для «недреманного ока»

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено высказать мнение и по поводу таких неотъемлемых элементов системы умного города, как видеонаблюдение и фотофиксация. В 2014 г. Правительством Российской Федерации была утверждена

Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [44], а в 2018 г. Правительство г. Москвы утвердило региональную Концепцию «Москва. Умный город 2030» [45]. Требования об обязательном оснащении публичных мест системами видеонаблюдения установлены также для торговых объектов (рынков, магазинов и пр.), гостиниц, учреждений культуры и т.д. [46].

В числе функций комплекса «Безопасный город», направленных на обеспечение правопорядка и профилактику правонарушений, подп. «б» п. 1 разд. IV федеральной Концепции называет «идентификацию и распознавание лиц». Что же касается столичной системы, то, по информации Департамента информационных технологий г. Москвы, в 2022 г. в Москве насчитывалось более 225 тыс. камер видеонаблюдения, благодаря которым за год удалось раскрыть более 9,4 тыс. преступлений, в том числе особо тяжких [47]. Однако ни в указанных концепциях, ни в предварительном национальном стандарте [48] пока не описан алгоритм реализации данной функции. В связи с этим возникает вопрос о признании права законопослушного гражданина не быть идентифицированным и распознанным при помощи таких систем, которое можно назвать логическим продолжением презумпции невиновности.

Диаграмма 7

В связи с этим в рамках нашего экспертного опроса вопрос был сформулирован следующим образом: «Согласны ли вы, что в законе не должно быть территориальных ограничений по «покрытию» города

системами видеонаблюдения для автоматизированной аналитики ситуации в режиме реального времени, иными словами, «слепых зон» в городе быть не должно?». В итоге, как показано на диаграмме 7, 42% опрошенных посчитали, что в первую очередь необходимо отталкиваться от соображений безопасности, и выбрали вариант, в соответствии с которым автоматизированный мониторинг ситуации должен осуществляться только в тех местах, где имеются реальные угрозы безопасности граждан.

Немного меньше опрошенных (37%) предпочли опереться на противопоставление частных и публичных пространств и посчитали, что «слепые зоны» в городе допустимы, только если это частные территории. При этом 14% респондентов решили, что «слепых зон» в принципе быть не должно, а 5%, наоборот, высказали мнение, что автоматизированный мониторинг в реальном времени должен быть запрещен.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В качестве общей тенденции по результатам опроса можно отметить, что в большинстве случаев респонденты выбирали те варианты ответов, которые предоставляли физическим лицам возможность отказаться от использования той или иной технологии. Этот вывод заставляет задуматься, поскольку на практике технологии внедряются в нашу жизнь без какой-либо возможности повлиять на этот процесс или отказаться быть его участником. Можно даже предположить, что, если мир пойдет по пути «навязывания» цифровизации, это может привести к жесткому отрицанию со стороны общества и гипотетически — к «антитехнологической» революции. С учетом того, что на данный момент идея внедрения права на отказ от цифровых технологий не обсуждается широко в публичном пространстве, авторы настоящей статьи призывают к дискуссии о возможности введения такого права на законодательном уровне.

Как упоминалось выше, это не первый экспертный опрос, который проводит Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ совместно с компанией Nextons [1]. По результатам двух опросов можно сделать вывод, что в ответах респондентов прослеживаются тенденция отсутствия однозначного доверия технологиям в целом и последовательный выбор в пользу человека, когда речь идет о противопоставлении «человек — машина». С одной стороны, такие результаты могут объясняться тем, что респонденты в первую очередь видят себя самих в качестве пользователей технологий, а не в качестве разработчиков. С другой стороны, целевой аудиторией опросов всегда являются неравнодушные к теме инноваций лица, включая тех,

кто занимается технологиями (в том числе их регулированием) на профессиональной основе. Кроме того, больше половины респондентов в обоих экспертных опросах составляют молодежь и люди среднего возраста, то есть та часть общества, которая в основной своей массе свободно владеет технологиями и не испытывает особых сложностей в процессе цифровизации.

Представляется, что среди лиц старшего возраста уровень доверия к информационным технологиям будет в среднем еще ниже. Одновременно с этим многие респонденты готовы к использованию технологий и внедрению их в повсеместную жизнь при условии прозрачности этого процесса. В целом полученные нами результаты не противоречат результатам опросов, проводившихся по схожей тематике в других юрисдикциях. Так, ресурс *Pew Research Center* опубликовал результаты исследования, которое показало, что 52% американцев говорят, что они больше обеспокоены, чем воодушевлены расширением использования искусственного интеллекта [49]. Глобальное исследование, проведенное совместно Университетом Квинсленда (*University of Queensland*) и компанией *KPMG*, продемонстрировало, что трое из пяти опрошенных (61%) либо настроены неоднозначно в отношении использования искусственного интеллекта, либо не желают доверять ему [50]. Наконец, опубликованные на ресурсе *World Economic Forum* результаты исследования, которое проводилось для Мирового экономического форума, показали, что только половина опрошенных в равной степени доверяют компаниям, использующим искусственный интеллект, и не использующим его [51].

Подводя итог сказанному выше, заметим, что, по нашему мнению, в предметном отраслевом законодательстве в ближайшее время потребуются вводить обязанности информирования граждан об использовании тех или иных технологий (например, технологий искусственного интеллекта) и создания недискриминационных условий в сфере цифровизации, где для лиц, не имеющих знаний и/или возможностей их использовать, всегда будет предусмотрена альтернативная возможность нецифрового взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Экспертный опрос на тему «Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность», проводился на сайте Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ по адресу <https://hse.ru/unesco/> в январе — апреле 2023 г. Результаты исследования использованы при написании статьи: Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тытюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: социально-правовые проблемы творчества // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 68–83; DOI: 10.17323/tis.2023.18218.
2. Экспертный опрос на тему «Право на выбор при использовании цифровых технологий», проводился на сайте Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ по адресу <https://hse.ru/unesco/> в сентябре — ноябре 2023 г. Результаты исследования использованы авторами при подготовке настоящей статьи.
3. Экспертный опрос на тему «Искусственное искусство: окно в творчество или бумажные цветы для механического пианино?», проводился на сайте Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ по адресу <https://www.hse.ru/unesco/ii> с января по апрель 2024 г.
4. Официальный сайт Международного общественного движения «За право жить без ИНН, личных кодов и микрочипов» [электронный ресурс]. — URL: <https://www.notinn.ru> (дата обращения: 25.01.2024).
5. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: Дис. ... докт. юр. наук. М., 2020. С. 355. Материалы и выступления Четвертой международной научно-практической конференции «Бачиловские чтения». М.: ИП РАН, 2021.
6. Право изобретателя: (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве): историко-догматическое исследование [т. 1-2] / Ал. Пиленко, приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902-1903. Т. 2. С. 46. Московский Либертариум [электронный ресурс]. — URL: <https://libertarium.ru/pilenko-0-vvedenie.html> (дата обращения: 25.01.2024).
7. Наумов В.Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Четвертые Бачиловские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права РАН, 2022. С. 83.
8. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1985.
9. Наумов В.Б. Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 7.
10. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the Law During the Digital Transformation // State and Law. 2022. № 11. С. 145.
11. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека / И.С. Ашманов, С.Г. Волобуев, В.Б. Наумов и др. М., 2021. 123 с. — URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_pod

- gotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svo-
bodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/
12. Там же. С. 40.
 13. Там же. С. 91.
 14. Пункт 12 Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678 // СПС «КонсультантПлюс».
 15. РБК [электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2023/656b56bd9a794774d-175ac7a> (дата обращения: 25.01.2024).
 16. Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 20 декабря 2023 г. № 1241 «О тиражировании проекта по проведению аудиоконтроля амбулаторного приема врача в медицинских организациях государственной системы здравоохранения города Москвы, оказывающих первичную медико-санитарную помощь взрослому и детскому населению» // СПС «Консультант Плюс».
 17. Депздрав Москвы ввел выборочную аудиозапись приема в кабинетах врачей // Коммерсантъ, 12 января 2024 г. [электронный ресурс]. — URL: <https://kommersant.ru/doc/6452738> (дата обращения: 1 февраля 2024 г.).
 18. Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 24 января 2024 г. № 40 «О внесении изменений в приказ от 20 декабря 2023 г. № 1241 «О тиражировании проекта по проведению аудиоконтроля амбулаторного приема врача в медицинских организациях государственной системы здравоохранения города Москвы, оказывающих первичную медико-санитарную помощь взрослому и детскому населению» // СПС «Консультант Плюс».
 19. Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 10 декабря 2020 г. [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/18/64638> (дата обращения: 1 февраля 2024 г.).
 20. Подп. «г» п. 3 перечня поручений Президента Российской Федерации от 28 января 2021 г. № Пр-133 [электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (дата обращения: 1 февраля 2024 г.).
 21. Дейнеко А.Г. Публичное право в киберпространстве (публично-правовое регулирование информационных отношений): монография. М.: Проспект, 2023. С. 209.
 22. Воронин Д.А., Макаревич М.Л. Проблемы правового регулирования автономного транспорта // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 7 (33), Т. 1. С. 123–128.
 23. Незнамов А.В. Правила беспилотного вождения: об изменениях Венской конвенции о дорожном движении // Закон. 2018. № 1. С. 178.
 24. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 (ред. от 7 февраля 2022 г.) «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» // СПС «Консультант Плюс».
 25. Дейнеко А.Г. Эволюция правового регулирования эксплуатации беспилотных автомобилей в Российской Федерации // Информационное право. 2022. № 1 (71). С. 31–34. DOI: 10.55291/1999-480X-2022-1-31-34.
 26. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» // СПС «Консультант Плюс».
 27. Макаров В.О. Практические вопросы внедрения института регулятивных песочниц в российское законодательство в контексте вступления в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Юридические исследования. 2020. № 11. С. 18–24.
 28. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона и другие памфлеты: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1976. С. 34–41.
 29. Официальный сайт Комиссара Совета Европы по правам человека [электронный ресурс]. — URL: https://search.coe.int/commissioner/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809a42e4 (дата обращения: 25.01.2024).
 30. Zebrowitz L.A. Hall J.A., Murphy N.A., Rhodes G. Looking Smart and Looking Good: Facial Cues to Intelligence and Their Origins // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28. № 2. P. 238–249. DOI: 10.1177/0146167202282009.
 31. What your Facebook Profile Picture Reveals about your Personality / C. Segalin, F. Celli, L. Polonio et al // MM '17: Proceedings of the 25th ACM International Conference on Multimedia. 2017. P. 460–468. DOI: 10.1145/3123266.3123331.
 32. Conway Melvin E. How Do Committees Invent? // Datamation (magazine, F.D. Thompson Publications, Inc.). 1968. April.
 33. Федотов М.А. Роль университетской науки в формировании права искусственного интеллекта // Цифровая среда и политика университетов в сфере интеллектуальной собственности: сб. научных ра-

- бот / отв. ред. проф. И.А. Близнец. М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 15.
34. Art. 22 General Data Protection Regulation.
 35. California Consumer Privacy Act of 2018 [1798.100 – 1798.199.100] (Title 1.81.5 added by Stats. 2018, Ch. 55, Sec. 3.)
 36. Алексеев А.Ю. Комплексный тест Тьюринга: фило-софско-методологические и социокультурные аспекты. М.: ИИнтелЛ, 2013. 303 с.
 37. Gail J. Kamal of Faegre Drinker. California's BOT Disclosure Law, SB 1001, Now In Effect // The National Law review. 2024. Vol. XIV, No 22. — URL: <https://www.natlawreview.com/article/california-s-bot-disclosure-law-sb-1001-now-effect> (дата обращения 22.01.2024).
 38. H.R. 3831: AI Disclosure Act of 2023 // Govtrack. — URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr3831/summary> (дата обращения 24.01.2024).
 39. Егорова Е.С., Быков Д.А., Вьюнов Д.А. Сравнительный анализ работы голосовых помощников // Современные информационные технологии. 2022. № 36 (36). С. 114.
 40. Дорожжина П.В., Моисеева Е.О. Принцип вежливости в реакциях голосовых помощников на комплименты // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика» профессора Оскара Яковлевича Гойхмана. Калининград, 2023. С. 299.
 41. The Blueprint for an AI Bill of Rights: Making Automated Systems Work for the American People. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Blueprint-for-an-AI-Bill-of-Rights.pdf> (дата обращения 22.01.2024).
 42. Кнорре Б.К., Мурашова А.А. «В начале было Слово», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 2. С. 146–166.
 43. Окинавская хартия глобального информационного общества (Принята на о. Окинава 22.07.2000) // СПС «КонсультантПлюс».
 44. Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р, в ред. от 5 апреля 2019 г.) // СПС «Консультант Плюс».
 45. Концепция «Москва. Умный город 2030» [электронный ресурс]. — URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (дата обращения: 9 февраля 2024 г.).
 46. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 2017 г. № 1273 (ред. от 5 марта 2022 г.) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)»; Постановление Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2017 г. № 447 (ред. от 5 марта 2022 г.) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов» // СПС «Консультант Плюс».
 47. Городская система видеонаблюдения [электронный ресурс]. — URL: <https://video.dit.mos.ru> (дата обращения: 9 февраля 2024 г.).
 48. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации ПНСТ 761-2023 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Безопасный город. Термины и определения» (утв. приказом Росстандарта от 6 марта 2023 г. № 12-пнст) // СПС «Консультант Плюс».
 49. Faverio M., Tyson A. What the data says about Americans' views of artificial intelligence // Pew Research Center 21.11.2023. — URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/11/21/what-the-data-says-about-americans-views-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 25.01.2024).
 50. Gillespie N., Lockey S., Curtis C., Pool J., Akbari A. (2023). Trust in Artificial Intelligence: a Global Study. The University of Queensland and KPMG Australia. 10.14264/00d3c94. — URL: <https://ai.uq.edu.au/project/trust-artificial-intelligence-global-study> (дата обращения: 25.01.2024).
 51. Myers Joe. 5 charts that show what people around the world think about AI // Weforum. 5.01.2022. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/artificial-intelligence-ai-technology-trust-survey/> (дата обращения: 25.01.2024).

REFERENCES

1. Ekspertnyj opros na temu «Iskusstvennyj intellekt i intellektual'naya sobstvennost'» provodilsya na sajte Kafedry YUNESKO NIU VSHE po adresu <https://hse.ru/unesco/> v yanvare–aprele 2023 g. Rezul'taty issledovaniya ispol'zovany pri napisanii stat'i: Fedotov M.A., Naumov V.B., Budnik R.A., Tytyuk E.V. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noj sobstvennosti: social'no-pravovye problemy tvorchestva // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47, No 4. S. 68–83; DOI: 10.17323/tis.2023.18218.
2. Ekspertnyj opros na temu "Pravo na vybor pri ispol'zovanii cifrovih tekhnologij" provodilsya na sajte

- Kafedry YUNESKO NIU VSHE po adresu <https://hse.ru/unesco/> v sentyabre-noyabre 2023 g. Rezul'taty issledovaniya ispol'zovany avtorami pri podgotovke nastoyashchej stat'i.
3. Ekspertnyj opros na temu "Iskusstvennoe iskusstvo: okno v tvorchestvo ili bumazhnye cvety dlya mekhanicheskogo pianino?" provoditsya na sajte Kafedry YUNESKO NIU VSHE po adresu <https://www.hse.ru/unesco/ii> s yanvarya po aprel' 2024 g.
4. Oficial'nyj sayt Mezhdunarodnogo obshchestvennogo dvizheniya "Za pravo zhit' bez INN, lichnyh kodov i mikrochipov" [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.notinn.ru> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
5. Naumov V.B. Institut identifikacii v informacionnom prave: Dis. ... dokt. yur. nauk. M., 2020., S. 355. Sm. takzhe materialy i vystupleniya Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Bachilovskie chteniya", IGP RAN (Moskva), 5-6 fevralya 2021 g.
6. Pravo izobretatelya: (privilegii na izobreteniya i ih zashchita v russkom i mezhdunarodnom prave) : istoriko-dogmaticheskoe issledovanie [t. 1-2] / Al. Pilenko, privat-docent Imperatorskogo SPb universiteta. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1902-1903. T. 2. S. 46. Moskovskij Libertarium [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://libertarium.ru/pilenko-0-vvedenie.html> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
7. Naumov V.B. Otkaz ot cifrovyyh tekhnologij: absurd ili novoe pravo cheloveka i grazhdanina // Chetvertye Bachilovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2022. S. 83.
8. Lihachev D.S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom. M.: Det. lit., 1985.
9. Naumov V.B. Teoreticheskie informacionno-pravovye voprosy identifikacii v cifrovoj sfere // Informacionnoe pravo. 2020. № 4. S. 7.
10. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the Law During the Digital Transformation // State and Law. 2022. № 11. S. 145.
11. Cifrovaya transformaciya i zashchita prav grazhdan v cifrovom prostranstve: doklad Soveta pri Prezidente RF po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka / I.S. Ashmanov, S.G. Volobuev, V.B. Naumov i dr. M., 2021. 123 s. — URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_s_vobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/
12. Tam zhe. S. 40.
13. Tam zhe. S. 91.
14. Punkt 12 Pravil primeneniya organizatsiyami, osushchestvlyayushchimi obrazovatel'nyuyu deyatelnost', elektronnoy obucheniya, distancionnykh obrazovatel'nykh tekhnologij pri realizacii obrazovatel'nykh programm, utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 11.10.2023No 1678 // SPS "Konsul'tantPlyus".
15. Murashko nazval rok obyazatel'nogo perekhoda na elektronnye medkarty. RBK [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2023/656b56bd9a794774d175ac7a> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
16. Prikaz Departamenta zdravoohraneniya g. Moskvy ot 20 dekabrya 2023 g. № 1241 "O tirazhirovanii proekta po provedeniyu audiokontrolya ambulatornogo priyoma vracha v medicinskih organizatsiyah gosudarstvennoj sistemy zdravoohraneniya goroda Moskvy, okazyvayushchih pervichnuyu mediko-sanitarnuyu pomoshch' vzrosloму i detskomu naseleniyu" // SPS "Konsul'tant Plyus".
17. Depzdrav Moskvy vvel vyborochnuyu audiozapis' priema v kabinetah vrachej // Kommersant, 12 yanvarya 2024 g. [elektronnyj resurs]. — URL: <https://kommersant.ru/doc/6452738> (data obrashcheniya: 1 fevralya 2024 g.).
18. Prikaz Departamenta zdravoohraneniya g. Moskvy ot 24 yanvarya 2024 g. № 40 «O vnesenii izmenenij v prikaz ot 20 dekabrya 2023 g.No 1241 "O tirazhirovanii proekta po provedeniyu audiokontrolya ambulatornogo priyoma vracha v medicinskih organizatsiyah gosudarstvennoj sistemy zdravoohraneniya goroda Moskvy, okazyvayushchih pervichnuyu mediko-sanitarnuyu pomoshch' vzrosloму i detskomu naseleniyu" // SPS "Konsul'tant Plyus".
19. Stenogramma zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka ot 10 dekabrya 2020 g. [elektronnyj resurs] — URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/18/64638> (data obrashcheniya: 1 fevralya 2024 g.).
20. Podp. "g" p. 3 perechnya poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28 yanvarya 2021 g. № Pr-133 [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (data obrashcheniya: 1 fevralya 2024 g.).
21. Dejneko A.G. Publichnoe pravo v kiberprostranstve (publichno-pravovoe regulirovanie informacionnyh otnoshenij): monografiya. M.: Prospekt, 2023. S. 209.
22. Voronin D.A., Makarevich M.L. Problemy pravovogo regulirovaniya avtonomnogo transporta // Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2018. № 7 (33), T. 1. S. 123–128.
23. Neznamov A.V. Pravila bespilotnogo vozhdneniya: ob izmeneniyah Venskoj konvencii o dorozhnom dvizhenii // Zakon. 2018. № 1. S. 178.
24. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 noyabrya 2018 g. № 1415 (red. ot 7 fevralya

- 2022 g.) "O provedenii eksperimenta po opytnej ekspluatatsii na avtomobil'nyh dorogah obshchego pol'zovaniya vysokoavtomatizirovannyh transportnyh sredstv" // SPS "Konsul'tant Plyus".
25. *Dejneko A.G.* Evolyuciya pravovogo regulirovaniya ekspluatatsii bespilotnyh avtomobilej v Rossijskoj Federacii // *Informacionnoe pravo*. № 1 (71), 2022. S. 31–34. DOI: 10.55291/1999-480H-2022-1-31-34.
 26. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 marta 2022 g. № 309 "Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovych innovacij i utverzhdenii programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovych innovacij po ekspluatatsii vysokoavtomatizirovannyh transportnyh sredstv" // SPS "Konsul'tant Plyus".
 27. *Makarov V.O.* Prakticheskie voprosy vnedreniya instituta regulativnyh pesochnic v rossijskoe zakonodatel'stvo v kontekste vstupleniya v silu federal'nogo zakona ot 31.07.2020 No 258-FZ "Ob eksperimental'nyh pravovyh rezhimakh v sfere cifrovych innovacij v Rossijskoj Federacii" // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2020. № 11. S. 18–24.
 28. *Parkinson S.N.* Zakony Parkinsova i drugie pamflety: per. s angl. M.: Progress, 1976. S. 34–41.
 29. Oficial'nyj sajт Komissara Soveta Evropy po pravam cheloveka [elektronnyj resurs]. — URL: https://search.coe.int/commissioner/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809a42e4 (data obrashcheniya: 25.01.2024).
 30. *Zebrowitz L.A., Hall J.A., Murphy N.A., Rhodes G.* Looking Smart and Looking Good: Facial Cues to Intelligence and Their Origins // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. № 2. DOI: 10.1177/0146167202282009. P. 238–249.
 31. What your Facebook Profile Picture Reveals about your Personality / *C. Segalin, F. Celli, L. Polonio et al* // *MM '17: Proceedings of the 25th ACM International Conference on Multimedia*. 2017. P. 460–468. DOI: 10.1145/3123266.3123331/
 32. *Conway Melvin E.* How Do Committees Invent? // *Datamation* (magazine, F.D. Thompson Publications, Inc.). 1968. April.
 33. *Fedotov M.A.* Rol' universitetskoj nauki v formirovanii prava iskusstvennogo intellekta // *Cifrovaya sreda i politika universitetov v sfere intellektual'noj sobstvennosti*: sb. nauchnyh rabot / otv. red. prof. I.A. Bliznec. M.: Izdatel'skaya gruppa "Yurist", 2021. S. 15.
 34. Art. 22 General Data Protection Regulation.
 35. California Consumer Privacy Act of 2018 [1798.100 – 1798.199.100] (Title 1.81.5 added by Stats. 2018, Ch. 55, Sec. 3.)
 36. *Alekseev A.Yu.* Kompleksnyj test T'yuringa: filosofsko-metodologicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: IntelL, 2013. 303 s.
 37. *Gail J. Kamal of Faegre Drinker.* California's BOT Disclosure Law, SB 1001, Now in Effect // *The National Law review*. 2024. Vol. XIV, No 22. — URL: <https://www.natlawreview.com/article/california-s-bot-disclosure-law-sb-1001-now-effect> (data obrashcheniya 22.01.2024).
 38. H.R. 3831: AI Disclosure Act of 2023 // *Govtrack*. — URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr3831/summary> (data obrashcheniya 24.01.2024).
 39. *Egorova E.S., Bykov D.A., V'yunov D.A.* Sravnitel'nyj analiz raboty golosovyh pomoshchnikov // *Sovremennye informacionnye tekhnologii*. 2022. № 36 (36). S. 114.
 40. *Dorozhkina P.V., Moiseeva E.O.* Princip vezhlivosti v reakciyah golosovyh pomoshchnikov na komplimenty // V sbornike: *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire. Sbornik statej HI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, glavnogo redaktora nauchnogo zhurnala "Sovremennaya kommunikativistika", professora Oskara Yakovlevicha Gojhmana*. Kaliningrad, 2023. S. 299.
 41. The Blueprint for an AI Bill of Rights: Making Automated Systems Work for the American People. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Blueprint-for-an-AI-Bill-of-Rights.pdf> (data obrashcheniya 22.01.2024).
 42. *Knorre B.K., Murashova A.A.* "V nachale bylo slovo...", a v konce budet chislo? pravoslavie i anticifrovoy protest v Rossii: s 1990-h do koronavirusa // *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2021. T. 30. No 2. S. 146–166.
 43. Okinavskaya hartiya global'nogo informacionnogo obshchestva (Prinyata na o. Okinava 22.07.2000) // SPS "Konsul'tantPlyus".
 44. Konceptiya postroeniya i razvitiya apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod» (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrya 2014 g. No 2446-r, v red. ot 5 aprelya 2019 g.) // SPS "Konsul'tant Plyus".
 45. Konceptiya "Moskva. Umnyj gorod 2030" [Elektronnyj resurs]. — URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (data obrashcheniya: 9 fevralya 2024 g.).
 46. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 oktyabrya 2017 g. No 1273 (red. ot 5 marta 2022 g.) «Ob utverzhdenii trebovanij k antiterroristicheskoy zashchishchennosti trgovyh ob"ektov (territorij) i formy pasporta bezopasnosti trgovogo ob"ekta (territorii)»; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 aprelya 2017 g. No 447 (red. ot 5 marta 2022 g.) «Ob utverzhdenii trebovanij k antiterroristicheskoy zashchishchennosti

- gostinic i inyh sredstv razmeshcheniya i formy pasporta bezopasnosti etih ob"ektov" // SPS "Konsul'tant Plyus".
47. Gorodskaya sistema videonablyudeniya [elektronnyj resurs]. — URL: <https://video.dit.mos.ru> (data obrashcheniya: 9 fevralya 2024 g.).
48. Predvaritel'nyj nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii PNST 761-2023 «Bezopasnost' v chrezvychajnyh situacijah. Bezopasnyj gorod. Terminy i opredeleniya» (utv. prikazom Rosstandarta ot 6 marta 2023 g. No 12-pnst) // SPS "Konsul'tant Plyus".
49. Faverio M., Tyson A. What the data says about Americans' views of artificial intelligence // Pew Research Center 21.11.2023. — URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/11/21/what-the-data-says-about-americans-views-of-artificial-intelligence/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
50. Gillespie N., Lockey S., Curtis C., Pool J., Akbari A. (2023). Trust in Artificial Intelligence: A Global Study. The University of Queensland and KPMG Australia. 10.14264/00d3c94. — URL: <https://ai.uq.edu.au/project/trust-artificial-intelligence-global-study> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
51. Joe Myers. 5 charts that show what people around the world think about AI // Weforum. 5.01.2022. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/artificial-intelligence-ai-technology-trust-survey/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И РОЛЬ ПРАВА¹

SOCIO-TECHNOLOGICAL ASPECTS OF DELICT AND THE ROLE OF LAW

Микеланджело ПАСКАЛИ

Неаполитанский университет имени Федерико II,
Неаполь, Италия,
michelangelo.pascali@unina.it,
<https://orcid.org/0000-0003-3490-1651>

Информация об авторе

Микеланджело Паскали — доктор философии, доцент кафедры социологии права, девиантности и социальных изменений на факультете социальных наук Неаполитанского университета им. Федерико II. Научный сотрудник Междисциплинарной лаборатории по изучению мафии и коррупции LIRNAC, член Коллегии адвокатов Неаполя. Персональная страница: <https://www.docenti.unina.it/michelangelo.pascali>

Аннотация. Инновации в сфере технологий способствовали расширению и умножению возможностей для деятельности и в некотором смысле для существования человека. Само собой разумеется, что это относится также к сфере социально недозволенного и противозаконного, со всеми возможными изменениями, расхождениями и отклонениями, происходящими в действительности. Способность измерить объемы криминального или девиантного поведения может помочь не только объяснить беспрецедентное воздействие права на общественные отношения, открывая новые пути для охвата классических динамик и порождая динамики, совершенно ни на что не похожие, но и острее поставить вопросы о соотношении между нормативными положениями и переменами в обществе. Это касается и тех форм, которые объединяют действия, относящиеся, на первый взгляд, к независимым друг от друга областям. Поэтому при обращении к теориям, связанным именно со сферой цифровых технологий, мы стараемся включать их в различные контексты, где они до сих пор не

- играют значительной роли, и предлагаем средства для толкования, способные преодолеть некоторые традиционные классификации девиантных феноменов, а также призываем к критическому пересмотру некоторых абстрактных парадигм, на которых основана конкретная часть следственной и судебной практики.

- **Ключевые слова:** преступление, право, отступление от нормы, величина, виртуальность

- **Для цитирования:** Паскали М. Социально-технологические аспекты правонарушения и роль права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 29–35; DOI: 10.17323/tis.2024.19815.

Michelangelo PASCALI

University of Naples Federico II, Naples, Italy,
michelangelo.pascali@unina.it,
<https://orcid.org/0000-0003-3490-1651>

- **Information about the author**
M. Pascali — PhD, Associate Professor of “Sociology of law, deviance and social change” at the Department of Social Sciences, University of Naples Federico II. He is a researcher for Interdisciplinary Research Laboratory on Mafia and Corruption (LIRNAC). Furthermore, he is a member of the Bar Association of Naples. Personal page: <https://www.docenti.unina.it/michelangelo.pascali>
- **Abstract.** Innovations in technology have contributed to the expansion and multiplication of opportunities for human activity and, in a sense, existence. It goes without saying that this also applies to the realm of the socially illicit and illegal, with all the possible changes, discrepancies and deviations that occur in reality. The ability to measure the extent of the criminal or deviant can help to explain not only the unprecedented impact on the field of relations, opening

¹ Перевод на русский Т.Г. Никитинской.

феномена, нельзя не исходить из того, что речь идет о совокупности правонарушений, которые всегда совершаются цифровым путем. Однако это выталкивает нас в своего рода безбрежный океан неправовых действий, включающих самые разнообразные поступки, порой очень отличающиеся друг от друга. Критерием различий, который представляется возможным использовать, может стать выяснение того, являются ли рассматриваемые действия чем-то беспрецедентным или же речь идет о новых проявлениях классических криминальных феноменов. Таким образом, информационная сфера становится или пространством выражения и осуществления действий, или собственно их источником и причиной.

В качестве примера представим разницу между разнообразными видами шантажа в интернете и прерыванием электронных сообщений. То есть речь может идти о правонарушениях, совершенных цифровым способом, или просто о киберправонарушениях. В некотором смысле можно практически отделить собственно киберпреступления от цифрового осуществления «обычных» преступлений.

Но с какой стороны ни посмотри, очевидно, что нельзя не обращать внимания на то новое, которое, пусть даже всякий раз по-разному [4], содержится в каждом из действий, рассматриваемых с этой точки зрения.

Здесь следует подчеркнуть, что новое, которое необходимо принимать во внимание, есть новое как социальное, так и юридическое, в том числе при смешанном социально-юридическом подходе. Именно критерий нового может быть использован для выявления особой природы исследуемого, поскольку он выражает многие, если не все, стороны, о которых идет речь, причем в серьезной взаимосвязи между ними. Если быть более точными, то часть, относящаяся к новому, может касаться, и касается на самом деле, области средств, видов действий, субъектов, затронутых этой динамикой, места, где они находят свое выражение, и даже самих целей.

И хотя рассматриваемые явления могут осуществляться разными способами, не в последнюю очередь в зависимости от их различных свойств, аспекты, связанные с новым, позволяют сопоставить социальные изменения и соответствие им существующего права. В некотором роде социальные изменения ведут к техническим новшествам и вызваны ими, а они, в свою очередь, сами приводят к новому в отношениях и создают возможности для его реализации (через соответствующие технические регламенты [5]), причем более широко — в культуре в целом. Злоупотребление такими средствами и извращение тех функций, с которыми они, с учетом их общего характера, задумываются, приводят иной раз к криминальному новому и пред-

ставляет собой область напряженности и испытания для системы уголовного и уголовно-процессуального права классического типа.

«ПРОТИВОЗАКОННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ» И ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ

Если мы ограничиваемся здесь рассмотрением только одного случая, нельзя забывать, что в основе поступка нередко лежат как раз новые возможности для его совершения, а также новые возможности для его распространения. В качестве примера достаточно упомянуть о случаях «видеонасилия», происходящих там, где физическое или моральное насилие может быть квалифицировано с необычной точки зрения, поскольку представляется совершенным с явной целью распространения соответствующих изображений [6].

Это показательно также с точки зрения социальных изменений, по крайней мере относительно набора средств, когда речь заходит о взаимоотношениях между традиционно определяемыми областями виртуальности и реальности, в которых киберпроекции «Я» могут сочетаться в том числе с киберсозданиями и изображениями противозаконных действий. В некотором смысле имеет место качественная перестановка самого поступка и его изображения, а также изображения и субъекта. Что же касается формирования социального «Я», то оно может быть основано патологическим образом именно на степени противозаконности, достигнутой таким способом, и на соответствующем общественном согласии, часто сопутствующем этому (что вызывает тревогу), когда речь идет об эпизодах, которые можно определить как эпизоды «проецирования микропреступности в повседневную жизнь».

Именно в силу того, что источником ущерба иной раз становится распространение изображений, а не действия как таковые, может возникнуть предположение об отсутствии состава преступления, в совершении которого может быть предъявлено обвинение, а это послужит защитой тому, кто испытывает подобные действия на себе (так, регулятивные нормы о насильственных действиях могли бы юридически «распространяться» и на то, что их делает общеизвестными и тем самым служит для отрицания реальности проблемы).

Если в соответствии с установленным у нас порядком можно, как правило, отозвать запрет на распространение изображений на основании так называемого Кодекса защиты конфиденциальности (*Codice della privacy*)², то не стоит забывать о введении особой, тре-

² Для точности сошлемся на ст. 167 и 172 Закона № 196 от 30 июня 2003 г. Он квалифицирует как особые умышленные преступления незаконное использование персональных дан-

тейшей части ст. 612 Уголовного кодекса, посвященной незаконному распространению изображений или видеоряда, носящих откровенно сексуальный характер. Если первое положение, предусмотренное законом, распространяется на каждое изображение, поскольку относится к защите персональных данных (а в данном случае изображения считаются и имеют право считаться таковыми), что свидетельствует о широком, но неизбежно носящем общий характер охвате (а также не влечет сурового наказания), то второе действует (с более тяжелым установлением) с большей точностью, однако только в отношении фактов сексуального характера (а это дает в какой-то мере повод предположить, что области, связанные с проступками иного характера, такие, как случаи «видеонасилия», остаются неохваченными).

При этом именно в вопросе «самостоятельности реальности» эта проблема с точки зрения юридической (и, разумеется, судебной) становится более расплывчатой. Может оказаться так, что в правовых нормах будущего технические детали будут указывать на характер нанесенного вреда, наличие или отсутствие умысла, а также на ущерб, причиненный личности и обществу.

Но этот вопрос покажется еще более сложным, если рассматривать его в рамках теорий, на которых может быть основана соответствующая дискуссия, в свете предложения отказаться от позиций дуализма (и противостояния) между тем, что «реально», и тем, что «виртуально» по отношению к социально-цифровым объектам исследования. Более того, происходит постепенное слияние материальной сферы [7] и киберпространства [8].

Относительно «оригинального» характера цифровых феноменов правонарушений и преступности, необходимо отметить также, что многие из них невозможно рассматривать раздельно в реальности и в виртуальном измерении и что не бывает синергии исключительно между областями (мысли и действия) как раздельными, но они при всей своей разности продолжают существовать и перемещаться в единстве сущностного и концептуального. Так что можно отметить не только такой аспект правонарушения, как «коммуникация/коммуникабельность» с социально-технологической точки зрения, но и отсутствие точно очерченных границ между областями, что вынуждает снова и снова задумываться над возникновением факта как такового.

ных, которое может нанести ущерб их владельцу, и передаче или распространение незаконно используемых данных, независимо от потенциального ущерба, который может быть нанесен третьим лицам.

Перебирая внушающие доверие теории о цифровых технологиях [9], можно попробовать включать их в контексты, отличные от тех, к которым они изначально принадлежат, где их еще не принимали во внимание всерьез, предлагая тем самым такой инструмент для толкования, который превосходит часть традиционных классификаций правонарушений, а также призывая критически пересмотреть ряд абстрактных парадигм, на которых держатся конкретные практики как расследования, так и для правосудия. Действуя таким образом, можно сосредоточиться на понятии пространства и соответственно идентичности, демонстрируя, как технические нововведения приводят к совершенно определенным (и не всегда очевидным) социальным переменам и настоятельно требуют по-новому определить юридически закрепленные основания. Именно так цифровизация техники борется с абстрактностью права — проходя через конкретность реальности.

Постулат о нераздельности действия должен быть сопоставлен с гипотезами о том, что нужно отделять то, что связано с правом, от самого права.

Преследование преступлений, относящихся к приведенным выше категориям, помимо возрастающих трудностей в расследовании, касающихся, например, механизмов выявления реального мира тех, кто действует в мире виртуальном через экран и по другую его сторону, поднимает целый комплекс проблем. И здесь необходимо вернуться к разговору более общего характера — о том, что схемы, на которых основаны составы преступления, могут оказаться несоответствующими, и одновременно к предложениям о реформировании принципов защиты, лежащих в их основе.

В этой связи в уголовном праве существует опасность глубокого разрыва между планами и субъективными границами действий — разрыва логичного и по многим пунктам неизбежного, и он может оказаться предпосылкой для ряда операций, непригодных для того, чтобы полностью вместить «ускользающие» с этой точки зрения случаи.

«МЕСТА» ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Если воспользоваться подходом, который в большей степени предполагает расхождение между областями (по крайней мере в идеале), то критерием различия, который стоит использовать для оценки сути рассматриваемого, может стать выявление того, являются ли проанализированные действия абсолютно новым выражением цифровой реальности или речь идет о новых цифровых проявлениях классических динамик реальности (или даже о гипотезах существующих пре-

ступлений, отягощенных новыми технологиями, как в случае уже изданных нормативных положений касательно, например, терроризма или домогательств).

Виртуальная и физическая среды, таким образом, должны рассматриваться как умозрительно обладающие единственно возможными значениями и как носители точно очерченных границ, сохраняющие доступность друг для друга. Так, киберпревосходство становится пространством выражения и использования для действий, как во втором случае (вспомним о случаях подстрекательства к правонарушению или того, что касается привлечения несовершеннолетних, — с помощью трюков, лести, угроз, в том числе с использованием интернета или других сетей или средств массовой информации — в целях совершения особенно отвратительных преступлений), или даже их источником и целью (это касается действий, связанных с изготовлением, а не только с воспроизведением изображений).

По этому поводу уже было сказано, что расширенный мир медиа привел к некоторой функциональной инверсии между совершением действия и его изображением (где главное — изображение, а само действие выступает просто как средство), а связь между ними может меняться совершенно по-новому, вплоть до того, что сама материальная реальность может отсутствовать «объективно» и как цель (и выстраиваться искусственным образом ради распространения). По этому вопросу можно обратиться к законопроекту об установлении правонарушения «в области искусственной манипуляции изображениями реальных личностей в целях получения изображений в облаженном виде», обозначенному как ст. 612 ч. 4 Уголовного кодекса и представленному в палату представителей парламента Италии 30 марта 2012 г.

С другой стороны, связанной с первой, благодаря синхронизму и способности к погружению, позволяющим совершать опосредованные технологические действия там, где исчезает само ощущение наличия средства, которое используется, собственные цифровые представления (это называют «эффектом Протея» [10]) могут влиять на то, что совершается (не считая ощущений действия, испытанного на себе). Это свидетельствует о «нормальности» поведения в онлайн-формате, связанного с процессами нераспознавания, что, разумеется, сказывается и на физическом уровне [11]. Опасность неосознанно вызывать распространенный телесный дизморфизм нужно поставить рядом с опасностью произвольно порождать чувствительные дисфункции в других субъектах.

Эта непрерывность — в большей степени, чем смежность, — может отслеживаться по-разному, и ее следует сопоставлять с правовыми принципами

и нормами, которые каким бы то ни было образом способны вносить изменения в такой классический элемент, как «место», с помощью нематериальности действий, а не всегда последствий.

Тем не менее в том, что касается правового прочтения насильственных преступлений, которые совершали или пытались совершить в современных областях метавселенной [12], соображения об их принципиальной единичности (или неединичности) с точки зрения места преступления и/или того, где могут проявиться последствия преступления, так или иначе ведут к их собственным форматам, куда должны быть включены типичные основополагающие элементы уголовного правонарушения. Что же касается перспективы судебного производства, то в качестве одной из наиболее серьезных проблем можно назвать возможное уголовное преследование таких действий, как и подобных им, в сфере информатики — именно в связи с их субъективными особенностями и особенностями места (пространства).

Разумеется, все это должно рассматриваться в свете взаимоотношений между нормами национального и международного права и специальными нормами — независимо от того, применяются они или нет, — как относящимися к цифровым платформам, на которых нередко содержится контент подобного рода.

В самом деле, относительно одной из самых деликатных и спорных ситуаций сайты и цифровые каналы, дающие согласие на незаконное продвижение, могут иметь вполне легальное местонахождение за рубежом, а субъекты, которые решают воспользоваться такими средствами, могут быть гражданами иностранных государств, в силу чего неизбежно возникает следующий вопрос: в случае если пассивный субъект, потерпевший, является гражданином другой страны, имеет ли судья из его страны право на пресечение противоправной деятельности?

Что касается итальянской системы, то необходимо обратиться к принципам возбуждения уголовного преследования в Италии, основанному не столько на выявлении закона для жертвы преступления, сколько на уточнении места его совершения. И поскольку это, как обычное средство, затрагивает деликатную проблему правонарушений в интернете [13] (действительно, существуют специальные договоры в области, например, авторского права, которые регулируют критерии юрисдикции в этом виртуальном пространстве), правонарушение может быть признано в той степени, в какой оно или его последствия проявляются на территории Италии.

Преступление считается совершенным на территории государства в том случае, когда полностью или частично само криминальное действие или без-

действие, составляющие преступление, или событие, являющееся следствием такого действия или бездействия, имели место на территории государства (таким образом дополняется так называемый принцип умеренной территориальности). Такой подход позволяет не только положительно сослаться на показатель полного или частичного совершения правонарушения (при всех проблемах цифровой дематериализации действия) или на показатель официального места проживания того, кто его совершил, в целях определения юрисдикции. Это также позволяет в некоторых случаях прояснить вопрос с определением места совершения преступления в том случае, когда пассивный субъект, потерпевший, не определен, что происходит в случаях опасности, прежде всего абстрактной [14].

Принцип территориальности (определения территориальности) так или иначе сталкивается с проблемой координации с зарубежным законодательством — как по сути, так и с точки зрения судопроизводства (теоретически в случае правонарушения важно, считается ли оно таковым и в зарубежном законодательстве; идеальный вариант — это двойная юрисдикция, национальная и иностранная). Что же касается собственно предположения, что на территории Италии выявлены отрицательные последствия поведения, которое не представляет собой правонарушения с точки зрения иного правопорядка, в рамках которого оно реализовано, то, хотя некоторые существующие доктрины придерживаются других точек зрения, а в правоприменительной практике отсутствуют прецеденты, представляется предпочтительным ответ «да», в том числе в свете более заслуживающего доверия толкования нашего законодательства.

В то же время не следует забывать, что в американских судах был выработан критерий «минимального контакта» (*minimum contact*), то есть минимального дистанционного контакта, который применяется для окончательного установления юрисдикции того или иного штата относительно действий, совершенных за его пределами субъектом, имеющим в этом штате официальное место проживания. В целях осуществления этой практики уточняются количество контактов субъекта, их природа и свойства, связь между причиной деяния и контактами, а также заинтересованность штата в подтверждении юрисдикции. Еще один критерий — это «наибольшая заинтересованность» (*most significant interest*), в соответствии с ним для утверждения юрисдикции штата относительно действий, совершенных за его пределами, необходимо удостоверить, что перевес заинтересованности в предотвращении данного правонарушения относительно заинтересованности штата, из которого субъект совершает свои

действия, в сохранении наименее строгих параметров оценки в отношении данного поведения.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ

Из сказанного выше становится очевидно, насколько проблема правовой основы указанных явлений и их вероятное включение в область уголовного права являются глобальными и неизбежными на фоне распространения во всем мире массовых средств коммуникации и перехода социальных отношений в киберпространство [15].

С учетом каждого из указанных факторов при техническом умножении областей и сфер, на которых разворачиваются общественные отношения, одна из обязательных для рассмотрения тем касается именно передачи и возможности передачи идей, субъектов и действий там, где можно наблюдать функциональную (по крайней мере) взаимосвязь, иной раз даже более чем физически материальную. Это также приводит нас к теме пересмотра (в том числе с юридической точки зрения) понятия реальности и отношений между разными реальностями с точки зрения различных смыслов искажения / возможности превращения в средство / превращения в средство материальности или, напротив, ее перевода в новую и не знающую ограничений форму.

Кроме того, в более широком смысле вызовы, которые перед нами встают (как это было схематично выражено, например, в европейском уголовном законодательстве [16]), заключаются в признании цифровых идентичностей, в защите по-разному собранных данных, в управлении действиями различных систем, в гарантиях информационной безопасности, в противостоянии *цифровому неравенству* и в разработке юридических норм, распространяющихся на новые преступные действия.

Попутно отметим существующие тенденции применять абстрактную модель, основанную на идее антропоцентричности, в том числе при создании «электронного юридического лица» [17]. Здесь также, судя по всему, встречаются следы человеческого высокомерия, при котором при обязательном целевом прочтении реальности всегда выдвигаются свои собственные предположения и находятся собственные решения. Кстати, относительно дискуссий о право- и дееспособности и последующей деликтоспособности необходимо признать сложносоставное, а не однородное целое «виртуальных идентичностей», в частности, в том, что касается проблем верховенства этики, правовой автономии и технической независимости «искусственной личности» [18].

В настоящий момент мы в некотором смысле присутствуем при непрерывной гонке сменяющих друг друга социально-технологических нововведений и норм, в том числе в отношении таких понятий, как тождество личности и социальный контроль, и в процессах выстраивания поведения, которыми пронизан любой «метакосмос» [19].

Как бы то ни было, на фоне живого общества право возвышается как нечто упорядочивающее полные жизни явления, которые это общество выражает, но одновременно и само право как живой факт должно рассматриваться в сочетании с возникающими в обществе влечениями и порывами. И если взглянуть с этой стороны, то, вероятно, издание новых норм и переосмысление «нового права» — не за горами. Ведь человек способен выходить за рамки границ, не смотря на них и даже именно благодаря их существованию. А раз он — «сам себе граница» и критерий, он и стремится вырасти во всю свою меру, в добре и зле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tonello M. Criminalità e cyberspazio, alcune riflessioni in materia di cyber criminalità // *Rivista di Criminologia, Vittimologia e Sicurezza*. 2022. Vol. XVI, No unico. P. 6ss.
2. Martellozzo E., Jane E. *Cybercrime and its victims*. Oxford; New York: Routledge, 2019.
3. Gordon S., Ford R. On the Definition and Classification of Cybercrime // *Journal in Computer Virology*. Vol. 2, No 1. P. 13ss.
4. Chalmers D.J. *Reality+*. Virtual worlds and the problems of philosophy. New York; London: Norton & Company, 2022.
5. Durante M. *Potere computazionale. L'impatto delle ICT su diritto, società, sapere*. Milano: Meltem, 2019.
6. Pascali M. *Fenomenologia delle "videoviolenze"*. Commissione, rappresentazione e creazione della violenza. Napoli: Giannini, 2008.
7. Floridi L. *La quarta rivoluzione. Come l'infosfera sta trasformando il mondo*. Milano: Raffaello Cortina, 2017.
8. Weatherby L. *Delete Your Account: On the Theory of Platform Capitalism*. 2018. — URL: <https://lareviewofbooks.org/article/delete-your-account-on-the-theory-of-platform-capitalism/>.
9. Rogers R. *Digital Methods*. Lond., Massachusetts Institute of Technology, 2013. Caliendo A., Gandini A. *Qualitative Research // Digital Environments. A Research Toolkit*. New York: Routledge, 2017.
10. Yee N., Bailenson J.N., Ducheneaut N. The Proteus Effect: Implications of Transformed Digital Self-Representation on Online and Offline Behavior // *Communication Research*. 2009. Vol. 36. No 2. P. 285–312.
11. Suler J. The online disinhibition effect // *CyberPsychology & Behaviour*. 2004. Vol. 7. No 3. 321 s.
12. De Simone F. Il locus commissi delicti nel metaverso: et-erotopia o non lieu? // *De iustitia*, 2023. No 3. P. 81 ss.
13. Pica G. Tradizionalmente, né luogo né spazio: Internet // *Digesto delle discipline penali*. Milano: Utet, 2004. P. 429.
14. Camplani F. Locus commissi delicti, norme di collegamento e reati informatici a soggetto passivo indeterminato // *Archivio Penale*. 2020. No 2. P. 1–33.
15. Continiello A. Le nuove frontiere del diritto penale nel Metaverso. Elucubrazioni metagiuridiche o problematica reale? // *Giurisprudenza Penale*. 2022. No 5. P. 1 ss. Ingarica D. *Metaverso criminale. Quali interazioni nel presente nazionale e quali sfide globali del prossimo futuro* // *Giurisprudenza Penale*. 2022. No 9. P. 1 ss.
16. Interpol Technology Assessment. Report on Metaverse 2022. — URL: <https://www.interpol.int/content/download/18440/file/INTERPOL%20Tech%20Assessment-%20Metaverse.pdf>
17. Avila Negri S.M.C. Robot as Legal Person: Electronic Personhood in Robotics and Artificial Intelligence // *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. 8.
18. Budnik R., Tedeev A. designs of artificial humans: intellectual property and ethical aspects, in *Law, Innovation and Technology*. 2023. Vol. 15, No 1, P. 222–240.
19. De Vivo M.C. Viaggio nei metaversi alla ricerca del diritto perduto, in *Informatica e diritto*. 2009. No 1. P. 191–225.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ИНВЕСТИРОВАНИЕ

DIGITALIZATION OF CIVIL TURNOVER: UTILITARIAN DIGITAL RIGHTS AND INVESTMENT

Илья Юрьевич ПАЩЕНКО

Кубанский государственный университет, Краснодар,
Российская Федерация,
ilpa@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1445-2126>

Сергей Викторович ПОТАПЕНКО

Кубанский государственный университет, Краснодар,
Российская Федерация,
potapenkosv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>

Информация об авторах

И.Ю. Пашченко — преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, советник аппарата избирательной комиссии Краснодарского края

С.В. Потапенко — декан юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Целью работы является анализ гражданского законодательства в части оборота утилитарных цифровых прав, выпуск которых осуществляется в процессе инвестирования с использованием инвестиционных платформ (информационных систем в интернете).

Исходя из цели, поставленной авторами, в задачи исследования входит анализ норм о краудфандинге и практике их применения с учетом цифровизации гражданского оборота в Российской Федерации. Вывод исследователей заключается в том, что утилитарные цифровые права выступают разновидностью имущественных прав, имеющих одновременно обязательственный характер и особую сферу реализации посредством использования информационных систем в электронной форме. Проведено сравнение отече-

ственного опыта привлечения инвестиций и зарубежных подходов к краудфандингу, осуществляемых с использованием интернета. Отмечается, что такие права выступают одним из способов инвестирования, который осуществляется на инвестиционной платформе и не является востребованным финансовым инструментом в связи с терминологической сложностью действующего законодательства и недостаточным уровнем осведомленности инвесторов об используемых механизмах.

Ключевые слова: гражданский оборот, цифровизация, имущественные права, электронная форма сделки, цифровые права, утилитарные цифровые права, инвестирование, инвестиционная платформа, оператор инвестиционной платформы, договор об инвестировании

Для цитирования: Пашченко И.Ю., Потапенко С.В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 36–42; DOI: 10.17323/tis.2024.19821.

Ilya Yu. PASHCHENKO

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
ilpa@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1445-2126>

Sergey V. POTAPENKO

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation,
potapenkosv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>

Information about the authors

I.Y. Pashchenko — Candidate of Legal Sciences, lecturer of the Department of Civil Procedure and International Law of the Kuban State University, adviser to the Office of the Election Commission of the Krasnodar Krai

S.V. Potapenko — Doctor of Legal Sciences, Professor, Dean
of the Khmyrov Faculty of Law of Kuban State University

Abstract. The purpose of the research is to analyze civil legislation regarding the turnover of utilitarian digital rights, the issuance of which is carried out in the process of investment using investment platforms (information systems on the Internet).

Based on the goal set by the authors, the objectives of the study include the analysis of the norms on crowdfunding and the practice of their application, taking into account the digitalization of civil turnover in the Russian Federation.

The conclusion of the study is that utilitarian digital rights are a kind of property rights that have both a binding nature and a special sphere of implementation — through the use of information systems in electronic form. The comparison of the domestic experience of attracting investments and foreign approaches to crowdfunding carried out using the Internet is carried out. It is noted that such rights are one of the ways of investing, which is carried out on an investment platform and is not a popular financial instrument due to the terminological complexity of the current legislation and the insufficient level of investor awareness of the mechanisms used.

Keywords: civil turnover, digitalization, property rights, electronic form of transaction, digital rights, utilitarian digital rights, investment, investment platform, investment platform operator, investment agreement

For citation: *Paschenko I.Yu., Potapenko S.V. Digitalization of Civil Turnover: Utilitarian Digital Rights and Investment // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 36–42; DOI: 10.17323/tis.2024.19821.*

Включение в ст. 128 ГК РФ таких имущественных прав, как цифровые права, и введение в действие новой ст. 141.1 ГК РФ, закрепляющей их понятие и признаки, позволили законодателю урегулировать различные отношения, возникающие в условиях стремительной цифровизации гражданского оборота. Одним из первых примеров в отечественной практике «цифровой» модернизации гражданского законодательства стала категория утилитарных цифровых прав, которая призвана частично упорядочить отношения в сфере экономики инноваций и наделить участников гражданского оборота законными правами требования в связи с возникновением в будущем определенных вещей, работ и услуг, результатов интеллектуальной деятельности.

Рассматриваемые отношения, возникающие у инвесторов (физических и (или) юридических лиц), лиц, привлекающих инвестиции (юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей), оператора инвестиционной платформы, иных лиц, имеющих договорные отношения с оператором в рамках договора об оказании услуг по содействию в инвестировании, получили регулирование со вступлением в силу Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ). В указанных отношениях участвует довольно широкий круг лиц, которые имеют имущественный интерес (и связанный с ним финансовый) и стремятся извлечь выгоду в будущем — после возникновения новых объектов, обладающих экономической ценностью. При этом стоит подчеркнуть, что утилитарные цифровые права подразумевают возникновение отношений коммерческой природы.

Согласно Федеральному закону № 259-ФЗ, в качестве инвестиционной платформы рассматривается информационная система (фактически — сайт, в том числе представленный в виде программ для электронных вычислительных машин) на технически сложных товарах (технических устройствах связи) в интернете, которая используется для заключения договора инвестирования. Все отношения возникают исключительно

но в рамках конкретной информационной системы и осуществляются с учетом ее правил, а юридически значимые действия сторон совершаются в электронной форме с использованием компьютерной техники и применением соответствующих информационных технологий, представленных в информационной системе оператором инвестиционной платформы. Особое внимание следует обратить на то, что нормы Федерального закона № 259-ФЗ указывают на обеспечение доступа со стороны оператора, что предполагает наличие у него соответствующего программного обеспечения, но не инфраструктуры, обеспечивающей необходимую информационную безопасность при заключении договоров и совершении сделок. Таким образом, оператор инвестиционной платформы несет ответственность за наступление последствий и риски, связанные с потерей информации в информационной системе. При этом деятельность, в ходе которой осуществляются приобретение и реализация утилитарных цифровых прав как вид инвестирования, является высокорискованной и может привести к потере инвестиций в объеме, который невозможно заранее установить, о чем необходимо проинформировать инвестора и получить от него письменное (в том числе в электронной форме) подтверждение.

Отличительной особенностью рассматриваемых отношений в рамках гражданского оборота и подобного вида инвестирования является то, что применяются технические средства и информационные технологии, на что прямо указано в нормах Федерального закона № 259-ФЗ. Подобное нормативное закрепление выступает в качестве ключевого фактора, обуславливающего возможность заключения соответствующих договоров, а также позволяет определить в связи с этим специфику реализации прав и обязанностей сторон. Безусловно, специальное указание на электронную форму сделки позволяет утверждать, что вне ее рамок рассматриваемые правоотношения не могут складываться.

Процесс инвестирования, регулируемый Федеральным законом № 259-ФЗ, сопряжен не только с процедурой приобретения утилитарных цифровых прав, но и с приобретением эмиссионных ценных бумаг и цифровых финансовых активов, а также может быть осуществлен путем предоставления займа.

Деятельность, под которой законодатель рассматривает инвестирование с использованием информационной системы в сети Интернет, известна в экономике как краудфандинг. Указанный термин имеет иностранное происхождение и дословно переводится как «финансирование группой людей». Европейским юрисдикциям и отдельным национальным правовым порядкам институт краудфандинга известен с XX в. [1].

Для российской сферы частного права этот институт является новым. Отношения по поводу краудфандинга на протяжении длительного времени оставались вне области легального внимания со стороны отечественного законодателя.

Хотя указанная предпринимательская деятельность знакома не только зарубежной практике, известен опыт краудфандинга в России, в том числе существовавший до принятия рассматриваемого регулирования. При этом стоит отметить, что контролирующий орган (Банк России) осуществляет мониторинг соответствующего инструмента на финансовом рынке с 2015 г. [2]. Фактическое регулирование осуществлялось по аналогии и опиралось на обязательственные нормы ГК РФ в сфере договора займа, а также по остаточному принципу затрагивало общие нормы, связанные с исполнением обязательств [3]. При этом отечественная судебная практика по указанному вопросу достаточно скромна, чего, безусловно, нельзя сказать о зарубежной [4]. Во всех юрисдикциях краудфандинг, не обязательно представленный как вид инвестирования, остается высокорискованной деятельностью для лиц, у которых возникают права требования. Известны примеры, когда существование споров в области краудфандинга даже в иностранных юрисдикциях переходило из плоскости гражданских отношений в разряд уголовных преследований по факту мошенничества и незаконного использования привлеченных денежных средств [5].

Краудфандинг в зарубежных правовых порядках не рассматривается в качестве инвестиционной деятельности в отличие от сложившегося российского опыта правового регулирования [6]. Инвестирование предполагает получение определенного дохода, тогда как краудфандинг в отечественной легальной интерпретации по своей сути близок к заключению договора купли-продажи по предзаказу, т.е. это дистанционная продажа будущего товара с условием его доставки покупателю.

Вместе с тем эта деятельность также является особым порядком финансирования предпринимательства, направленным на создание благ, которые появятся либо, возможно, будут созданы только в будущем. Принадлежность таких благ будет определена в равных или пропорциональных долях, штучно на основании заключенного договора среди тех лиц, которые осуществили инвестирование, т.е. вложили собственные денежные средства в процесс разработки и создания такого блага. Для целей частного оборота краудфандинг может рассматриваться в качестве общепольной деятельности, ведь его результатом становится, как правило, возникновение заменимой, родовой вещи (например, медицинского прибора), из которого в по-

следующем может извлекать пользу неопределенный круг лиц [7]. Безусловно, не исключается и возникновение индивидуально-определенных потребляемых вещей, если такую личную цель преследуют участники отношений.

Еще одной важной чертой, позволяющей провести различие между краудфандингом в зарубежных правовых порядках и деятельностью по инвестированию через инвестиционные платформы, согласно российскому правовому режиму, является то, в какой форме выражается результат. Для инвестирования конечный результат — это возможность извлечения прибыли из деятельности, имеющей денежное выражение. В случае с отечественной вариацией краудфандинга результатом является объект (продукт) — для инвестирования с использованием инвестиционной платформы в качестве результата выступает то, что определено соответствующим договором (не существующий в настоящем, а будущий объект гражданских прав), но не денежные средства.

Отмеченные аспекты позволяют сделать вывод, что законодатель обратился к мерам «легальной экономики» конструкций, а применяемая терминология, свойственная области инвестирования, для выражения существа рассматриваемых отношений не всегда является оптимальным и понятным выбором [8]. Кроме того, существует риск неоправданного расширения границ восприятия процесса инвестирования как специализированного вида экономической деятельности. Указанные новеллы частного законодательства нередко становятся объектом критики научного сообщества [9].

Термин «краудфандинг» не получил законодательного закрепления, хотя изначально присутствовал в проектах соответствующих нормативно-правовых актов. Другим термином, который зачастую встречается в научной и профессиональной литературе, является «краудинвестинг» — финансовый инструмент, который используется для привлечения капитала в стартапы или привлечения средств для развития субъектов малого предпринимательства [10]. При этом инвесторами может быть максимально широкий круг лиц, которые не являются профессиональными участниками рынка или квалифицированными инвесторами. По результатам «инвестирования» они могут приобретать ценные бумаги и долю в юридическом лице. Для краудинвестинга также характерен риск потери вложений, однако он значительно ниже, чем при краудфандинге. Для минимизации рисков могут быть использованы различные дополнительные инструменты (страхование и т.п.). Другим термином из рассматриваемой области является «краудлендинг», связанный с предоставлением займов. Указан-

ные отношения частично получили регулирование в связи с принятием Федерального закона № 259-ФЗ, однако они не затрагивают область применения утилитарных цифровых прав.

Договоры в сфере рынка краудфандинга (краудинвестинга и краудлендинга) имеют свою собственную правовую природу. Стремление законодателя «уместить» отношения в известные правовому порядку категории и использовать существующий инструментарий приводит к тому, что отношения в связи с возникновением и использованием цифровых прав, предусмотренные гражданским законодательством, оказались помещенными в область инвестиционной отрасли. Отчасти это приводит к появлению сложного регулирования и неоднозначного толкования норм сквозь призму выработанных подходов, а также не всегда оправданному расширению отдельных правовых институтов.

Для полноценного старта процесса инвестирования на инвестиционной платформе получатель инвестиций первоначально должен заключить договор с оператором инвестиционной платформы. Указанный договор нацелен на создание условий для осуществления инвестиций. Подобный договор не является рамочным или предварительным, это самостоятельный вид договора, который лишь предваряет старт основного процесса деятельности по инвестированию. Договор предусматривает получение доступа к информационной системе, а его заключение будет обеспечиваться функционированием технических средств (программных продуктов и информационных технологий), доступных в информационной системе. Соответственно такой договор будет включать основные положения для осуществления инвестиционной деятельности — правила информационной системы, на основе которых выстраивается процесс инвестирования. При этом правила информационной системы при включении оператора в соответствующий реестр проходят процедуру согласования с Банком России, который является регулятором в рассматриваемой сфере (согласование правил с учетом изменений в законодательстве осуществляется с июля 2023 г., что исключает для инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, определенные риски злоупотреблений со стороны оператора). Таким образом, оператор обеспечивает возможность доступа к инвестиционной платформе в целях заключения договора инвестирования лицами, привлекающими инвестиции, и инвесторами. Аналогичный по смыслу договор заключается между оператором инвестиционной платформы и инвестором.

В рассматриваемых отношениях оператор выступает наиболее сильной стороной, которая определя-

ет положения, оформленные в виде правил информационной системы. Договоры, предусмотренные Федеральным законом № 259-ФЗ (об оказании услуг по привлечению инвестиций и об оказании услуг по содействию в инвестировании), являются договорами присоединения, а порядок их заключения обусловлен возможностью выражения согласия с помощью электронных и иных технических средств в рамках требований подп. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Отдельный договор оформляется для установления взаимоотношений между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции. Подобный договор инвестирования предполагает принятие инвестором инвестиционного предложения от лица, привлекающего инвестиции. Его важным условием является перечисление денежных средств инвестором на соответствующий номинальный счет оператора инвестиционной платформы. Факт поступления денежных средств инвестора на счет является значимым, но не определяющим. Данный договор считается заключенным с момента поступления денежных средств с номинального счета оператора инвестиционной платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции. Подобный механизм позволяет минимизировать определенные риски для инвесторов, которыми в данных отношениях являются непрофессиональные участники рынка — инвесторами зачастую выступают именно граждане.

Федеральный закон № 259-ФЗ не содержит прямого указания на существенные условия договора инвестирования. С учетом текста акта можно отметить, что существенными условиями договора стоит признать способ привлечения инвестиций и их объем. Законодатель формулирует, что в инвестиционном предложении в обязательном порядке отмечаются существенные условия договора, срок действия инвестиционного предложения, минимальный объем привлекаемых денежных средств инвесторов. При этом стоит провести разграничение между объемом привлекаемых денежных средств от инвесторов (минимальный размер) и количеством средств, необходимых для реализации инвестиционного проекта (максимальной размер).

Приобретение утилитарных цифровых прав — это лишь один из способов инвестирования с использованием инвестиционной платформы. При этом утилитарные цифровые права — это права требования передачи вещи, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав на их использование, а также выполнения работ и (или) оказания услуг. Кроме того, объекты, в отношении которых возникают утилитарные цифровые права, должны быть созданы в будущем, а права на

них изначально возникают и отражены в электронной форме. Комплекс основных прав возникает после создания и передачи объекта, что исключает проблему двойного исполнения в обязательственных отношениях. При этом утилитарные цифровые права по своей юридической природе являются приобретаемыми, отчуждаемыми и реализуемыми внутри информационной системы правами требования. Законодатель исключил возникновение утилитарных цифровых прав в отношении прав требования имущества (полагая, недвижимого), в отношении прав которого или сделок с ним может потребоваться государственная регистрация или нотариальное удостоверение. Безусловно, это в определенном смысле сужает перечень объектов, средства на создание которых можно привлечь с помощью инвестиционной платформы. Отмечается, что это связано с технологическими особенностями оформления утилитарных цифровых прав [11].

Специальное цифровое свидетельство позволяет определить принадлежность утилитарных цифровых прав, хотя подтверждающим фактом является внесение соответствующей записи (информации) в информационную систему. Цифровое свидетельство есть ценная бумага без номинальной стоимости, которая является неэмиссионной и бездокументарной. Выдачу свидетельства в электронной форме (фактически, пересылку) осуществляет депозитарий, который к тому же проводит учет таких цифровых прав и распоряжается ими. Владелец цифрового свидетельства вправе требовать от депозитария оказания услуг, связанных с реализацией и распоряжением утилитарным цифровым правом.

В законодательстве сформулированы не только общие требования к правилам инвестиционной платформы (информационной системы), но и требования к оператору платформы, от которого во многом зависят процесс привлечения инвестиций и последующая реализация утилитарных цифровых прав. Именно оператор выступает тем субъектом отношений, который формирует основу для возникновения и развития правоотношения. Согласно требованиям законодательства, оператором является юридическое лицо, имеющее организационно-правовую форму акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью. По данным регулятора, в реестр операторов инвестиционных платформ по состоянию на второе полугодие 2023 г. включена 71 организация, каждая из которых имеет интернет-сайт [12]. Статус оператора инвестиционной платформы приобретает с момента включения юридического лица в соответствующей реестр, ведение которого осуществляет Банк России. Указанный реестр является общедоступ-

ным и открытым для неограниченного круга лиц. Помимо организационно-правовой формы имеются иные требования, в том числе наличие уставного капитала юридического лица в размере не менее 5 млн рублей. Среди обязательных требований, предъявляемых к операторам инвестиционной платформы, можно отметить соответствие законодательству правил информационной системы, порядка идентификации ее участников, раскрытия и предоставления информации, а также соблюдение ограничений в части совмещения отдельных видов деятельности и возможности распоряжения средствами, которые имеются на счетах.

Развитие «цифрового» регулирования гражданского оборота можно оценить позитивно, поскольку на отечественных инвестиционных платформах в рамках рынка краудфандинга в 2022 г. было привлечено 20,4 млрд рублей, из них в рамках краудлендинга — 12,8 млрд рублей, в рамках краудинвестинга — 7,6 млрд рублей [13].

По данным Банка России, из 64 инвестиционных платформ, зарегистрированных и действовавших в 2022 г., только две организации предлагали выпуск утилитарных цифровых прав. Очевидно отсутствие спроса и интереса к утилитарным цифровым правам со стороны инвесторов. Известно, что только одной организации удалось привлечь 70,5 тыс. рублей. В предыдущие годы выпуск и приобретение утилитарных цифровых прав не производились. Таким образом, введение в законодательство конструкции утилитарных цифровых прав к 2023 г. не позволило достичь знаковых финансовых показателей.

Хотя законодательство и не предъявляет технических требований к инвестиционным платформам, осуществляющим выпуск утилитарных цифровых прав, процесс их деятельности остается технологически сложным и затратным (применение технологий распределенного реестра и т.п.). Утилитарные цифровые права, подробно описанные в Федеральном законе № 259-ФЗ, сложно отнести к категории простых и понятных инструментов для непрофессиональных участников финансового рынка, который при этом не лишен посредников и большого количества лиц, участвующих в данных отношениях. Дальнейшему развитию категории утилитарных цифровых прав и их активному использованию в гражданском обороте могут способствовать целенаправленная работа по повышению финансовой осведомленности и правовой грамотности физических и юридических лиц, совершенствование налогообложения и минимизация рисков инвестирования, последовательная модернизация правовых конструкций и упрощение понятийно-категориального аппарата в действующем законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Shneor R., Zhao L., Flåten B.-T. *Advances in Crowdfunding. Research and Practice*. Switzerland, Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 209. DOI: 10.1007/978-3-030-46309-0.
2. Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 г. Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения 01.07.2023).
3. Арбитражный суд г. Москвы. Дело № А40-168164/17-31-1491. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 01.07.2023).
4. Сухановский Ю.А., Миронова Е.М. Сравнение подходов к краудфандингу в России и США // *Вестник науки и образования*. 2019. № 10. С. 44.
5. Butuzova A.S. Capitalization of International Unicorn Companies: To What Extent is it Reasonable? // *Digest Finance*. 2018. Vol. 23. ISS. 1. P. 63–67.
6. Краудфандинг. Презентация Банка России. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения 01.07.2023).
7. Грахов А.А., Жирова Е.И. Краудфандинговые технологии как способ реализации социальных проектов // *Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сборник научных трудов III Международной научной конференции, 23–26 мая 2016 г. Ч. 2*. Томск: изд-во ТПУ, 2016. С. 374.
8. Акинфеева В.В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // *Пермский юридический альманах*. 2020. № 3. С. 405.
9. Санникова Л.В. Цифровые эксперименты российского законодателя // *Имущественные отношения в РФ*. 2019. № 12. С. 87.
10. Фияксель Э.А., Солохин А.А., Соколов И.Н. Краудинвестинг. Обзор исследований и промежуточные результаты развития // *Инновации*. 2017. № 7. С. 42.
11. Городов О.А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1. С. 8. DOI: 10.17803/2618-8198.2020.07.1.005-010.
12. Реестр операторов инвестиционных платформ по состоянию на 19 июня 2023 г. Банк России. — URL: https://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_invest_platform_op.xlsx (дата обращения 01.07.2023).
13. Обзор платформенных сервисов в России (операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем и операторы финансовых платформ). Информационно-аналитический материал. Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения 01.07.2023).

REFERENCES

1. Shneor R., Zhao L., Flåten B.-T. *Advances in Crowdfunding. Research and Practice*. Switzerland, Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 209. DOI: 10.1007/978-3-030-46309-0.
2. Strategiya povysheniya finansovoy dostupnosti v Rossijskoj Federacii na period 2018–2020 gg. Bank Rossii. — URL: <https://www.cbr.ru> (data obrashcheniya 01.07.2023).
3. Arbitrazhnyj sud g. Moskvy. Delo No A40-168164/17-31-1491. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (data obrashcheniya 01.07.2023).
4. Suhanovskij Yu.A., Mironova E.M. Sravnenie podhodov k kraudfandingu v Rossii i SSHA // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2019. No 10. S. 44.
5. Butuzova A.S. Capitalization of International Unisorn Companies: To What Extent is it Reasonable? // *Digest Finance*. 2018. Vol. 23. ISS. 1. P. 63–67.
6. Kraudfanding. Prezentaciya Banka Rossii. — URL: <https://www.cbr.ru> (data obrashcheniya 01.07.2023).
7. Grahov A.A., Zhirova E.I. Kraudfandingovye tekhnologii kak sposob realizacii social'nyh proektov // *Informacionnye tekhnologii v nauke, upravlenii, social'noj sfere i medicine: sbornik nauchnyh trudov III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 23–26 maya 2016. Ch. 2. Tomsk: izd-vo TPU. 2016. S. 374.*
8. Akinfeeva V.V. Utilitarnye cifrovyje prava v sovremennyh usloviyah transformacii ekonomiki // *Permskij juridicheskij al'manah*. 2020. No 3. S. 405.
9. Sannikova L.V. Cifrovyje eksperimenty rossijskogo zakonodatela // *Imushchestvennye otnosheniya v RF*. 2019. No 12. S. 87.
10. Fiyaksel' E.A., Solohin A.A., Sokolov I.N. Kraudinvesting. Obzor issledovanij i promezhutochnye rezul'taty razvitiya // *Innovacii*. 2017. No 7. S. 42.
11. Gorodov O.A. Priobretenie utilitarnykh cifrovych prav kak novyj sposob investirovaniya po zakonodatel'stvu Rossii // *Pravo i cifrovaya ekonomika*. 2020. No 1. S. 8. DOI: 10.17803/2618-8198.2020.07.1.005-010.
12. Reestr operatorov investicionnyh platform po sostoyaniyu na 19 iyunya 2023 g. Bank Rossii. — URL: https://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_invest_platform_op.xlsx (data obrashcheniya 01.07.2023).
13. Obzor platformennyh servisov v Rossii (operatory investicionnyh platform, operatory informacionnyh sistem i operatory finansovyh platform). Informacionno-analiticheskij material. Bank Rossii. — URL: <https://www.cbr.ru> (data obrashcheniya 01.07.2023).

Научная статья

УДК: 347.778

DOI: 10.17323/tis.2024.19822

Original article

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

NEW VIEWS ON INTELLECTUAL PROPERTY LAW PROPOSED IN THE CONCEPT OF THE GENERAL THEORY OF AUTHORSHIP

Иван Анатольевич БЛИЗНЕЦ

Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Москва, Российская Федерация,
bliznets@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5753-3591>,
SPIN-RSCI: 2784-6978,
AuthorID: 729646

Вячеслав Станиславович ВИТКО

Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Москва, Российская Федерация,
vitko_v_s@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9354-4207>

Информация об авторах

И.А. Близнец — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, заведующий кафедрой интеллектуальной собственности Московского университета имени А.С. Грибоедова, профессор кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О.Е. Кутафина

В.С. Витко — кандидат юридических наук, доцент кафедры интеллектуальной собственности Московского университета имени А.С. Грибоедова

- **Аннотация.** В статье предпринята попытка провести
- анализ правовых позиций, выраженных в концепте
- общей теории авторства, разработанной М.А. Федо-
- товым. Авторы, поддерживая выдвинутую доктрину,
- одновременно высказывают ряд критических замеча-
- ний и сомнений, предлагают в том числе свое видение
- отдельных положений доктрины.

- **Ключевые слова:** концепт интеллектуальной собствен-
- ности, общая теория авторства, результаты интеллекту-
- альной деятельности, товарный знак, географическое
- указание, изобретение, произведение искусства

- **Для цитирования:** Близнец И.А., Витко В.С. Новые взгля-
- ды на право интеллектуальной собственности, предло-
- женные в концепте общей теории авторства // Труды
- по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
- Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 43–61;
DOI: 10.17323/tis.2024.19822.

Ivan A. Bliznets

- A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian
- Federation,
bliznets@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5753-3591>,
SPIN-RSCI: 2784-6978,
AuthorID: 729646

Viacheslav S. Vitko

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation,
vitko_v_s@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9354-4207>

Information about the authors

I.A. Bliznets — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Intellectual Property of the Griboyedov Moscow State University, Professor of the Department of Intellectual Property Rights of the Kutafin Moscow State Law University

V.S. Vitko — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Intellectual Property of the Griboyedov Moscow State University

Abstract. The article attempts to analyze the views of M.A. Fedotov, expressed in the developed concept of the general theory of authorship. The authors, while supporting the proposed doctrine, at the same time express a number of critical comments and doubts, including their own vision of certain provisions of the doctrine.

Keywords: the concept of intellectual property, the general theory of authorship, the results of intellectual activity, trademark, geographical indication, invention, works of art

For citation: Bliznets I.A., Vitko V.S. New Views on Intellectual Property Law Proposed in the Concept of the General Theory of Authorship // Trudi po Intellectulnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1) P. 43–61; DOI: 10.17323/tis.2024.19822.

Смелые мысли играют роль передовых
шашек в игре: они гибнут,
но обеспечивают победу.
Иоганн Вольфганг фон Гёте

- Опубликованная в прошлом номере журнала «Труды по интеллектуальной собственности» статья профессора М.А. Федотова «Введение в концепт общей теории авторства» [1] вызвала у нас неподдельный интерес и желание разобраться в плюсах и минусах предлагаемых подходов к сфере интеллектуальной собственности. Особенно хочется отметить, что впервые научному сообществу предлагается абсолютно новый подход к доктринальным положениям авторского права и права интеллектуальной собственности в целом.
- В настоящей статье мы анализируем положения указанного концепта и выводы из него. Мы намерены изложить свои взгляды и мнения об анализируемой статье, оставаясь, насколько это возможно, беспристрастными. Возможно, некоторые из наших взглядов покажутся спорными или даже ошибочными, но мы постараемся внимательно разобрать предлагаемый подход к вопросам общей теории авторства.
- Заглавие статьи предлагает, по нашему мнению, задуматься о новых подходах к концепции авторства и ставит задачу развить понимание авторства. Ведь «концепция» — это «система взглядов на что-нибудь; основная мысль чего-нибудь» [2, с. 266]. В свою очередь, «введение» — это вступительная, начальная часть чего-нибудь [2, с. 69]. Таким образом, в статье следует ожидать не полного и завершенного изложения концепции авторства, а только вступления, начальной части системы взглядов на общую теорию авторства, т.е. некоторых основополагающих тезисов.
- Задача, как ее ставит сам ученый, — предложить вниманию научного сообщества некоторые тезисы, обосновывающие концепт общей теории авторства.
- При этом предлагаемый концепт предназначен не для того, чтобы прийти на смену существующей доктрине интеллектуальной собственности, а для того, чтобы выявить в ней пробелы и противоречия и позволить перестроить ее, с тем чтобы сделать более совершенными и прогнозируемыми как законодательство, так и правоприменение [1, с. 40].

I. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ДОКТРИНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

По мнению М.А. Федотова, «в основании концепта интеллектуальной собственности уже несколько столетий лежит преимущественно утилитарный подход, согласно которому объектом частноправового оборота являются некие нематериальные сущности»¹ — результаты интеллектуальной деятельности, приравненные к ним средства индивидуализации, имеющие коммерческую ценность [1, с. 40].

Следует согласиться с тем, что утилитаризм в праве интеллектуальной собственности стал доминирующей идеей, поэтому утилитаристская теория является фундаментом теоретического обоснования права интеллектуальной собственности. При этом, как нам кажется, возможно уточнение: утилитарный подход состоит не том, что объектами гражданского оборота выступают нематериальные сущности, а в особенной цели предоставления правовой охраны интеллектуальной собственности — достижении наибольшего благосостояния для наибольшего числа членов общества². К примеру, А.Г. Матвеев отмечает, что «теория общественной пользы (утилитаризм) обосновывает необходимость существования авторского права не заботой о благе автора, а интересами общества в целом» [4, с. 73].

При этом, пишет М.А. Федотов, согласно доктрине интеллектуальной собственности, только результаты интеллектуальной деятельности имеют автора, категория которого является производной (вторичной) от результата интеллектуальной деятельности. В системе средств индивидуализации автора вообще не существует. «Его место здесь занимает заявитель, к которому, видимо, товарные знаки и фирменные наименования падают непосредственно с неба уже в готовом виде» [1, с. 41].

Действительно, из п. 1 ст. 1228 ГК РФ, которая называется «Автор результата интеллектуальной деятельности», прямо следует, что автор (под ним по-

нимается «гражданин, творческим трудом которого создан такой результат») есть у результата интеллектуальной деятельности³. При этом средства индивидуализации [фирменное наименование индивидуализирует юридическое лицо (ст. 1474 ГК РФ), товарный знак и знак обслуживания — индивидуализируют товары, работы, услуги (ст. 1477 ГК РФ), географическое указание и наименование места происхождения товара — идентифицируют происходящий с территории географического объекта товар (ст. 1517 ГК РФ)] лишены фигуры автора.

Автор есть у произведений науки, литературы и искусства (ст. 1257 ГК РФ), ему принадлежат: 1) исключительное право на произведение; 2) право авторства; 3) право автора на имя; 4) право на неприкосновенность произведения; 5) право на обнародование произведения (п. 2 ст. 1255 ГК РФ). В определенных случаях автору принадлежат и другие права. Объекты патентных прав — изобретения, полезные модели и промышленные образцы, признаваемые законом результатами интеллектуальной деятельности, — также имеют авторов (ст. 1347 ГК РФ), но им принадлежит усеченная совокупность интеллектуальных прав: исключительное право и право авторства (п. 2 ст. 1345 ГК РФ)⁴. Исходя из этого, М.А. Федотов справедливо ставит вопрос: почему авторы объектов патентных прав не наделены иными личными неимущественными правами, например правом на имя, правом на неприкосновенность и обнародование?

Попутно он высказывает суждение о том, что промышленный образец одновременно является произведением дизайна. Надо сказать, что такой взгляд находит достаточно широкую поддержку среди исследователей [5, с. 83]. Однако мы не думаем, что стоит отождествлять промышленный образец и произведение дизайна. По нашему мнению, промышленный образец — решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства — не может быть признан произведением (дизайна) и тем самым не может подлежать охране авторским правом, поскольку труд по созданию внешнего вида не является творческим в смысле ст. 1257 ГК РФ. Тем самым критерием, ограничивающим промышленные образцы от произведений дизайна, является возможность созданной автором воображаемой (мыслимой) формы служить выражению завершенной мысли. По этой

¹ Утверждение о том, что объектом гражданского оборота являются сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации с учетом правила п. 4 ст. 129 ГК РФ кажется досадной неточностью. Речь, полагаем, идет об обороте исключительных прав, признаваемых на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1226 ГК РФ).

² Напомним, что в работе «Основоположения к метафизике нравов», критикуя утилитаризм, Иммануил Кант указывал, что в данном учении человек является лишь средством для достижения цели. Однако личность не может быть только средством, она способна быть и целью [3, с. 204–211].

³ С учетом положения ст. 1225 ГК РФ точнее, кажется, было бы сказать, что автор есть у охраняемого результата интеллектуальной деятельности.

⁴ Кроме того, автору объекта патентных прав могут принадлежать другие права, в том числе право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец (п. 3 ст. 1345 ГК РФ).

причине мы не можем согласиться с тем, что внешний вид промышленных изделий, не являющийся воплощением формы объяснения законченной мысли, может охраняться в качестве объектов авторского права (произведений дизайна) [6, с. 50].

Кажется справедливой оценка М.А. Федотовым фигуры правообладателя, который *«легко может поглотить автора, оставив ему рудименты личных немущественных прав»* [1, с. 41]. Так, Э.П. Гаврилов пишет: *«Оказалось, что исключительные права либо полностью, либо частично отчуждаются авторами и через некоторое время уже авторам не принадлежат. Следовательно, нужны другие механизмы для охраны прав авторов»* [7, с. 33]. И.А. Близнец высказывал мысль о том, что *«в сфере авторских прав имеет смысл ограничить возможность заключения договоров уступки»* [8, с. 272].

Подводя промежуточный итог, М.А. Федотов отмечает, что в отличие от доктрины интеллектуальной собственности предлагаемый *«концепт общей теории авторства ставит в центр всей экосистемы интеллектуальной собственности именно автора, то есть субъекта права, творца, а не результат его интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, то есть объект права»* [1, с. 41].

По мнению М.А. Федотова, *«понятие “автор” характеризуется, с одной стороны, кажущейся ясностью, а с другой — глубинной неопределенностью и противоречивостью»* [1, с. 42]. По его убеждению, автор есть не только у результатов интеллектуальной деятельности, но также у средств индивидуализации. При этом *«в максимальной степени фактор авторства наличествует в авторском и патентном правах, в смежных правах, в правовой охране топологии интегральных микросхем и т.д.; в меньшей степени — в товарных знаках, коммерческих обозначениях и фирменных наименованиях; в минимальной степени — в географических указаниях и наименованиях мест происхождения товара»* [1, с. 42].

Соглашаясь с общим подходом к понятию авторства, зададимся вопросом: в каком смысле М.А. Федотов понимает категорию «автор» в отношении средств индивидуализации, которые по закону не имеют автора (ст. 1474, 1477, 1517 ГК РФ)? Так, наличие элемента авторства в географических указаниях он усматривает в том, что сами названия местностей являются, как правило, результатом растянутого во времени народного творчества [1, с. 42]. Кроме того, как указывается в литературе, географические указания приобретают ценность в качестве средств индивидуализации — прежде всего как региональные бренды, которые популяризируют достоинства товара, происходящего с территории определенного географического объекта [9, с. 48–56].

Соглашаясь с тем, что название местности может быть результатом народного творчества, мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что все-таки географические указания подлежат охране в качестве объекта интеллектуальной собственности не потому, что название местности является творческим, а потому, что характеристики товара (качество, репутация и т.д.) обусловлены происхождением с территории определенного географического объекта (ст. 1516 ГК РФ). При этом едва ли можно говорить об авторстве какого-либо лица или группы лиц в отношении конкретной географической территории с уникальными природными ресурсами. Другой довод в пользу авторства на географические указания, похоже, сводится к тому же: происхождению товара с территории определенного географического объекта. Поэтому едва ли можно говорить об авторстве в отношении географических указаний. К тому же более обоснованной видится точка зрения, согласно которой на географические указания не должны признаваться не только права авторства, но и исключительные права [7, с. 32].

Вернемся к поставленному выше вопросу: кто является автором в понимании М.А. Федотова? По мнению ученого, автор объекта интеллектуальной собственности — это *«тот, кто его придумал, создав сначала в своем воображении, а потом уже отобразив его на бумаге или на экране компьютера либо в какой-то иной объективной форме, а в итоге, если речь идет, например, о товарном знаке, — материализовав его в заявке в Роспатент»* [1, с. 42]. Если мы правильно поняли, то формула М.А. Федотова такова: автором объекта интеллектуальной собственности признается гражданин, интеллектуальным трудом которого создан такой объект. Как видим, термин «автор» в понимании законодателя — это создатель результата творческого труда; в понимании М.А. Федотова — создатель результата любой по характеру интеллектуальной деятельности, в том числе творческой. Поэтому, в частности, *«товарный знак может быть оригинальным... а может быть серым, будничным, незаметным, хотя и не сходным до степени смешения с другим столь же невзрачным товарным знаком»* [1, с. 42]. Исходя из этого, ученый заключает, что автор есть и у средств индивидуализации.

Мы не оспариваем заключение, что средства индивидуализации создаются умственным трудом лица (лиц), но не каждое такое лицо является автором в смысле ст. 1228 ГК РФ. Исходя из сказанного, можно усомниться в том, что каждый объект интеллектуальной собственности имеет автора. Нам даже кажется, что предположение о наличии автора у любого объекта интеллектуальной собственности основано не

на природе объектов, а на неоправданном изменении содержания понятия «автор».

Не вполне справедливым кажется упрек законодателю в том, что он «пока не увидел элемент авторства ни в товарных знаках, ни в фирменных наименованиях, ни в коммерческих обозначениях и т.д.» [1, с. 42], ведь под автором закон полагает лицо (гражданина), способное не вообще мыслить, а мыслить творчески (ст. 1228 ГК РФ). По мнению М.А. Федотова, законодатель приближается к тому, чтобы увидеть автора, например, в фонограмме, тем, что признает ее охраноспособным результатом интеллектуальной деятельности [1, с. 43]. На наш взгляд, такой вывод не следует из части IV ГК РФ. Согласно ст. 1332 ГК РФ, фонограммы — это любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение (подп. 2 п. 1 ст. 1304 ГК РФ), т.е. запись каких-либо звуков не создается (творческим трудом автора), а изготавливается инициативным и ответственным лицом (физическим или юридическим). Тем самым фонограмма вообще не является результатом интеллектуальной деятельности. Более того, по мнению Э.П. Гаврилова, фонограммы не могут быть отнесены ни к одной из двух групп объектов интеллектуальной собственности, поскольку не имеют авторов и, кроме того, кого-то или что-то не индивидуализируют [10, с. 228]. Тем не менее нам кажется, что следует задуматься о предлагаемом М.А. Федотовым подходе, тем более что мировое сообщество уже давно отнесло фонограммы к объектам интеллектуальной собственности. Возможно, следует внести необходимые поправки в действующее российское законодательство.

Ученый обращает внимание на то, что в ст. 1225 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации перечислены единым списком, без разбивки на эти два вида (типа) объектов [1, с. 43]. При этом высказывает мнение, что в «ГК РФ нет нормы, которая текстуально относилась бы произведения науки, литературы и искусства, исполнения, фонограммы и тому подобное к результатам интеллектуальной деятельности» [1, с. 43]. В самом деле, если изобретения, полезные модели и промышленные образцы прямо указаны в законе как результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1347 ГК РФ), то, в частности, произведения прямо не поименованы как результаты интеллектуальной деятельности. К такому выводу можно прийти из системного толкования норм ст. 1228 и 1257 ГК РФ: любой результат интеллектуальной деятельности создается творческим трудом, поскольку произведение создается творческим трудом, поэтому должно признаваться результатом интеллектуальной деятельности.

По мнению М.А. Федотова, «факт отсутствия в действующем законодательстве ясного разделения объектов интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации дает повод задуматься над целесообразностью такого разделения» [1, с. 43]. При этом он замечает, что «концепт общей теории авторства позволяет отказаться от выделения средств индивидуализации и их приравнивания к результатам интеллектуальной деятельности» [1, с. 43]. Мысль, как видим, здесь следующая: поскольку все объекты интеллектуальной собственности имеют автора, пропадает критерий разграничения, а вместе с ним и возможность разделения объектов на две разнородные группы. Однако выдвинутая гипотеза о наличии фигуры автора у любого объекта интеллектуальной собственности не кажется очевидной и поэтому требует дополнительного обоснования.

В подтверждение органической связи результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации через посредство института авторства М.А. Федотов в качестве примера приводит древнегреческую расписную вазу с надписями: «Гисхил сделал» и «Эпиктет расписал». Эти надписи свидетельствуют о том, что «данное произведение принадлежит таланту двух соавторов: гончара Гисхила и вазописца художника Эпиктета» [1, с. 44]. Из этого примера, по мнению М.А. Федотова, следует, что «в Древней Греции и Древнем Риме авторство выполняло три функции: закрепление права авторства как морального, личного неимущественного права (функционал копирайта), индивидуализация производителя товара (функционал товарного знака), закрепление вещных прав на оригинал результата интеллектуальной деятельности (функционал вещного права)» [1, с. 44].

Как видим, по мысли М.А. Федотова, авторство (точнее, кажется, признание авторства создателем произведения путем проставления надписи «Гисхил сделал») индивидуализировало гончара Гисхила как производителя товара (экземпляра вазы), поэтому выполняло роль товарного знака. То есть товарный знак наряду с произведением также вроде бы имеет автора.

Мы не оспариваем, что проставлением надписи «Гисхил сделал» гончар Гисхил осуществил право авторства на созданное им произведение гончарного искусства, являющееся с точки зрения современных законов произведением декоративно-прикладного искусства. Наряду с этим, понимая под товарным знаком обозначение (знак), в том числе словесное, служащее для индивидуализации товаров (ст. 1477, 1482 ГК РФ), можно одновременно признать надпись «Гисхил сделал» товарным знаком. Но при этом нет оснований для вывода о том, что Гисхил является ав-

тором товарного знака в том смысле, что создал его творческим трудом. Словосочетание «Гисхил сделал», являющееся результатом обычного умственного (интеллектуального) труда гончара, едва ли можно признать творческим, а значит, самого Гисхила — автором в смысле «творцом». Таким образом, надпись «Гисхил сделал» — лишь *признание* гончаром Гисхилом авторства на созданное им произведение декоративно-прикладного искусства, выраженное в объемно-пространственной форме в материале (глине).

В свою очередь, надпись «Эпиктет расписал» является признанием Эпиктетом авторства на созданное им, независимо от Гисхила, другое самостоятельное произведение, выраженное в изобразительной форме — декоративную роспись. Можно заметить, что некоторые древнегреческие вазы не имеют никакого декора (росписи), и их художественные достоинства определяются исключительно формой, образуемой совокупностью объемных геометрических фигур. В качестве примера можно указать на аттическую племохю без орнамента, созданную в конце VI в. до н.э. (Женева, Музей).

Кстати, Эпиктет был не только художником, но и прославленным керамистом в классическом краснофигурном стиле, поэтому на многих древнегреческих вазах есть надпись — «Эпиктет сделал». Кроме Эпиктета известен ряд древнегреческих мастеров, которые одновременно были гончарами и художниками: Софил, Эфтимид, Евфроний, Амасис, Никосфенис и др. Нелишним будет заметить, что в нашем представлении Гисхил и Эпиктет должны признаваться не соавторами одного произведения, а авторами двух различных видов произведений, выраженных на одном и том же материальном носителе. Напомним, что, согласно п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] (далее — постановление Пленума № 10), произведение признается созданным в соавторстве в том случае, если каждый из соавторов внес в это произведение свой творческий вклад. Поскольку каждый из авторов (гончар и художник) создали произведения исключительно собственным творческим трудом, нет оснований полагать соавторство в создании двух разных видов произведений.

Завершая, можно, кажется, заключить, что, по мысли законодателя, не все объекты интеллектуальной собственности создаются творческим трудом, и по этой причине они могут быть разграничены по признаку «характер интеллектуального труда» на две группы: творческие и нетворческие объекты, называемые соответственно «результаты интеллектуальной деятельности» и «средства индивидуализации»

(ст. 1225 ГК РФ). Исходя из этого, едва ли можно утверждать, что такое разграничение является следствием построения доктрины интеллектуальной собственности на основе понятия «объект интеллектуальной собственности», приводящего к отрицанию авторства в отношении ряда охраняемых объектов.

Доктрина, как мы полагаем, зиждется на ином основании — на характере интеллектуального труда по созданию объектов интеллектуальной собственности: творческого труда, порождающего результат интеллектуальной деятельности, создатель которого называется «автор», и нетворческого (умственного) труда, порождающего результат нетворческой деятельности (средства индивидуализации), создатель которого не является автором в указанном выше смысле. Поэтому едва ли справедливо говорить об игнорировании законодателем авторства в ряде объектов интеллектуальной собственности (средствах индивидуализации). Закон — не мачеха средствам индивидуализации.

Средства индивидуализации, конечно, не «падают непосредственно с неба уже в готовом виде» [1, с. 41] заявителю — юридическому лицу или гражданину (п. 1 ст. 1492 ГК РФ), а создаются конкретными лицами (гражданами), но нетворческим по характеру трудом, поэтому последние не могут считаться авторами в смысле ст. 1228 ГК РФ. Создатель средства индивидуализации — скорее ремесленник, чем творец.

Поскольку, в частности, фонограммы и географические указания не могут быть отнесены ни к одной из двух групп, представляется, что в ст. 1225 ГК РФ выражение «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)» должно быть заменено другим: «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации и приравненные к ним иные результаты труда (интеллектуальная собственность)». Соответственно должно быть изменено название разд. VII ГК РФ: «Права на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации и приравненные к ним иные результаты труда».

Общий наш вывод состоит в следующем: мысль М.А. Федотова о том, что все объекты интеллектуальной собственности имеют автора, понимаемого как лицо, способное к творческому труду, видится интересной и важной для развития института интеллектуальной собственности. Такой подход, безусловно, прибавляет в понимании природы объектов интеллектуальной собственности, дает новое направление в исследовании проблем интеллектуальной собственности. Однако выдвинутое предположение требует более обстоятельного обоснования и широкого обсуждения научным сообществом.

Интеллектуальная собственность: права и (или) объекты прав

Вопрос, который М.А. Федотов полагает одним из наиболее спорных и одновременно основополагающим в доктрине интеллектуальной собственности, касается соотношения понятий «интеллектуальная собственность» и «права интеллектуальной собственности». Неясность вызвана тем, что по этому вопросу в Стокгольмской конвенции 1967 г. об учреждении ВОИС и в части IV ГК РФ отражены противоположные позиции [1, с. 44].

Действительно, как справедливо отметил исследователь, в п. viii ст. 2 Стокгольмской конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС, подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г.), указано, что «“интеллектуальная собственность” включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям... а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях». Таким образом, согласно Стокгольмской конвенции, интеллектуальная собственность — это интеллектуальные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

По установлению российского законодателя (ст. 128, п. 1 1225 ГК РФ), под термином «интеллектуальная собственность» понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Как нам представляется, поставленный вопрос не является особенно важным, поскольку сводится к спору о термине: что следует понимать под словосочетанием «интеллектуальная собственность».

При этом мы поддерживаем вывод М.А. Федотова о том, что свойство исключительности интеллектуальных прав проявляется в отношении как имущественных прав (монопольное использование), так и неимущественных прав (неотчуждаемость и непередаваемость) [1, с. 48]. Более того, в литературе высказывается мысль, что в праве интеллектуальной собственности личные неимущественные права только и могут быть признаны «исключительными» в том смысле, который вкладывают в это понятие сторонники теории исключительных прав [8, с. 131].

«Три кита» доктрины интеллектуальной собственности

По мнению М.А. Федотова, доктрину права интеллектуальной собственности составляют следующие три положения: 1) нематериальность объекта правоотношений; 2) наличие правовой охраны; 3) приравнивание средств индивидуализации к результатам интеллектуальной деятельности [1, с. 48].

Первое положение — **нематериальность объекта гражданских прав**, то есть отсутствие у объекта материально-вещественной формы. Вопрос о нематериальности объектов интеллектуальной собственности автор предлагает рассмотреть на примере скульптуры «Венера Милосская»⁵. С точки зрения доктрины интеллектуальной собственности авторское право на это «*произведение изобразительного искусства возникло во II в. до нашей эры и продолжает, за исключением исключительного права, существовать и поныне ввиду бессрочности охраны авторства, права на имя и права на неприкосновенность произведения*». При этом личные неимущественные права, в частности право на неприкосновенность произведения, легко нарушить, к примеру, прикрепив к скульптуре отсутствующие руки. По этой причине ученый задается вопросом о механизме обеспечения неприкосновенности объекта интеллектуальной собственности в условиях его нематериальности.

Прежде всего М.А. Федотов ставит, на наш взгляд, достаточно неожиданный, но, казалось бы, несложный вопрос: «*Что является объектом прав интеллектуальной собственности — скульптура Венеры или отображение, образ этой скульптуры? Если скульптура, то ее неприкосновенность была нарушена тогда, когда были утрачены руки Венеры. Если отображение, то оно нематериально только в сознании автора и равно до того момента, пока оно не окажется воплощенным в мраморе*».

Как видим, ученый, во-первых, полагает, что объектом авторского права может быть: 1) скульптура Венеры или 2) отображение (образ) скульптуры. Но есть ли достаточные основания для такого предположения?

Часть четвертая ГК РФ содержит термины «материальный носитель произведения», «экземпляр произведения», «оригинал произведения», но при этом законодатель не дает определений этих понятий. В доктрине гражданского под оригиналом произведения чаще всего понимается *уникальный материальный носитель*, в котором выражена воображаемая (идеальная) форма произведения [12, с. 35; 13, с. 15-16]. В соответствии с этим скульптура Венеры — это оригинал произведения, т.е. вещь, а значит, объект вещного права. В силу этого мнение о возможности признания скульптуры Венеры объектом авторского права кажется явно противоречащим ГК РФ (абз. 7 п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

⁵ «Венера Милосская» — древнегреческая скульптура, изображающая богиню Афродиту (у римлян — Венеру), считается произведением неизвестного мастера. Некоторые исследователи приписывают создание статуи скульптору Александросу Антиохийскому.

Можно ли образ скульптуры признать произведением?

Используя термин «образ», М.А. Федотов, скорее всего, придерживается понятия, сформированного В.Я. Ионасом: образ — идеальное представление мысли о чем-то (например, «образы природы, как ее видит художник, образы человека» [14, с. 41]. Исходя из этого, образ — как идеальная *in sua natura* (по своей природе (*лат.*) сущность), до выражения каким-либо способом в действительный мир не может, конечно, считаться объектом авторского права. Ведь тот же В.Я. Ионас пишет, что «объектом авторского права считается произведение творчества, т.е. идеальное создание человеческого духа в объективной форме» [14, с. 76]. Перефразируя ученого, произведение — это образ, выраженный в объективной форме. Таким образом, мы приходим к достаточно очевидному выводу: объектом авторского права, а именно произведением скульптуры, является образ богини плодородия, любви и красоты (Венеры-Афродиты), выраженный в материальном носителе (паросском мраморе). К такому выводу в работе 1984 г. пришел Э.П. Гаврилов: «Объектом авторского права является любое произведение, в котором проявляется творчество, состоящее либо в создании системы понятий (научное творчество), либо в создании системы образов (художественное творчество)» [15, с. 81]. Не то же ли говорил Микеланджело: «Я видел ангела в куске мрамора и резал камень, пока не освободил его»?

Другой вывод М.А. Федотова состоит в том, что если объектом авторского права является скульптура Венеры, то право на неприкосновенность было нарушено тогда, когда были утрачены руки. С учетом полученного вывода мы не можем согласиться с предположением, что скульптура — это объект авторского права. Она может являться либо оригиналом, либо экземпляром произведения.

Тем не менее внимательно проанализируем высказанное мнение. Как известно, п. 1 ст. 1266 ГК РФ установлено правило: «Не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения)». При этом, согласно п. 87 Постановления Пленума № 10, право на неприкосновенность произведения касается таких изменений произведения, которые не связаны с созданием нового произведения на основе имеющегося.

Как можно видеть, право на неприкосновенность произведения устанавливает запрет на изменение (сокращение, дополнение и т.п.) произведения без согласия

автора. Поэтому мы охотно согласились бы с приведенным выводом, если бы автор показал, как возможно изменить произведение, под которым принято понимать образ (форму произведения; форму изложения мысли), выраженный в объективной форме, путем повреждения оригинала произведения (вещи). Может быть, мы ошибаемся, но нам кажется, что никакие действия в отношении оригинала (экземпляра) произведения не могут привести к изменению самого произведения как воображаемой (мыслимой) сущности.

Кроме того, М.А. Федотов выдвинул незаурядный тезис о том, что произведение как образ скульптуры нематериально только до тех пор, пока находится в воображении автора. В момент выражения произведения (образа) в объективной форме, прежде всего в каком-либо материальном носителе, оно становится материальным. Не об этом ли писал В. Брюсов в стихотворении «Сонет к форме»: «Так образы изменчивых фантазий, / Бегущие, как в небе облака, / Окаменев, живут потом века / В отточенной и завершенной фразе».

Сразу заметим, что такое представление о произведении подвергалось критике в литературе. Так, И.А. Зенин указывал на ложную убежденность ряда исследователей в мнимой товарности нематериальных результатов интеллектуальной деятельности [16, с. 209, 211]. При этом, однако, даже этот ученый, авторитет которого признан в нашей науке, не смог удовлетворительно разрешить этот непростой вопрос, допуская случай создания объекта авторского права физическим трудом. По его мнению, «с уверенностью можно утверждать, что по общему правилу авторское право охраняет любые самостоятельно созданные умственным трудом произведения...», и «лишь в порядке исключения объектами авторских прав могут стать результаты интеллектуального труда, созданные с применением труда физического (таковы, например, скульптурные произведения)» [17, с. 135]. Эту точку зрения поддерживает другой автор: «Произведения изобразительного искусства — это в первую очередь ручной труд художника, скульптора, отсюда и единичность экземпляров» [18, с. 198]. Нам сложно согласиться с таким мнением, поскольку физическим трудом создается все-таки не объект авторского права, а оригинал (экземпляр) произведения, т.е. вещь. При этом мы признаем, что поставленный вопрос представляет определенные сложности, поскольку в оригинале произведения «одно с другим как будто слито. / Приняв одно — стараюсь угадать / За ним другое, — то, что скрыто» (Зинаида Гippiус, «Швея», 1901).

Придя к выводу о материальности произведения, М.А. Федотов полагает, что представления о нематериальности объектов интеллектуальной собствен-

сти нуждаются в переосмыслении с учетом реалий цифрового мира. В обоснование этой догадки он указывает на то, что в части четвертой ГК РФ нигде не упоминается о нематериальности объектов интеллектуальных прав, но неоднократно подчеркивается обязательность их существования⁶ — для целей правовой охраны — в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Тем самым *«объективная форма репрезентации является обязательным условием правообъектности, то есть в данном случае — правовой охраны объекта интеллектуальной собственности»* [1, с. 49].

Исходя из этого, ученый задается вопросом: *«Возможно ли, чтобы объект одновременно удовлетворял требованиям объективной формы и нематериальности, т.е. невещественности? Или же наличие противоречия между требованием объективной формы как условием правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и традиционно презюмируемым в доктрине свойством их нематериальности, идеальности?»* [1, с. 49]. Как видим, в глазах исследователя произведение представляет собой «союз, безумно-невозможный» (З. Гиппиус «Слова любви»).

Действительно, законодательство не содержит прямого установления о нематериальности объектов интеллектуальных прав. Это, конечно, не является упущением законодателя, но видится целесообразным наличие в ч. IV ГК РФ положения о невещественности результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. К примеру, п. 2 ст. 1225 ГК РФ («Интеллектуальная собственность охраняется законом»), по существу, повторяющий тезис п. 1 ст. 1225 ГК РФ о том, что интеллектуальной собственностью являются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана, мог бы иметь следующую редакцию: «Объекты интеллектуальных прав являются нематериальными».

Однако, кажется, и в отсутствие такого правила в законе едва ли можно серьезно сомневаться в нематериальности объектов интеллектуальной собственности. Так, по смыслу правовой позиции, сформу-

лированной Конституционным Судом Российской Федерации в п. 2 Определения от 4 декабря 2007 г. № 966-О-П [20], в п. 4 Постановления от 24 марта 2023 г. № 10-П [21], результаты интеллектуальной деятельности по своей природе представляют собой нематериальные (бестелесные) объекты гражданских правоотношений.

Вывод о материальности произведения зиждется на гипотезе о материальности объективной формы. В одной из своих работ мы разбирали вопрос о природе объективной формы и пришли к заключению, что *«результат интеллектуальной деятельности человека, выраженный в объективной форме, становится объектом действительного мира, в частности объектом авторского права (произведением), но при этом продолжает оставаться нематериальным»* [22, с. 41–45].

Исходя из этого, мы полагаем, что *отсутствует противоречие между требованием объективной формы как условием правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и их нематериальной природой*.

Опираясь на мнения Н.В. Смолянской, Е.А. Войниканис об общей информационной природе всех без исключения продуктов человеческого труда, где идеальный компонент составляет основную ценность, ученый предлагает понимать объекты интеллектуальной собственности как *нематериальные информационные сущности* [1, с. 49].

Насколько правильна идея об информационной природе объектов интеллектуальной собственности? Нет ли здесь ошибки? Ведь в таком случае и вывески, к примеру «Бакалейная торговля», «Аптекарский магазин», следует признавать произведениями. При этом мы совсем не против признания вывесок, созданных, например, Нико Пиросмани для тифлиских духанов: «Пивная Закатала», «Винный Погребь, распивочно и на вынос», «Холодный пиво» и другими объектами авторского права. Ведь для Пиросмани вывеска была не просто ремеслом, а живописью. К тому же, как писал В.А. Дозорцев, «традиционные исключительные права никак не распространяются на информацию. Для нее нужна специальная система охраны» [23, с. 228].

По нашему убеждению, правильнее сводить сущность произведения не к передаче информации, а к изложению (объяснению) мыслей (идей, чувств). Согласно выработанным нами признакам произведения, представление творческого труда как *самостоятельной мыслительной деятельности по изложению мыслей, изложению идеи (замысла)* является обязательным, конститутивным признаком произведения [24, с. 24; 25, с. 34–37]. Заметим, что такой подход начинает находить прямую поддержку в судебной практике. Так, по одному спору о защите исключительного права на

⁶ В другом месте М.А. Федотов также говорит о том, что существование объекта авторского права или смежных прав доказывается его наличием в какой-либо объективной форме [1, с. 64]. Заметим, что закон не требует существования произведения в объективной форме, а только лишь его выражения как условия возникновения авторских прав. Однако в правоприменительной практике встречается и иной подход. Так, по одному спору Суд по интеллектуальным правам заключил, что законодатель предусмотрел две формы объективации (существования) архитектурного решения: в форме произведения архитектуры и в форме проектов, охраняемых авторским правом [19].

произведение архитектуры Суд по интеллектуальным правам указал на то, что для целей установления факта наличия архитектурного произведения *необходимо выявление в объекте идеи, замысла* (архитектурного решения) [26].

Второе положение — **наличие правовой охраны**, поскольку признака нематериальности недостаточно для выделения интеллектуальной собственности в качестве обособленной правовой целостности [1, с. 50]. Это правило не подлежит сомнению, поскольку прямо установлено законодателем (ст. 1225 ГК РФ).

Третье основополагающее положение доктрины интеллектуальной собственности — **приравнение средств индивидуализации к результату интеллектуальной деятельности**⁷ [1, с. 51]. «Смысл такого приравнивания состоит в распространении единого правового режима на приравненные субъекты или объекты правоотношений, а иногда и на приравненные нормативно-правовые акты. В связи с этим возникают вопросы об основаниях и последствиях приравнивания средств индивидуализации к результатам интеллектуальной деятельности.

...ГК РФ нигде не указывает, к какому виду результатов интеллектуальной деятельности приравниваются средства индивидуализации. Попытка сопоставить виды результатов интеллектуальной деятельности и виды средств индивидуализации сравнением режимов их правовой охраны приводит к следующим выводам.

Во-первых, правовая охрана средств индивидуализации не имеет ничего общего с правовой охраной объектов авторского права и смежных прав, поскольку в первом случае доминирует «регистрационная система», а во втором — «созидательская система». ... Во-вторых, если говорить о существующих в ГК РФ средствах индивидуализации, то режимы их правовой охраны отчасти сходны лишь с режимами правовой охраны изобретений и других объектов промышленной собственности» [1, с. 51].

В итоге М.А. Федотов заключает, что «единственный признак, показывающий сходство средств индивидуализации с результатами интеллектуальной деятельности, — нематериальный характер объекта исключительных прав». Однако сам по себе институт приравнивания означает «не сходство правовых явлений, а применение общего правового режима в отношении различных объектов или субъектов правоотношений» [1, с. 52]. Таким образом, положение о при-

равнении средств индивидуализации к результатам интеллектуальной деятельности является спорным. Заметим, что, по мнению Э.П. Гаврилова, средства индивидуализации приравниваются к результатам интеллектуальной деятельности потому, что «они также являются нематериальными, идеальными» [10, с. 194].

Понятно, если согласиться с предложенным ученым пониманием приравнивания, то полученный им вывод видится правильным. Однако в представленном суждении есть спорные моменты.

Прежде всего едва ли верно полагать, что смысл приравнивания состоит в распространении *единого правового режима* на приравненные объекты правоотношений. Так, по мнению Е.А. Павловой, приравнение заключается в том, что механизм охраны средств индивидуализации — предоставление на них исключительного права — такой же, как и в отношении результатов интеллектуальной деятельности [27, с. 32]. Как видим, две различные с точки зрения характера труда по их созданию группы объектов приравниваются по критерию признания на них исключительного права. Только в одном этом состоит сходство правовых режимов двух групп объектов интеллектуальной собственности. В поддержку приведенного мнения можно заметить, что, согласно ст. 1226 ГК РФ, на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые всегда включают исключительное право.

Как нам думается, необходимость приравнивания двух различных групп объектов интеллектуальной собственности вызвана тем, что средства индивидуализации отличаются по своей природе от результатов интеллектуальной деятельности, но при этом они подлежат правовой охране как объекты интеллектуальной собственности путем установления на них интеллектуальных прав (п. 1 ст. 2, 1226 ГК РФ). Таким образом, схожесть результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации — в том, что на них устанавливаются интеллектуальные права.

Общеизвестно, что интеллектуальные права не сводятся к исключительным правам. Кроме исключительного права, которое признается на любой объект интеллектуальной собственности, в случаях, предусмотренных ГК РФ, на определенные объекты устанавливаются также личные неимущественные права и иные права (ст. 1226 ГК РФ). Поскольку исключительные права на объекты интеллектуальной собственности составляют только часть правового режима, группы объектов подчиняются различному правовому режиму. Если бы законодатель хотел уста-

⁷ Если быть точнее, то в п. 1 ст. 1225 ГК РФ говорится о приравнивании средств индивидуализации к результатам интеллектуальной деятельности.

новить единый правовой режим для двух групп объектов, он использовал бы иную формулировку: средства индивидуализации охраняются как результаты интеллектуальной деятельности.

Думается, что законодатель мог вообще обойтись без правила о приравнивании, сформулировав абз. 1 п. 1 ст. 1225 ГК РФ, например, в следующей редакции: «Результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (объектами интеллектуальной собственности), являются...».

II. ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

Теперь рассмотрим положения, которые М.А. Федотов предлагает в основание концепта общей теории авторства.

Нематериальность объекта интеллектуальной собственности как сугубо информационной сущности

По мнению М.А. Федотова, нематериальность относительна и дискретна. По его представлению, объект интеллектуальной собственности первоначально рождается в сознании автора. *«Там он абсолютно нематериален, идеален и существует в виде замысла»*. На следующем этапе замысел (идея) обретает первоначальную объективную форму.

По мнению ученого, создание произведения состоит из двух этапов: 1) создание произведения как «произведения для себя (автора)» — здесь произведение, выраженное в материальном носителе, видит только автор; 2) формирование произведения как «произведения для других» — *«восприятие произведения пользователем, зрителем, читателем, слушателем. И здесь произведение снова обретает нематериальность, запечатлеваясь в сознании пользователя»* [1, с. 53].

Если мы правильно поняли мысль автора, только фактически воспринятое третьими лицами произведение может быть признано объектом авторского права, хотя, как он сам справедливо отмечает, произведение подлежит правовой охране, когда является «произведением для себя». Нам неясно, для чего ученый вводит понятие «произведение для других». Ведь, как известно, в силу п. 3 ст. 1259 ГК РФ авторские права возникают на необнародованные произведения, т.е., в терминах М.А. Федотова, на «произведения для себя». Тем самым закон не налагает на автора обязанности фактического доведения произведения третьим лицам.

Кроме того, приведенный пример вроде бы должен показать, что нематериальность произведения относительна и дискретна: нематериально (в воображении автора) — материально (когда выражено в материальном носителе) — нематериально (в воображении пользователей). По нашему представлению, как уже было отмечено выше, произведение по своей природе — как результат мыслительной деятельности человека — всегда нематериально, т.е. непрерывно, континуально.

Исходя из сказанного, М.А. Федотов предлагает следующую формулу процесса получения результата интеллектуальной деятельности:

$$A \wedge B \wedge C \wedge D \wedge E \leftrightarrow R,$$

где **A** — знания; **B** — воображение; **C** — замысел; **D** — объективирование; **E** — воплощение; **R** — результат интеллектуальной деятельности [1, с. 53].

В этой формуле можно согласиться с этапами **A**, **B** и **C**. В части пункта **D** неясно, что именно подлежит объективизации. Автор, видимо, считает, что замысел (идея), но едва ли это так. Разве внешнему выражению подлежит не созданный в воображении результат умственной деятельности? Кроме того, что следует понимать под «воплощением»? Кажется, что под этим термином, поскольку автор использует выражение «первоначальная объективная форма», подразумевается конечная (окончательная) объективизация. Не лучше ли в части пункта **R** сказать: охраняемый результат интеллектуальной деятельности, т.е. объект интеллектуальной собственности в понимании ст. 1225 ГК РФ.

Концепт авторства

По убеждению М.А. Федотова, норма ст. 1228 ГК РФ недостаточно корректна, поскольку она не позволяет определить соотношение понятий «интеллектуальная деятельность» и «творческий труд», без чего дефиниция категории «автор» утрачивает логическую стройность.

Вследствие этого, в частности, в практике Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП) и некоторых других судов понятия «интеллектуальная деятельность» и «творческий труд» часто применяются как синонимы. Например, СИП в одном из своих решений указал, что «право автора возникает в силу самого факта создания творческим трудом соответствующего результата творческой деятельности» [28]⁸.

⁸ На самом деле приведенный тезис, содержащийся в Постановлении Суда по интеллектуальным правам, сформирован судом апелляционной инстанции: «Суд апелляционной инстан-

В итоге ст. 1228 ГК РФ может быть сведена к формуле: «Автором является гражданин» [1, с. 55].

Заклячая, М.А. Федотов высказал справедливую мысль о том, что «понятия “интеллектуальная деятельность” и “творческий труд” не являются тождественными, и при установлении соотношения между ними в ст. 1228 ГК РФ следует исходить из следующих соображений». Во-первых, из того, что именно *творческий труд* позволяет создать объект интеллектуальной собственности. «Однако в вопросе о творческом труде нет полной нормативно-правовой ясности». Во-вторых, из того, что творческая деятельность не тождественна умственному труду. «Для создания объекта интеллектуальной собственности требуется именно творческая деятельность». В-третьих, из того, что «творческая деятельность не тождественна интеллектуальной деятельности, так как творчество может включать в себя значительную долю физического труда. Таково, например, творчество артиста балета, скульптора, архитектора, самостоятельно возводящего строение». Исходя из этого, автор предлагает определить творческую деятельность как преимущественно интеллектуальную деятельность автора [1, с. 56].

Если первые два суждения вполне очевидны и неоспоримы, то тезис о том, что творчество в интеллектуальной сфере может включать в себя значительную долю *физического труда*, таким нам не кажется. У Микеланджело, помнится, есть такая фраза: «Я видел ангела в куске мрамора и резал камень, пока не освободил его». По его мысли, творчество скульптора заключается в том, чтобы увидеть (создать) в своем воображении образ (ангела), а резба камня (объективизация образа) — это уже ремесло. Если говорить об артисте балета, то мы не оспариваем, что танец стоит артисту огромного физического напряжения. Но при этом творческий труд танцовщика по созданию исполнения заключается не в самом по себе выполнении физическим (механическим) трудом движений, поз и т.д., а в создании движениями (хореографической фразой) определенного образа для передачи мысли автора хореографического произведения (хореографа). Если совсем кратко — в выражении танцевальной фразой определенной законченной мысли (чувства), требующем интеллектуального труда.

Нам кажется, что при формировании вывода о творческой деятельности как преимущественно ин-

теллектуальной деятельности автора, оставлено без внимания то обстоятельство, что объективизация созданного результата творческого труда, требующая физического труда, является выражением в действительном мире уже созданного результата интеллектуальной (умственной) деятельности, а не созданием произведения.

Завершая, должны сказать, что мы поддерживаем М.А. Федотова в том, что не всякая интеллектуальная деятельность является творческой, но при этом не можем согласиться с тем, что не всякий творческий труд в смысле ст. 1228 ГК РФ является исключительно умственным.

Резюмируя, М.А. Федотов предлагает отказаться от традиционного в отечественном законодательстве понятия «результат интеллектуальной деятельности» в пользу понятия «результат творческой деятельности». Как следствие предлагается принципиально иное определение понятия «автор»: «автор — это физическое лицо, творческим трудом которого создан объект интеллектуальной собственности» [1, с. 57].

Нам не кажется, что выработанное предложение удовлетворительно разрешает самим ученым поставленный вопрос. К объектам интеллектуальной собственности закон относит средства индивидуализации, создание которых может не требовать творческого вклада, а иногда и вообще какого-либо умственного труда конкретного гражданина, например географические указания, фонограммы. При этом едва ли можно ожидать широкой поддержки выдвинутого предположения о возможности сведения двух существующих групп объектов интеллектуальной собственности (результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) к одной — результатам творческого труда.

При этом нам не видится, что предлагаемое определение принципиально отличается от существующей дефиниции законодателя: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» (ст. 1228 ГК РФ).

Действительно, формулировка ст. 1228 ГК РФ не вполне удачна, поскольку содержащееся в ней правило можно понять так, что творческим трудом может быть создан «обычный» (нетворческий) результат умственного труда и он должен подлежать охране. Конечно, не существует единого пути к достижению чего-либо, поэтому возьмем на себя смелость предложить собственную формулировку. Думается, что анализируемая норма, исходя из смысла положений ст. 128, п. 1 ст. 1225 ГК РФ, могла бы иметь следующую редакцию: «Автором охраняемого результата

ции, оставляя без изменения решение суда первой инстанции, отметил, что право автора возникает в силу самого факта создания творческим трудом соответствующего результата творческой деятельности». Ради справедливости должны добавить, что нам неизвестны решения Суда по интеллектуальным правам, в которых он приравнивал бы друг другу понятия «творческий труд» и «интеллектуальный труд».

интеллектуальной деятельности признается гражданином, творческим трудом которого создан такой результат».

Понятие объекта интеллектуальной собственности

Законодатель определяет интеллектуальную собственность как совокупность двух множеств: результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

Согласно предлагаемому общей теорией авторства подходу, средства индивидуализации также являются результатами творческой деятельности, поэтому понятие «объект интеллектуальной собственности» должно объединить все имеющиеся на сегодняшний день и возможные в будущем виды результатов творческой деятельности [1, с. 58].

В отличие от ГК РФ, в ст. 4 Закона об авторском праве определены основные понятия. Так, было дано следующее определение: «Автор — физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение». При этом определения понятия «произведение» в Законе не было⁹. В отсутствие определения родового понятия Закон содержал определения различных видовых понятий. Попытки сформулировать отсутствующее определение родового понятия, исходя из имеющихся в Законе определений видовых понятий и определения понятия «автор», авторам этой статьи неизвестны.

В ГК РФ также нет определения понятия «произведение», как и определений понятий «результат интеллектуальной деятельности», «средство индивидуализации», «объект интеллектуальных прав», что, разумеется, обедняет понятийный аппарат современной доктрины интеллектуальной собственности.

М.А. Федотов полагает, что концепт общей теории авторства позволяет найти подходы к совершенствованию понятийного аппарата в данной сфере. С учетом тезиса об информационном характере объекта интеллектуальной собственности ученый предлагает определить его как «идеальный, умственный результат творчества автора, получивший объективацию в текстовом, изобразительном, звуковом, аудиовизуальном или ином знаке, выполняющем функции накопления информации либо индивидуализации лиц, товаров, услуг, работ, предприятий». В свою очередь, из этого базового определения можно далее выстраивать определения таких производных понятий, как «произведение», «изобретение», «товарный знак» и т.д. [1, с. 59].

⁹ Действительно, дефиниция понятия «произведение» отсутствовала, но при этом из п. 1 ст. 6 Закона об авторском праве можно было вывести, что произведением является результат творческой деятельности.

Как известно, право интеллектуальной собственности характеризуется заметной насыщенностью неопределенных понятий, поэтому определения базовых понятий необходимы.

Выдвинутое определение является содержательным, и поэтому можно сказать, что М.А. Федотов сделал попытку выявить *положительную сущность* определяемого понятия. При этом выяснение сущности объекта интеллектуальной собственности идет через выявленные признаки. Рассмотрим их.

1. Указание на *идеальный* характер объекта, являющегося умственным результатом, кажется лишним. Не лучше ли выражение «*умственный результат творчества автора*», содержащее основополагающий признак — творческий труд, заменить словосочетанием «результат творческого труда гражданина», поскольку едва ли правильно раскрывать понятие посредством *ignotum per ignotius* (лат., неизвестное через более неизвестное) использования термина «автор». При этом возникает вопрос: почему в определении не отражено то обстоятельство (в котором, кажется, убежден исследователь), что объект создается не только умственным, но и физическим трудом [1, с. 56]? Кажется, что автора остановило от этого ясное понимание того, что выражение «нематериальная вещь» — *contradictio in adjecto* (лат., противоречие в определении).

2. Громоздким и спорным нам видится выражение: «*получивший объективацию в текстовом, изобразительном, звуковом, аудиовизуальном или ином знаке*». Нетрудно догадаться, что за этим выражением скрывается признак — выражение результата (идеального) труда в какой-либо объективной форме. При этом непонятно, чем вызвана необходимость определять условие внешнего выражения через набор непонятных и к тому же громоздких терминов, которые делают определение тяжелым для восприятия. Что, к примеру, следует понимать под объективизацией в текстовом знаке? Если письменную форму, то почему бы прямо и ясно не сказать об этом? Помимо того, определение только выиграло бы, если бы необходимый признак был сформулирован, например, так: «выраженный в какой-либо объективной форме».

3. Сложно согласиться со сведением природы объектов интеллектуальной собственности к информационной, поэтому мы не можем поддержать *накопление информации* в качестве необходимого признака. Так, результат творческого труда может выражать известную идею, может быть создан с использованием «бродячего» сюжета и иных известных обстоятельств, поэтому, скорее всего, не будет служить «накоплению информации». Так что же, его не следует признавать объектом интеллектуальной собственности? По на-

шему убеждению, цель создания произведения — не в информировании, а в доведении какой-то идеи до сознания человека. Если же допустить, что все дело — в накоплении информации, то мы должны признать, что всякого рода словари — «идеальные» произведения.

В качестве примера можно привести «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833) А.С. Пушкина, все отличие которой от сказки братьев Grimm «Сказка о рыбаке и его жене» (1812), написанной, как считается, по ее сюжету, состоит лишь в различных именах (названиях) действующих лиц и содержании требуемых желаний: 1) старик — рыбак; старуха — жена (Ильзебиль); 2) золотая рыбка — камбала-рыба; 3) корыто, изба — изба; столбовая дворянка — каменный замок; царица — королева; владычица морская — императрица, папа римский, Бог. Таким образом, сказка А.С. Пушкина не служит накоплению информации и поэтому с точки зрения предложенного признака не должна признаваться произведением. Едва ли кто согласится с таким выводом.

К тому же процесс накопления информации часто является результатом нетворческого труда, поэтому было бы совсем не лишним объяснить, почему для ее накопления необходим именно творческий труд. Нам кажется, что совсем не нужен. Так, к примеру, разве описание погоды (ясно, облачно и т.д.), накопленное в течение года, составит собой объект авторского права?

Указание на то, что объект интеллектуальной собственности может служить индивидуализации кого-нибудь или чего-нибудь, прямо следует из закона и бесспорно является правильным. Но при этом сложно согласиться с М.А. Федотовым в том, что средства индивидуализации непременно являются результатом творческого труда. Более того, нам кажется, что творческий характер — это *accidentia* (лат., случайная черта) средств индивидуализации.

В итоге предложенное определение может быть сведено к следующему: объект интеллектуальной собственности — это *результат творческого труда гражданина, выраженный в какой-либо объективной форме, служащий накоплению информации либо индивидуализации лиц, товаров, услуг, работ*.

Чего не хватает нам в этом определении объекта интеллектуальной собственности, чтобы признать его «идеальным»? По смыслу ст. 1225 ГК РФ, не всякий результат интеллектуальной деятельности подлежит правовой охране. Поэтому определение должно быть дополнено условием — «охраняемый результат». Но, главное, едва ли правильно характеризовать объект интеллектуальной собственности критерием «накопление информации», поскольку он не раскрывает

сущности определяемого понятия. Возникает, конечно, вопрос: что именно представляет собой результат творческого труда автора? Только из материала ниже можно заключить, что под результатами творчества понимаются понятия, образы, технические решения и пр. [1, с. 60]. С такой квалификацией результатов творчества можно согласиться. Конечно, было бы неплохо попробовать определить объект интеллектуальной собственности через общее, родовое понятие результата творческого труда в сфере интеллектуальной собственности.

Завершая, полагаем возможным сказать, что **мы поддерживаем предложенное М.А. Федотовым определение объекта интеллектуальной собственности**. При этом оно не кажется совершенным лишь по причине размытости формулировок некоторых используемых понятий: «накопление информации», «объективизация в воспринимаемом знаке».

Основные свойства объектов интеллектуальной собственности

Основываясь на изложенном, М.А. Федотов выделяет следующие основные свойства объектов интеллектуальной собственности: *нематериальность, гетерогенность, человекоцентричность, креативность, герменевтичность* [1, с. 59].

Нематериальность объектов интеллектуальной собственности является общепризнанной. При этом «нематериальная природа объекта интеллектуальной собственности есть следствие того, что он является продуктом мыслительной деятельности, творчества человека» [1, с. 60]¹⁰. Кажется, что это один из нескольких вопросов в праве интеллектуальной собственности, по которому научная и судебная доктрины твердо придерживаются единого мнения.

«Гетерогенность проявляется в том, что экосистема интеллектуальной собственности включает в себя разнородные объекты».

«Человекоцентричность выражается в том, что только человек, физическое лицо признается автором, создателем, творцом объектов интеллектуальной собственности. Поставив в центр концепта общей теории авторства человека, автора, мы можем попытаться скомпилировать всю современную экосистему интеллектуальной собственности... как творческое (креативное) право, авторское право в широком смысле» [1, с. 60].

¹⁰ Поэтому, кажется, не вполне прав Л.Н. Толстой, когда говорит, что «любовь — это бесценный дар, это единственная вещь, которую мы можем подарить, и все же она у тебя остается». Таким свойством, в силу нематериальности, обладают и объекты интеллектуальной собственности.

Из признания человекоцентричности вытекает еще одно свойство объектов интеллектуальной собственности — *креативность*. Под этим, с учетом приведенных мнений Фрэнсиса Гарри, В.А. Дозорцева, ученый понимает новое, оригинальное. На наш взгляд, учитывая, что в дефиниции объекта интеллектуальной собственности используется понятие «творческий труд», точнее было бы говорить о творческом характере как основополагающем свойстве объектов. Творческий труд М.А. Федотов сводит к новизне и оригинальности результата интеллектуального труда. Подход, безусловно, правомерен, но как его согласовать с такими объектами интеллектуальной собственности, как фонограммы, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения, географические указания и пр.?

Герменевтичность — «свойство объекта интеллектуальной собственности быть понятным пользователем» (зрителем, слушателем, читателем и т.д.). В качестве обоснования ученый указывает на следующее. «Создание произведения (как и иного объекта интеллектуальной собственности) творческим трудом автора не завершает процесс формирования «произведения для других». Только будучи воспринятым третьим лицом именно как произведение, оно становится таковым вне пределов собственного видения автора». Таким образом, «сначала автор должен сам воспринять результат своего творчества как произведение, заслуживающее правовой охраны, а уже затем пользователь может согласиться или не согласиться с такой авторской оценкой» [1, с. 61].

Это выделенное свойство объектов интеллектуальной собственности кажется нам необычным и весьма спорным. Понятно, если согласиться с таким взглядом, то правовая охрана, например, произведениям, предоставляется не по факту «создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности» (подп. 5 п. 1 ст. 8 ГК РФ), а по факту создания и по воле автора и потребителя.

Для подтверждения и объяснения выдвинутого тезиса приводится пример выполнения художником-концептуалистом Йенсом Хаанингом (Jens Haaning) заказа музея: два пустых холста с надписью «Take the Money and Run» («Бери деньги и беги»)¹¹. По мнению М.А. Федотова, «полученный музеем заказ, очевидно, может рассматриваться как результат творческого труда художника, выраженный в объективной форме», поскольку «налицо и творческий замысел

автора, и его объективирование, и его воплощение в виде двух пустых рам и надписи. Для появления “произведения для других” недостает только финальной стадии — восприятия результата пользователем, потребителем (в данном случае — заказчиком) в качестве именно произведения изобразительного искусства» [1, с. 62].

Сразу заметим, что в отсутствие изобразительной формы, в которой может быть выражен (если он, конечно, был) творческий замысел художника, нет никаких оснований утверждать, что произведение воплощено в объективной форме и, значит, создано произведение изобразительного искусства, в терминах М.А. Федотова — «произведения для себя». Единственное, с чем можно согласиться, так это с заглавием отсутствующей картины («Бери деньги и бери») как литературного произведения.

В качестве другого примера можно привести британского художника Майкла Бири, создавшего «картину» под названием «Свежий воздух» — абсолютно белое полотно без какого-либо видимого изображения. Картина выглядит, как пустота, но художник утверждает, что в картине заключена идея свежего воздуха, которую каждый может трактовать по-своему. По его мнению, искусство не всегда заключается в мастерстве изображения чего-нибудь конкретного, оно может быть идеей, вызывающей размышления¹². На наш взгляд, композиция «Свежий воздух» в соответствии с правилом п. 3 ст. 1259 ГК РФ, конечно, не может быть признана произведением.

Основываясь на выдвинутом тезисе, М.А. Федотов полагает, что правовая позиция Верховного Суда РФ, выраженная в п. 80 Постановления Пленума № 10, «нуждается в уточнении и расширении с учетом роли пользователя, потребителя (зрителя, читателя, слушателя) в восприятии произведения» [1, с. 62].

Но какие доводы приводятся в обоснование выдвинутого тезиса?

Справедливо отмечая, что «авторские права возникают из самого факта создания произведения и не зависят от реакции пользователя или общества в целом», М.А. Федотов заключает, что «отсюда не следует невозможность факультативной, добровольной регистрации произведений их авторами» [1, с. 62]. По его мнению, система факультативной регистрации (депонирования) объектов авторского права (произведений) помогает выявить, есть ли у автора реальная потребность в признании его авторства [1, с. 63].

Приводя в качестве примера изображение полированного среза природной цветной яшмы, ученый полагает, что оно тоже имеет автора: лицо, «чье вооб-

¹¹ Йенсу Хаанингу, видимо, трудно понять муки подлинного творца («бьешься, бьешься, слова не лезут с пера, мысли своей как следует выразить не могу...», М.А. Булгаков).

¹² В 2011 г. «пустая картина» была продана на аукционе в Лондоне за 10 тыс. долларов.

ражение позволило ему увидеть пейзаж в отполированном срезе цветной яшмы» [1, с. 63]. Основываясь на приведенных рассуждениях, М.А. Федотов заключает, что потребитель создает объект интеллектуальной собственности в качестве «произведения для других» [1, с. 64]. Не об этом ли писал А. Деметрев: «Пусть другой гениально играет на флейте, / Но еще гениальнее слушали вы» («Ни о чем не жалеете», 1977).

По мнению ученого, «наиболее наглядно процесс сотворчества автора и пользователя (зрителя, читателя, слушателя) можно наблюдать в нефигуративном искусстве, в перформансах и инсталляциях». Если пользователь не увидит произведение в представленном ему предмете, то «произведение состоится только в восприятии автора в качестве “произведения в себе”, а этого будет недостаточно для трансформации предмета в “произведение для других” даже при том, что сам предмет имеет объективную форму и является результатом творческого труда. Именно в этом видится проявление такого свойства объекта интеллектуальной собственности, как герменевтичность» [1, с. 65].

Выскажем свое мнение о представленном тезисе.

Начнем с того, что сама идея, выдвинутая ученым, не нова. В частности, она лежит в основе создания «музыкальной пьесы» «4'33»», автор которой — композитор Джон Кейдж — полагал, что творцом «музыки» должен быть не композитор, а слушатель (включая объекты окружающей среды).

Позволительно задать вопрос: в случае, когда миллионы людей видят изображение животного, «созданного» природой, например слона в скале Хвистеркур на острове Хеймаэй в Исландии или медведя в горе Аю-Даг («Медведь-гора») в Крыму, то у всех них возникают авторские права и все они обладают исключительным правом на одно и то же произведение? Вряд ли ответ может быть утвердительным. Поэтому представление об авторстве зрителя на причудливые формы, созданные природой, хотя бы и очень похожие на скульптуры, созданные именитыми творцами, не может не казаться заблуждением. Также неясно, как выдвинутый тезис согласовать с правилом об авторско-правовой охране необнародованных произведений (п. 3 ст. 1259 ГК РФ), которые никому, кроме автора, неизвестны.

Не лишним будет напомнить правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 16 июня 2022 г. № 25-П, согласно которой защита авторских прав только при условии получения согласия авторов использованных произведений на использование их в составном произведении ставит реализацию закрепленных Конституцией РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод автора произведения в зависи-

мость от волеизъявления третьих лиц [29]. Учитывая, что Конституцией РФ гарантируется охрана интеллектуальной собственности законом (ст. 44, ч. 1), из этого можно заключить, что возникновение авторско-правовой охраны не может зависеть от воли автора произведения или третьих лиц (потребителей) и происходит исключительно в силу юридического факта — создания произведения. Поэтому возникновение авторских прав как вопрос права должен все-таки разрешаться на основании положений закона, а не внимания публики. При этом мы не оспариваем положение о том, что «когда автор оставляет кисть, произведение начинает жить своей собственной жизнью и своим путем приходит к читателю. Будет ли оно жить или умрет — это уже зависит не от писателя, а от читателя. Автор здесь бессилён» (Кавабата, эссе «Существование и открытие красоты»).

Подытоживая, скажем, что нам ближе позиция, выраженная И. Бродским в стихотворении «Посвящение» (1987):

Ни ты, читатель, ни ультрамарин
за шторой, ни коричневая мебель,
ни сдача с лучшей пачки балерин,
ни лампы хищно вывернутый стебель —
как уголь, данный шахтой на-гора,
и железнодорожное крушение —
к тому, что у меня из-под пера
стремится, не имеет отношенья.
Ты для меня не существуешь; я
В глазах твоих — кириллица, названья....

В стихотворении мы видим обращение к читателю: «Ты не имеешь отношения к моей поэзии». Кто же он, читатель? В авторско-правовом смысле, скорее всего, никто. Поэт настаивает на свободе своего творчества от внешних причин: природы, искусства и самого читателя. Чтобы не было в этом сомнения, твердо повторяет свою мысль: «Ты для меня не существуешь; я в глазах твоих — кириллица, названья...». Таким образом, едва ли правильно полагать потребителей соавторами созданного произведения.

Но пойдём дальше. Принимая во внимание ряд статей ГК РФ, устанавливающих оригинальность в качестве условия охраноспособности результатов творческой деятельности, М.А. Федотов высказывает предположение, что «универсальным требованием к результату творческой деятельности может быть признана оригинальность, понимаемая как наличие творческого вклада в создание нового объекта интеллектуальной собственности» [1, с. 64].

Как можно видеть, творческий труд ученый раскрывает через признак «оригинальность», сводимый,

в свою очередь, 1) к творческому труду и 2) к новизне объекта. Кажется, вопрос о новизне как критерии охраноспособности является решенным в доктрине, при этом господствующим мнением отрицается возможность признания новизны признаком произведения, поэтому выдвинутый критерий «оригинальность» опять сводится к творческому характеру труда. Такое раскрытие содержания понятия «творческий труд» на наш взгляд, является спорным.

Подытоживая, М.А. Федотов сформулировал некоторые предварительные итоги.

По его мнению, предлагаемый «концепт общей теории авторства представляет собой следующий шаг в попытке создать алгоритмическую систему правовых понятий, наиболее полно и непротиворечиво описывающих сферу интеллектуальной собственности».

«В качестве правового элемента, который оказывает смысловым связующим звеном во всем многообразии прав, касающихся интеллектуальной собственности, видится институт автора. В отсутствие автора не может возникнуть никакой результат творческой деятельности уже в силу того, что отсутствует субъект такой деятельности. Иными словами, усматривается принципиальная особенность прав интеллектуальной собственности не в самой по себе исключительности этих прав, а в единственном источнике этой исключительности — в авторе» [1, с. 69].

Завершая, нам бы хотелось высказать общее впечатление о статье.

В работе М.А. Федотова, являющейся по своему содержанию многоплановой, мы видим новый шаг, новое собственное слово, которое он не побоялся сказать ученому сообществу. При этом многие положения и тезисы оригинальны и самобытны. Здесь нам вспоминаются слова Генри Торо: «Когда кто-то идет не в ногу, не спеша осуждать его: возможно, он слышит звук другого марша». Поэтому статью можно оценить как творческую удачу ученого. При этом, хотя и считается, что «нет творчества без разрушения» («Гармония контрастов», И. Северянин), ученый не разрушает, а пытается построить современное здание права интеллектуальной собственности.

Как бы высоко мы ни ставили статью, которая по содержащимся в ней свежим и смелым мыслям, по стилю с нотками декадентства видится незаурядной, мы не можем не высказать возникшие на ее счет сомнения. Ведь «есть только один способ избежать критики: ничего не делайте, ничего не говорите и будьте никем» (Аристотель). Нельзя не признать, что даже М.А. Федотов, авторитет которого высок в нашей науке, не смог удовлетворительно ответить на ряд простых вопросов. В некоторых случаях нам не хватило доводов, чтобы согласиться с высказанной им мыслью.

Возможно, мы заблуждаемся, но основная мысль, на которой зиждется предлагаемый ученым концепт общей теории авторства, — все объекты интеллектуальной собственности создаются творческим трудом, и, значит, каждый из объектов имеет автора, — бесспорно, является интересной и смелой, но при этом кажется не вполне обоснованной. Поэтому и построенное на ней здание — концепт общей теории авторства — видится несколько незавершенным. Однако «вещь, несущая в себе определенное несовершенство, привлекает именно своим несовершенством» (Мураками).

У нас нет проникнутого твердым убеждением ответа на этот вопрос, поэтому ожидаем продолжения дискуссии по выдвинутому М.А. Федотовым нетривиальным правовым проблемам права интеллектуальной собственности. Ведь расхождение во взглядах на сущность вещей всегда является точкой развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. № 3. С. 38–75 (DOI: 10.17323/tis.2023.17801).
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 тыс. слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2018.
3. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Юбилейное изд. 1794–1994 / под общей ред. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро. 1994.
4. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: Дис. ... докт. юр. наук. М., 2016.
5. Генис А.В. Правовая охрана внешнего вида изделий: Дис. ... канд. юр. наук. М., 2018.
6. Близнец И.А., Витко В.С. О содержании понятия формы в авторском и патентном праве // Хозяйство и право. 2022. № 3.
7. Гаврилов Э.П. Часть четвертая ГК РФ: пятнадцать лет спустя // Хозяйство и право. 2021. № 8.
8. Близнец И.А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: Дис. ... докт. юр. наук. М., 2003.
9. Пономарева Н.Г., Бунова Д.В. Процедура экспертизы географических указаний в Российской Федерации // ИС. Промышленная собственность. 2023. № 1.
10. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. М.: Юрсервитум, 2015.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О при-

- менении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
12. Гаврилов Э., Гаврилов К. Договоры заказа на создание авторских произведений // Хозяйство и право. 2013. № 3.
 13. Павлова Е.А. Авторское право на произведения изобразительного искусства: Дис. ... канд. юр. наук. М., 1984.
 14. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.: Юридическая лит-ра, 1963.
 15. Гаврилов Э.П. Советское авторское право (Основные положения. Тенденции развития). М.: Наука, 1984.
 16. Зенин И.А. Интеллектуальная собственность России: старые проблемы, новые вызовы // Теоретические основы моделирования унифицированного гражданского законодательства России, Беларуси и Казахстана в рамках ЕАЭС: монография / Л.В. Андреева, В.А. Витушко, Э.П. Гаврилов и др.; под ред. В.П. Павлова. М.: Прометей, 2021.
 17. Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). М.: Статут, 2015.
 18. Валеева Н.Н. Право доступа: в поисках баланса // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 18-19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова; губернатор Пермского края; Пермский государственный национальный исследовательский университет, юридический факультет; Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России»; региональная общественная организация «Пермское землячество»; Семнадцатый арбитражный апелляционный суд; Пермский краевой суд; Арбитражный суд Пермского края; Уполномоченный по правам человека в Пермском крае; Нотариальная палата Пермского края. М.: Статут, 2017.
 19. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 октября 2023 г. № С01-1860/2023 по делу № А05-13204/2022.
 20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 966-О-П «По жалобе гражданина Поспелова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статьи 29 Патентного закона Российской Федерации».
 21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2023 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 1370 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 3 Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Гидробур-Сервис»».
 22. Близнец И.А., Витко В.С. Страсти по материальности нематериальной сущности // Юрист. 2023. № 9.
 23. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2005.
 24. Витко В. О признаках произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 12.
 25. Витко В.С. Конституционный Суд РФ о квалификации результатов интеллектуальной деятельности в качестве объектов авторского права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 12. С. 34–37.
 26. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 октября 2023 г. № С01-1860/2023 по делу № А05-13204/2022.
 27. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М.: ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018.
 28. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 августа 2022 г. № С01-607/2022 по делу № А40-167756/2021.
 29. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева».

REFERENCES

1. Fedotov M.A. Vvedenie v koncept obshchej teorii avtorstva // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 46. No 3. S. 38–75. DOI: 10.17323/tis.2023.17801.
2. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 tis. slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. prof. L.I. Skvortcova. 27-e izd., ispr. M.: Mir i obrazovanie, 2018.
3. Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. Yubilejnoe izd. 1794–1994 / pod obshchej red. A.V. Gulygi. T. 4. M.: Choro, 1994.
4. Matveev A.G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli: Dis. ... dokt. jur. nauk. M., 2016.
5. Genis A.V. Pravovaya ohrana vneshnego vida izdelij: Dis. ... kand. jur. nauk. M., 2018.
6. Bliznec I.A., Vitko V.S. O sodержanii ponyatiya formy v avtorskom i patentnom prave // Hozyajstvo i pravo. 2022. No 3.
7. Gavrilov E.P. Chast' chetvertaya GK RF: pyatnadcat' let spustya // Hozyajstvo i pravo. 2021. No 8.

8. Bliznec I.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: teoretiko — pravovoe issledovanie: Dis. ... dokt. jur. nauk. M., 2003.
9. Ponomareva N.G., Bunova D.V. Procedura ekspertizy geograficheskikh ukazaniy v Rossijskoj Federacii // IS. Promyshlennaya sobstvennost'. 2023. No 1.
10. Gavrilov E.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Obshchie polozheniya. XXI vek. M.: Yurservitum, 2015.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. No 7.
12. Gavrilov E., Gavrilov K. Dogovory zakaza na sozdanie avtorskih proizvedenij // Hozyajstvo i pravo. 2013. No 3.
13. Pavlova E.A. Avtorskoe pravo na proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva: Dis. ... kand. jur. nauk. M., 1984.
14. Ionas V.Ya. Kriterij tvorchestva v avtorskom prave i sudebnoj praktike. M.: YUridicheskaya lit-ra, 1963.
15. Gavrilov E.P. Sovetskoe avtorskoe pravo (Osnovnye polozheniya. Tendencii razvitiya). M.: Nauka, 1984.
16. Zenin I.A. Intellektual'naya sobstvennost' Rossii: starye problemy, novye vyzovy // Teoreticheskie osnovy modelirovaniya unificirovannogo grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossii, Belarusi i Kazahstana v ramkah EAES: Monografiya / L.V. Andreeva, V.A. Vitushko, E.P. Gavrilov i dr.; pod ped. V.P. Pavlova. M.: Prometej, 2021.
17. Zenin I.A. Problemy rossijskogo prava intellektual'noj sobstvennosti (izbrannye trudy). M.: Statut, 2015.
18. Valeeva N.N. Pravo dostupa: v poiskah balansa // Sed'moj Permskij kongress uchenyh-yuristov (Perm', 18-19 noyabrya 2017 g.): sbornik nauchnyh statej / otv. red. V.G. Golubcov, O.A. Kuznecova; gubernator Permskogo kraja; Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, yuridicheskij fakul'tet; Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizaciya "Associaciya yuristov Rossii"; Regional'naya obshchestvennaya organizaciya "Permskoe zemlyachestvo"; Semnadcatyj arbitrazhnyj apellyacionnyj sud; Permskij kraevoj sud; Arbitrazhnyj sud Permskogo kraja; Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Permskom krae; Notarial'naya palata Permskogo kraja. M.: Statut, 2017.
19. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 3 oktyabrya 2023 g. No S01-1860/2023 po delu No A05-13204/2022.
20. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 4 dekabrya 2007 g. No 966-O-P "Po zhalobe grazhdanina Pospelova Aleksandra Leonidovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav otdel'nymi polozheniyami stat'1 29 Patentnogo zakona Rossijskoj Federacii".
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 marta 2023 g. No 10-P "Po delu o provere konstitucionnosti puncta 4 stat'i 1370 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i puncta 3 Pravil vyplaty voznagrazhdeniya za sluzhebnye izobreteniya, sluzhebnye poleznye modeli, sluzhebnye promyshlennye obrazcy v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Gidrobur-Servis"".
22. Bliznec I.A., Vitko V.S. Strasti po material'nosti nematerial'noj sushchnosti // Yurist. 2023. No 9.
23. Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii. Sbornik statej / Issled. centr chastnogo prava. M.: Statut, 2005.
24. Vitko V. O priznakah proizvedeniya // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2016. No 12.
25. Vitko V.S. Konstitucionnyj sud RF o kvalifikacii rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti v kachestve ob"ektov avtorskogo prava // Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava. 2022. No 12. S. 34–37.
26. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 3 oktyabrya 2023 g. No S01-1860/2023 po delu No A05-13204/2022.
27. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. E.A. Pavlova. M.: ICCHP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF. 2018.
28. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 8 avgusta 2022 g. No S01-607/2022 po delu No A40-167756/2021.
29. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 iyunya 2022 g. No 25-P "Po delu o provere konstitucionnosti puncta 3 stat'i 1260 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.E. Mamicheva".

ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ: КОСМОПОЛИТИЗМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА РФ НА ФОНЕ КОЛЛАПСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА COPYRIGHT PROTECTION: THE COSMOPOLITANISM OF RUSSIAN PRIVATE INTERNATIONAL LAW AGAINST THE BACKGROUND OF THE COLLAPSE OF INTERNATIONAL LAW

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ

МГИМО МИД России, Москва, Российская
Федерация,
e.i.kaminskaya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5856-4832>

Ирина Юльевна ШТОДИНА

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация,
dashashtodina96@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0522-5324>

Дарья Дмитриевна ШТОДИНА

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация,
dashashtodina96@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4730-9614>

Информация об авторах

Е.И. Каминская — кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного частного и гражданского
права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России

И.Ю. Штодина — кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права МГИМО МИД России

Д.Д. Штодина — аспирант кафедры международного
права МГИМО МИД России

Аннотация. В статье проанализированы общий право-
вой посыл и специфические особенности действующей
в настоящее время в России системы коллизионного
и материально-правового регулирования отношений по
созданию и использованию авторских произведений.
Рассмотрены механизмы как космополитически направ-

- ленного, так и рестриктивного порядка, закрепленные
- и применимые в российском международном частном
- праве. На этой основе сделаны некоторые прогнозы,
- касающиеся авторско-правовой охраны в сфере отноше-
- ний с иностранным элементом в ситуации свертывания
- международных связей Российской Федерации с ев-
- ропейскими странами и учреждениями. Особое место
- уделено роли концепции прав человека в сохранении
- охраны прав иностранных авторов даже в случае выхода
- России из некоторых международных соглашений.

- **Ключевые слова:** авторское право, международное
- право, международное частное право, коллизионное
- регулирование, конвенции, права человека, националь-
- ное законодательство, произведения, творчество

- **Для цитирования:** Каминская Е.И., Штодина И.Ю.,
- Штодина Д.Д. Охрана авторских прав: космополитизм
- международного частного права РФ на фоне коллапса
- международного права // Труды по интеллектуальной
- собственности (Works on Intellectual Property). 2024.
- Т. 48, № 1. С. 62–73; DOI: 10.17323/tis.2024.19823.

Elena I. KAMINSKAYA

- MGIMO University, Moscow, Russian Federation,
e.i.kaminskaya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5856-4832>

Irina Yu. SHTODINA

- MGIMO University, Moscow, Russian Federation,
dashashtodina96@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0522-5324>

Daria D. SHTODINA

MGIMO University, Moscow, Russian Federation,
dashashtodina96@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4730-9614>

Information about the authors

E.I. Kaminskaya — Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of private international and civil law, MGIMO University

I.Y. Shtodina — Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of international law, MGIMO University

D.D. Shtodina — PhD student of the Department of international law, MGIMO University

Abstract. The article analyzes the general legal message and specific features of the current system of conflict of laws and substantive regulation of relations on creation and use of copyrightable works in Russia. The mechanisms of both cosmopolitan and restrictive order enshrined and applicable in the Russian private international law will be considered. On this basis, some predictions are made concerning copyright protection in the sphere of relations with a foreign element in the situation of curtailing international relations of the Russian Federation with European countries and institutions. A special place is given to the role of the concept of human rights in preserving the protection of foreign authors' rights even in the case of Russia's withdrawal from certain international agreements.

Keywords: copyright law, international law, private international law, conflict of laws, conventions, human rights, national legislation, works, creativity

For citation: Kaminskaya E.I., Shtodina I.Yu., Shtodina D.D. Copyright Protection: the Cosmopolitanism of Russian Private International Law Against the Background of the Collapse of International Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 62–73; DOI: 10.17323/tis.2024.19823.

Ничто не напоминает так мифологию,
как политическая идеология.

К. Леви-Стросс

ВВЕДЕНИЕ

- В ситуации свертывания привычных экономических и культурных связей с западными странами неизбежно встает вопрос о том, как это отразится на функционировании авторского права как одного из ключевых институтов отечественного международного частного права (МЧП). Речь идет о том, насколько в результате политической конфронтации России и Запада могут оказаться затронутыми (а проще сказать — беззащитными) самые естественные проявления человеческого духа только потому, что они исходят не от «своих».

Перечеркнув все усилия по унификации с XIX в., не повернется ли мир в сторону статутной раздробленности, изолированного, автономного действия национальных норм об авторском праве, ничем не преодолимого территориального характера авторского права?

- В представленной статье мы рассматриваем нынешнюю ситуацию не с точки зрения тех шагов, которые уже предприняты или могут быть предприняты в отношении российских правообладателей со стороны иностранных государств, международных организаций и иностранных правообладателей (хотя, как далее будет показано, и принимая их во внимание). Наша основная цель — увидеть «изнутри», какие в данном отношении возможны демарши со стороны России и — главное — какими будут их последствия. И ответ мы будем искать во внутреннем праве России, но непременно с учетом его совокупного действия с международным правом. Не только применительно к внешней политике, но и по отношению к праву верно будет сказанное знаковой фигурой отечественной дипломатии Чрезвычайным и Полномочным Послом в отставке Ю.А. Квицинским: «...Ключ к решению наших проблем на внешней арене ... лежит не где-нибудь, а внутри России» [9, с. 177].

В настоящей статье ставится задача проанализировать очерченную междисциплинарную правовую базу и дать некоторые прогнозы как о ближайшем,

так и более отдаленном будущем того сегмента отечественного авторского права, который распространяет свою сферу на отношения с иностранным элементом.

«Война санкций»

После начала специальной военной операции на территории Украины крупнейшие зарубежные компании Universal, Warner Bros., Sony, Paramount и Disney, а также один из ведущих стриминг-сервисов Netflix приостановили деятельность в России. Вместе с правообладателями ушли и зашифрованные ключи к цифровым копиям фильмов, а значит, и возможность их публичного показа в кинотеатрах. Соответственно объявились сборы кинопроката [17].

В ответ на вполне официальном уровне (со стороны российских парламентариев — в частности, Д.В. Кузнецова, а также сотрудников Администрации Президента РФ и др.) последовал ряд предложений о «легализации через суд принудительного лицензирования» охраняемых зарубежным правом объектов авторского и смежных прав, о так называемом *бесплатном предсеансовом обслуживании* (предварении объявленного показа лицензионного фильма необъявленным показом на том же самом сеансе какого-либо нелицензионного зарубежного блокбастера), о разрешении параллельного импорта нелицензированных аудиовизуальных произведений (в частности, через Республику Беларусь), о введении безоговорочного права российских кинотеатров показывать голливудские фильмы, в прокате которых было отказано, и вообще фильмы студий из недружественных стран [17].

Бывший министр культуры, а ныне председатель российского Военно-исторического общества и помощник Президента РФ В.Р. Мединский на заседании межведомственной комиссии по историческому просвещению посоветовал российским телеканалам для поддержания духа российских граждан в это сложное время просто показывать «хорошее кино», в том числе иностранное, не задумываясь об отсутствии правовых оснований: «Кому сейчас нужны эти авторские права? Люди будут вам признательны» [17]. Весьма показательные проявления правового нигилизма. И вот теперь заявление России о выходе из Совета Европы от 15.03.2022 [7] и, в частности, денонсации Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) от 16.09.2022 [20] заставляет новыми глазами посмотреть на указанный блок внутринационального регулирования, казалось бы, предугадывая его судьбу.

АВТОРСКИЕ ПРАВА КАК ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Начнем с оценки дальнейших перспектив (или, лучше сказать, надежд) на сохранение наиболее общих

международно-правовых основ для охраны и защиты авторских прав иностранцев и апатридов в России, охраны и защиты указанных прав в качестве неотъемлемой составной части понятия «права человека» в международном праве. И надежды на это есть, причем далеко не эфемерные.

Однако вначале следовало бы пояснить, на каком основании следует именно так квалифицировать по российскому праву субъективные авторские права. Проследить совокупное действие факторов, о которых идет речь в настоящей статье, представляется необходимым непременно в контексте действия конституционных положений о правах человека, поскольку такое основание содержится в Конституции РФ. В новой ее редакции оно осталось неизменным [10].

Право на свободу творчества и защиту моральных и материальных интересов — результатов научных, литературных и художественных трудов, автором которых является человек, — представляется одним из значимых прав в международной защите и обеспечении прав человека. Так, право на творчество и охрану его результатов было закреплено в ст. 27 Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) 1948 г. [3], в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [16]. Что касается Декларации прав и свобод человека, она была принята Съездом народных депутатов СССР еще в сентябре 1991 г., и путь к ее принятию был сложен и долог. Что касается Пакта 1966 г., он вступил в силу для СССР в январе 1976 г. и действует в отношении РФ как государства — продолжателя Советского Союза. Являясь участником перечисленных универсальных соглашений и в соответствии с текстом этих документов Россия приняла на себя обязательства по их имплементации в нормы национального законодательства и обеспечению их исполнения на территории страны.

Может ли быть ограничено право человека на творчество? Вопрос этот достаточно дискуссионный. Одна из точек зрения состоит в том, что, как и право «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ [3]», право на творчество не является абсолютным и может подвергаться ограничениям, например, для «удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [3]. Другая точка зрения состоит в том, что право на творчество, по сути, есть часть так называемого божественного права [8], которое абсолютно и независимо от устанавливаемых государством норм и принципов. По сути, такое понимание близко к понятию обязательств «erga omnes», т.е. обязательств, пред-

ставляющихся настолько важными, что в их исполнении заинтересовано все международное сообщество.

Все же понимание «права на творчество» как права, ничем не ограниченного, несколько преувеличено, ведь, как уже было указано выше, государство сохраняет за собой право на некоторые ограничения прав и свобод человека. Вместе с тем очевидно, что в свете принятых на себя универсальных международно-правовых обязательств государства обязуются в максимальной степени содействовать и обеспечивать права человека на творчество и гарантировать право индивида на получение соответствующей оплаты за таковую деятельность. Именно эта точка зрения и нашла отражение, как уже указывалось, в Конституции РФ: свобода художественного, научного, технического творчества и охрана интеллектуальной собственности гарантируются Конституцией в гл. 2 («Права и свободы человека») ст. 44. п. 1 [10].

Отражая основную коллизию авторского права (конфликт интересов авторов и пользователей), в п. 2 той же статьи особо оговаривается право каждого на доступ к культурным ценностям. Эти положения как относящиеся к правам и свободам человека являются, согласно ст. 18 Конституции РФ, нормами непосредственного действия, и судебная защита прав, на них основанных, гарантируется ст. 46 [10].

При этом сфера действия указанных норм в таком их качестве включает в себя не только права, прямо закрепленные в Конституции, но также те, которые устанавливаются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Об этом сказано в п. 1 ст. 17 Конституции РФ [10]. Прямое, непосредственное действие ст. 44 (отражающей основной конфликт интересов в авторском праве) и ст. 46 (посвященной гарантиям при защите прав) Конституции РФ прямо связывает применение норм международного частного права о признании и защите авторских прав с актуальным общеполитическим контекстом.

Признавая права и свободы человека и гражданина, предусмотренные международным правом, Конституция РФ текстуально инкорпорирует в национальную правовую систему многие из них. В данном источнике закреплены не меньшие гарантии прав человека, чем, например, в региональных соглашениях — в основных договорах Совета Европы, конкретно в ЕКПЧ [6]. Такая оценка, в частности, дана Н.И. Марышевой [15]. Те же права и свободы, которые прямо не называются российским законодателем, действуют на основании генеральной трансформации норм международного права в российское право: в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и между-

народные договоры Российской Федерации «являются составной частью ее правовой системы» [10].

ИЗ ВСЕХ ЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ МОЖНО ВЫЙТИ?

Как было отмечено выше, РФ является участником многих универсальных документов в области охраны интеллектуальных прав человека и в соответствии с текстом указанных соглашений принимает на себя обязательства по их имплементации в нормы национального законодательства и обеспечению их исполнения.

Представляется, что дискуссия о необходимости выхода РФ из Всемирной торговой организации (ВТО) наряду со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), имеющей статус одной из основных международных площадок для согласования политики государств, направленной на защиту и охрану авторских прав, начавшаяся в связи с проведением специальной военной операции на Украине и принятием контрмер со стороны США и их союзников, даже если и завершится выходом из упомянутой организации, то не поставит под сомнение приверженность РФ исполнению универсальных соглашений в области защиты и соблюдения прав человека, в том числе в области права на творчество и обеспечения защиты интеллектуальных прав.

Те же соображения применимы и к выходу РФ из Совета Европы и прекращению участия РФ в ряде механизмов Совета Европы — например, в Европейском фонде поддержки совместного кинопроизводства и проката кинематографических и аудиовизуальных работ.

Таким образом, выход из региональных конвенций по защите прав человека никак не влияет на исполнение РФ универсальных соглашений в той же области.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ: НЕПРЕЛОЖНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОХРАНЫ

Итак, конституционные основы защиты авторских прав иностранцев и апатридов в России оказываются неизбежными. Нарушение прав, пусть прямо не перечисленных в Конституции РФ, но вытекающих из действия общепризнанных принципов и норм международного права, а равно отказ в судебной защите этих прав должны рассматриваться как нарушение соответственно п. 1 ст. 17 и ст. 46 Конституции РФ, а также общего принципа гарантии свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности, согласно п. 1 ст. 44.

Эти внешние для отечественного права нормы имеют приоритет в своем действии перед внутренним правом, как ясно определено положениями п. 4 ст. 15 Конституции РФ. Приоритет перед любыми нормами, за исключением лишь самой Конституции РФ. Согласно ст. 22 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [22], решение о согласии на обязательность для России таких международных договоров, положения которых вступают в коллизию с какими-либо положениями Конституции РФ, принимается лишь после соответствующего изменения Конституции РФ, и никак иначе. Что же касается общепризнанных принципов международного права в области защиты прав человека, закрепленных в международных соглашениях, то они — буквально — приобрели наднациональный и вечный характер.

Трудно сказать, было ли именно так задумано законодателем, но фактически возникает, если можно так выразиться, замкнутый круг открытости и доверия: через собственный Основной закон в решении вопроса об авторских правах иностранцев мы неминуемо выходим на общепризнанные принципы и нормы международного права (МП), которые наш же Основной закон обязывает соблюдать. Эти основополагающие принципы будут всегда нас связывать еще и потому, что есть такие международно-правовые обязательства, от которых нельзя освободиться. Никакие обстоятельства политического характера не должны этого изменить.

Это тот краеугольный принцип формирования правового порядка («свободного строя»), о котором говорил И.А. Покровский еще в 1917 г. [18, с. 12–13], — принцип «самоценности человеческой личности», который «повелительно диктует и уважение к другим», приобретает здесь межнациональное измерение.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА: СФЕРА ДЕЙСТВИЯ

Теперь обратимся к гражданско-правовому регулированию и выясним возможности применения конкретных (в основном имущественных) санкций за нарушение авторских прав. Именно эти санкции составляют квинтэссенцию правовой охраны авторских прав.

Речь пойдет, как мы понимаем, не просто о факте признания субъективных правомочий российским правом, но и об объеме предоставляемых их обладателям правовых возможностей и средств их защиты. А выяснять все это предстоит в отношении авторских прав, которые исторически имеют территориальный характер и привязаны к той национальной правовой системе, в которой изначально возникли.

Ответ на эти вопросы могут дать нормы МЧП. Только они могут раздвинуть национальные границы охраны и позволить включить в нее «чужие» права.

МЧП России, сформировавшееся *de lege lata* (с точки зрения действующего закона) не столь давно (приобретая свой современный вид с принятием разд. VI в составе части третьей ГК РФ в 2002 г., а говоря о праве интеллектуальной собственности также с принятием в 2006 г. и введением в действие в 2008 г. части четвертой ГК РФ [4], также содержащей отдельные нормы МЧП), с полным основанием может рассматриваться в качестве форпоста в развитии связей между субъектами, принадлежащими к различным национальным правовым порядкам. Его нормами регулируются те гражданско-правовые отношения, которые осложнены тем или иным иностранным элементом. Он-то как раз и может сейчас стать «красной тряпкой» для национального законодателя, когда в угоду политическим соображениям выбирается путь вытеснения, тотального внесения в черный список всего чужого из сферы охраняемых правом интересов.

Если говорить об отношениях, связанных с созданием и использованием авторских произведений, то в первую очередь это тот их сегмент, в котором в качестве авторов, их контрагентов по договору либо (если имело место внедоговорное причинение вреда) делинквентов или потерпевших выступают иностранцы или апатриды. До сих пор мы обобщенно говорили только об авторских правах «чужих» авторов.

Но «чужим» для национального (в данном случае российского) права является на деле гораздо более широкий круг отношений. Под регулирование норм МЧП попадают также отношения с участием исключительно российских субъектов — в том случае, когда само произведение в его объективном выражении находится за границей, либо за границей имел место иной юридический факт (например, регистрация в случае, когда она требуется), порождающий авторско-правовую охрану.

Как видим, это достаточно обширная сфера отношений, и регулируются они особым образом, отличным от привычного для внутренних отношений гражданско-правового метода. В некоторых случаях здесь применяется российское право, точнее сказать — ориентированные на такие случаи специальные нормы российского права (включая нормы международных соглашений, в которых участвует РФ). А в некоторых случаях российские суды будут применять и *lex extraneae* — право, хотя и иностранного, но того государства, на которое укажет российская коллизионная норма (и укажет в соответствии со своей внутринациональной логикой). Главное в регулирова-

нии нормами МЧП состоит в том, что оно в прямом смысле слова открыто миру. Прямо ли регулируя указанные отношения с помощью материально-правового метода или лишь давая указание через обращение к коллизионному методу о том, право какой страны должно быть в данном случае применено российскими судами, — российское МЧП изначально не закрывается от иных национальных правопорядков. В этом состоит суть МЧП, и принципиальная «закрытость» его не только не представляется возможной, но просто абсурдна, поскольку будет находиться в противоречии с самой целью существования МЧП.

Совокупное действие разнонаправленных коллизионных и материально-правовых норм российского права, закрепленных в том числе в одностороннем порядке, заслуживает пристального внимания.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ АВТОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В МЧП РОССИИ

Пути для преодоления территориального характера авторского права и признания авторско-правовых отношений (да и любых других отношений интеллектуальной собственности), осложненных иностранным элементом, прямо скажем, немногочисленны. Их всего два, и перечень этот является замкнутым.

Из них наиболее распространенным в мировой практике выступает участие в каком-либо международном соглашении (универсальном, региональном, двустороннем), в результате чего данное государство принимает на себя соответствующие международно-договорные обязательства. Реже применяется путь одностороннего признания (с условием взаимности или без такого условия) во внутринациональном праве указанных отношений.

Особенность российского МЧП состоит в том, что второй из названных путей применяется как раз весьма широко и позволяет включить в систему национального признания и урегулирования широкий спектр авторских отношений с иностранным элементом. Рассмотрим подробнее, как это происходит. Но следует заметить, что происходить это будет дифференцированно в зависимости от того, о каких субъективных авторских правомочиях идет речь — имущественных или неимущественных (а если имущественных — то исключительных или нет).

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ («МОРАЛЬНЫХ») ПРАВ

Говоря об основных особенностях института авторского права в российском МЧП, в первую очередь сле-

дует обратить внимание на норму абз. 2 п. 1 ст. 1231 ГК РФ об экстерриториальности действия так называемых моральных, т.е. личных неимущественных прав. Это общая норма, сфера действия которой шире рамок авторского права и охватывает моральные права обладателей и других объектов интеллектуальной собственности.

Благодаря этой норме признание моральных прав за иностранными правообладателями происходит в России автоматически, в силу возникновения этих прав в каком бы то ни было государстве. Что, очевидно, полностью снимает коллизионную проблему.

Более того, в таком же автоматическом порядке признаются и так называемые иные интеллектуальные права. В российском ГК под ними понимаются имущественные по своему характеру, но не исключительные права. В частности, к таким правам относится право следования (предоставляющее автору и его наследникам возможность получения процентных отчислений от маржи при каждой последующей перепродаже произведений изобразительного искусства или автографов литературных и музыкальных произведений).

Такой масштаб экстерриториальности, признаваемой в одностороннем порядке, прекраснодушно и бескорыстно, являет собой далеко не ординарное решение национального законодателя. Казалось бы, подобное решение — в той части, которая касается личных неимущественных прав, — выглядит совершенно естественно и даже выходит за рамки права. Ну нельзя же допустить, чтобы любой мог спокойно приписать себе авторство «Божественной комедии», «Гамлета» или «Фиесты». Или, к примеру, написать продолжение «Ромео и Джульетты» с хорошим концом. Это находилось бы уже за гранью морали, и запрет такого поведения не требует пояснений и правовых обоснований. Да и в чем, собственно, смысл охраны чужих моральных прав? В их уважении? Так это, как говорится, денег не стоит.

Но не будем торопиться, обесценивая такой шаг отечественного законодателя. Конкретным последствием наделения моральных прав свойством экстерриториальности становится предоставление им в России национального режима, согласно абз. 4 п. 1 ст. 2 ГК РФ. А признаваемый в России перечень «моральных» (личных неимущественных) прав, смеем заметить, неизмеримо шире тех правомочий подобного рода, которые признаются за авторами во многих иных правовых системах.

В частности, США настолько не желали признавать (в качестве именно авторских) «моральные права», что и в Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений (основное

универсальное международное соглашение в рассматриваемой сфере) не вступали целый век (!). Авступив, скрепя сердце признали такие правомочия строго по списку ст. 6 bis Конвенции — числом два, и не больше. Да еще свернули, насколько хватило фантазии, сферу их действия (как по времени, так и по кругу объектов). Великобритания предприняла такого же рода рестрикции (не выжидая, правда, так долго).

А в российском праве и набор таких правомочий, и сфера их действия расширяются! То есть мы через экстерриториальность (и распространение на них национального режима) указанные права не только признаем, но фактически санируем и наполняем бóльшим содержанием.

Не будем забывать также о следующем. Несмотря на то что приоритеты в действии личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав по концепции части четвертой ГК РФ существенно поменялись в пользу исключительных¹, за моральными правами сохранилась одна чрезвычайно важная функция. Мы имеем в виду то, как задействовано право авторства в процессе признания имущественной монополии. Но на этом следует отдельно сфокусироваться, поскольку в процессе доказывания будут применяться различно ориентированные и не вполне согласованные между собой правила (что сделает его непростым).

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ АВТОРА

Общий алгоритм доказывания таков. Имущественная монополия (то есть, в терминологии российского законодателя, исключительные авторские права) признается за автором, а автором считается тот, кто в результате творческой деятельности создал произведение (ст. 1257)².

Без установления авторства в процессе доказывания принадлежности исключительных прав, таким образом, никак не обойтись, ибо что такое творческий характер деятельности и творчество вообще? На этот счет Кодекс подсказок не дает. Эту функцию в процессе доказывания право авторства выполняет, и при наличии в отношениях иностранного элемента, действуя экстерриториально. То есть мы это право автоматиче-

ски признаем, в какой бы стране оно ни возникло, и носитель этого права, *скорее всего*, должен признаваться обладателем имущественной монополии.

Должен — но автоматически этот последний вывод именно в данном случае сделан быть не может. В российском МЧП на пути такого, казалось бы, логичного заключения формально стоит двусторонняя коллизионная норма п. 3 ст. 1256 об определении автора. Согласно установленному в ней правилу, автор должен определяться по *lex loci actus*, то есть по праву страны, на территории которой имел место юридический факт, порождающий авторское право на данное произведение.

Иными словами, само право авторства при наличии в отношениях иностранного элемента мы признаем всегда, оно экстерриториально. Но при этом оно оказывается бессубъектным, оно как бы «висит в воздухе» до тех пор, пока не определен его обладатель, а он определяется отнюдь не автоматически!

Такой результат совокупного применения правил об экстерриториальности и о решении коллизионного вопроса, очевидно, абсурден. Во-первых, это сводило бы на нет декларированную в ст. 1231 ГК РФ экстерриториальность и заменяло бы ее действием территориальной привязки *lex loci actus*. А во-вторых, по своей природе право авторства неразрывно связано с личностью автора (так же, как и творчество, которое не может не носить личного характера). Значит, перед нами классический случай расщепления коллизионной привязки (*dépeçage*) — тупик действия норм МЧП. Это в намерения законодателя входить не могло.

Спасает ли положение российское правило о квалификации понятий, содержащихся в коллизионной норме (в данном случае — понятия *lex loci actus* в привязке коллизионной нормы п. 3 ст. 1256 ГК РФ)? По российскому МЧП (ст. 1187 ГК РФ) такая квалификация должна проводиться по *lex fori* (закону страны суда, то есть по российскому праву). Значит, автор будет определяться по праву той страны, где произведение фактически обрело объективную форму. Бесформально, без регистрации или депонирования. Но это будет какая-то одна конкретная страна, а смысл экстерриториальности — в том, что *где бы ни возникло* право, оно признается.

Можно сделать вывод, что в описанной правовой ситуации — ситуации установления авторства с конкретной целью признания исключительных прав — явно коллидируют между собой правила об экстерриториальности моральных прав и об определении авторства. Тем самым создается почва для дезориентации суда в поиске применимого права. Это противоречие желательно было бы устранить.

¹ Так произошли «десакрализация» моральных прав и акцентирование имущественной монополии.

² Есть на этом пути некоторые облегчающие задачу истца презумпции, но не будем их сейчас касаться, поскольку роли права авторства при доказывании они не меняют.

Но в целом, несомненно, следует констатировать если не достаточность, то практическую необходимость доказывания права авторства (важнейшего из моральных прав) на пути получения денежного возмещения за нарушение исключительных прав. Так что одностороннее признание моральных прав на деле оказывается для России далеко не бесплатным удовольствием.

ПРИЗНАНИЕ В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ (МОНОПОЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ) ПРАВ

Если личные неимущественные права иностранных авторов, как мы видели выше, признаются российским правом легко и свободно, то с имущественной монополией таких правообладателей дело обстоит далеко не так просто. Люди старшего поколения прекрасно помнят великолепные по содержанию номера журнала «Иностранная литература» советского времени — Э. Хэмингуэй, Ф. Скотт Фитцджеральд... Конечно, ведь не надо было платить правообладателям — в Бернской конвенции мы тогда не участвовали³...

Итак, имущественная монополия (известная в российском праве как исключительные права) в принципе неэкстерриториальна. Однако те основания, которые для ее признания закрепляет отечественное право, все же достаточно широки — и по сравнению с зарубежными правовыми порядками, и по сравнению с требованиями международных соглашений. В этом смысле российское МЧП вполне можно назвать даже не просто справедливым и сбалансированным, а гостеприимным.

Потому что в одностороннем порядке, без всякого требования взаимности, российским правом (подп. 1 и 2 п. 1 ст. 1256 ГК РФ) признаются исключительные права:

- за российскими авторами (т.е. гражданами РФ) — в отношении всех их произведений, где бы они ни были созданы, или находились в объективной форме, или обнародованы;
- за авторами, не состоящими в гражданстве РФ (т.е. иностранными гражданами и апатридами), — в отношении произведений, находящихся в объективной форме на территории Российской Федерации или здесь обнародованных (в том числе «одновременно», т.е. не позднее 30 дней с момента обнародования на территории какого-либо иностранного государства).

Легко заметить логику российского законодателя. Весьма широкий круг иностранных авторов (ино-

странный элемент здесь — субъект) получает охрану своих произведений средствами авторского права, а авторы — российские граждане — охрану в отношении всех своих произведений (иностранном элементом здесь может быть объект или юридический факт — обнародование или нахождение произведения в объективной форме за пределами Российской Федерации). Как видно, для предоставления охраны требуется лишь одно — чтобы в отношении присутствовал *хотя бы один* «российский элемент». На основании ст. 1256 ГК РФ, отсылающей, в свою очередь, к ст. 2, таким авторам в отношении подобных произведений предоставляется национальный режим охраны.

Комментируя положения ст. 1256 ГК РФ, как правило, ограничиваются нейтральной ремаркой о том, что нормы этой статьи «соответствуют положениям Бернской конвенции», «основаны на положениях Бернской конвенции» (даже если обратиться, что называется, к аутентичным комментариям, написанным исследователями, принимавшими участие в разработке проекта части четвертой ГК РФ [11, с. 385; 12, с. 143]). Однако достаточно будет сравнить текст ст. 1256 ГК с текстом ст. 3 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, чтобы увидеть существенную разницу в сфере их действия.

Бернская конвенция предусматривает признание имущественных прав авторов — *граждан членов Бернского Союза или имеющих там доминиций либо иных авторов в отношении произведений, вышедших в свет впервые (либо одновременно) в одной из стран — членов Бернского Союза* [2, с. 42]. Российское право такого ограничения членством в Бернском Союзе не содержит. На основании критериев, сходных с конвенционными, мы предоставляем охрану *всем*.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ В РОССИИ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ОСНОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Что касается всех тех отношений с иностранным элементом, в которых нет ни единого «российского элемента» (ни гражданства автора, ни места нахождения рукописи, клавира и тому подобной объективной формы выражения, ни места обнародования произведения — то есть никакой «зацепки», позволяющей щедрому в этом отношении российскому праву принять отношения в сферу своей охраны), то для них авторско-правовая охрана исключительных прав будет возможна только на основании международных договоров Российской Федерации.

Как, однако, быть с международно-договорными обязательствами, принятыми на себя Россией в связи с участием в Бернской конвенции об охране литера-

³ Впрочем (если брать приведенные примеры), США тоже (на тот момент).

турных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. в ред. от 28 сентября 1979 г. [1], в Договоре ВОИС по авторскому праву (так называемом интернет-договоре) от 20 декабря 1996 г. [5] в гипотетическом случае выхода России из них? И как быть с обязательствами Российской Федерации перед ВТО в рамках обеспечения реализации положений Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) от 14 апреля 1994 г. [21] в гораздо более реальном (по крайней мере, обсуждаемом) случае? Именно на основании этих обязательств в России охраняются не подпадающие под действие нормы ст. 1256 ГК РФ авторские отношения только с иностранным элементом.

Отвечая на этот вопрос, нельзя не признать, что круг правообладателей соответственно сузится по сравнению с ныне действующим — сузится ровно на число правообладателей, не подпадающих под действие подп. 1 и 2 п. 1 ст. 1256 ГК РФ за отсутствием какого бы то ни было «российского элемента». Однако круг тех иностранных авторов, которые по-прежнему вправе будут претендовать на признание в России своей имущественной монополии, все же будет шире требуемого ст. 3 Бернской конвенции. А объем их имущественных прав, не только адекватный содержанию перечисленных выше соглашений, но и превосходящий их требования, закреплён в национальном законодательстве РФ.

Личные же неимущественные права иностранных авторов неприкосновенны. Их ничто не может затронуть, они экстерриториальны.

В этой связи необходимо упомянуть также о явлении, которое известно среди специалистов в МЧП под названием «радиационный эффект». Это фактическое влияние, оказываемое на отечественное право международными соглашениями. Дело в том, что российскому праву интеллектуальной собственности⁴ свойственно «действие на опережение»: уровень требований и Бернской конвенции, и интернет-договора, и Соглашения ТРИПС мы в основном выдерживали во внутреннем законодательстве задолго до вступления в эти международные соглашения. А в непосредственной близости к присоединению обычно вносили некоторые эффектные поправки в законодательство (в частности, о санкции в виде прекращения действия юридического лица — нарушителя прав интеллектуальной собственности, о беспрецедентном по объёму праве публикатора и т. п.).

Подобная практика о многом говорит. А по факту и в настоящее время, и во многом даже при отсутствии

международно-договорных обязательств отечественное законодательство предоставляет высокий уровень охраны — как по содержанию прав, так и по кругу иностранных правообладателей. И игнорируя авторские права иностранных правообладателей, мы будем не просто игнорировать международные соглашения, мы будем *нарушать собственное законодательство*.

Грань между внутренним правом и международно-договорными нормами настолько тонка, что опасность нарушить свое собственное право, не побоимся сказать, существует всегда. Напомним о весьма показательном п. 5 совместного Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ» [19]. Этот пункт предписывает судам общей юрисдикции учитывать не только положения, унифицированные на международном уровне, но и международные принципы охраны авторских (и смежных) прав. И перечень таких принципов в п. 5 носит, как там оговорено, неисчерпывающий характер.

В самом деле, даже выйдя из Соглашения ТРИПС, нельзя нарушать положения его ст. 7, закрепляющей (единственный пока случай) основную цель системы интеллектуальной собственности: охрана и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу, передаче и распространению технологий к взаимной выгоде производителей и пользователей технических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию и достижению баланса прав и обязательств.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Авторы настоящей статьи исходили в своих рассуждениях из того, что любой правовой институт, не говоря уже о национальной правовой системе в целом, всегда формируется, основываясь в конечном счете на глубоко объективных соображениях. Практически воплотившаяся концепция, пусть складывающаяся в том числе из конъюнктурных соображений, живет далее своей жизнью, придает стабильность существованию и своей цельностью всегда противостоит политическим или экономическим действиям и заявлениям, носящим сиюминутный смысл и во многом зависящим от субъективных представлений людей.

Особенно очевидно это проявляется в такой сфере регулирования, как международное частное право. Это закономерно: ведь МЧП допускает (или даже предписывает) применение иностранного права, а это — не что иное, как «...самоограничение государством своего суверенитета в важнейшей сфере —

⁴ Данная особенность характерна также для российского морского права.

сфере правового регулирования... и, следовательно, основано на мотивах принципиального характера» [14, с. 583].

А раз так, то неудивительно, что коллизионный и материально-правовой блок регулирования авторских отношений с иностранным элементом при детальном анализе неожиданным образом обнаруживает такие свойства внутренней прочности и самодостаточности, которые радикальными внешнеполитическими шагами затронуты быть не могут.

Концепция прав человека, находящаяся в своем нынешнем внешнем выражении на задворках современного «технократического права»⁵ [13, с. 408, 413], очевидно, все же настолько необходима для нормального развития права и обладает такой правовой цельностью, что в критические моменты оказывается способна к автономной самозащите. Она принадлежит к числу тех инструментов, которые помогают праву приобрести — или сохранить — качество «системы согласованных норм, основанных на определенных закономерностях», и способны помешать ему превратиться в «набор разрозненных правил, содержание которых определено только исходя из потребностей конкретной ситуации и профессионализма (или непрофессионализма) конкретного законодателя» [14, с. 394-395].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 08.09.2023).
2. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Комментарий К. Мазуе // Международные конвенции об авторском праве. Комментарий / под ред. Э.П. Гаврилова; вступ. статья М.М. Богуславского. М.: Прогресс, 1982. 423 с.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 а (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // un.org. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.09.2023).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) № 230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1).
5. Договор по авторскому праву ВОИС от 20 декабря 1996 г. // Техэксперт. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956> (дата обращения: 08.09.2023).
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // coe.int. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 08.09.2023).
7. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // МИД России. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 08.09.2023).
8. Ивентьев С.И. Божественные права и свободы человека // Система ценностей современного общества. 2012. С. 136–140.
9. Квицинский Ю.А. Россия — Германия. Воспоминания о будущем. М.: Детектив-Пресс, 2008. 208 с.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.09.2023).
11. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского; вступ. статья В.Ф. Яковлева; Иссл. центр частн. права. М.: Статут, 2008. 715 с.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой (постатейный) / отв. редактор к.ю.н. Л.А. Трахтенгерц. М.: Юридическая фирма «Контракт»; ИНФРА-М, 2009. 812 с.
13. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в областях права: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2011. 768 с.
14. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
15. Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2023. 328 с.
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 а (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) // un.org. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 08.09.2023).
17. Минкультуры отвергло идею ввозить иностранное кино через Белоруссию // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/03/2023/

⁵ Писавший об этом явлении известный конституционалист В.И. Лафитский под «технократическим правом» имел в виду набор сиюминутных конъюнктурных решений, «правовой цинизм», «право мелочной опеки» как явную тенденцию современного права.

- 6402d4869a79471e7bc5f92b (дата обращения: 08.09.2023).
18. Покровский И.А. Этические предпосылки свободного строя. Лекция, прочитанная на курсах для подготовки народных лекторов в Моск. коммерч. ин-те. М.: Культ.-просвет. бюро студентов Моск. коммерч. ин-та, 1917. 16 с.
 19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86879/ (дата обращения: 08.09.2023).
 20. Путин внес в Госдуму проект о денонсации Конвенции о защите прав человека // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773537> (дата обращения: 08.09.2023).
 21. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) от 14 апреля 1994 г. — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 08.09.2023).
 22. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения: 08.09.2023).
 6. Evropejskaya konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod // coe.int. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 08.09.2023).
 7. Zayavlenie MID Rossii o zapuske procedury vyhoda iz Soveta Evropy // MID Rossii. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 08.09.2023).
 8. Iven'ev S.I. Bozhestvennye prava i svobody cheloveka // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2012. S. 136–140.
 9. Kvicinskij Yu.A. Rossiya — Germaniya. Vospominaniya o budushchem. M.: Detektiv-Press, 2008. 208 s.
 10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // “Konsul'tantPlyus”. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.09.2023).
 11. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. A.L. Makovskogo; vstup. st. V.F. Yakovleva; Issl. centr chastn. prava. M.: Statut, 2008. 715 s.
 12. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti chetvertoj (postatejnyj) / otv. red. k.y.n. L.A. Trahtengerc. M.: Yuridicheskaya firma “Kontrakt”; INFRA-M, 2009. 812 s.
 13. Lafitskij V.I. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazah prava: v 2 t. T. 2. M.: Statut, 2011. 768 s.
 14. Makovskij A.L. O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006). M.: Statut, 2010, 736 s.
 15. Marysheva N.I. Semejnye otnosheniya s uchastiem inostrancev: pravovoe regulirovanie v Rossii: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii; Norma; INFRA-M, 2023. 328 s.
 16. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah (prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 g.) // un.org. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 08.09.2023).
 17. Minkul'tury otverglo ideyu vvozit' inostrannoe kino cherez Belorussiyu // RBK. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/03/2023/6402d4869a79471e7bc5f92b (дата обращения: 08.09.2023).
 18. Pokrovskij I.A. Eticheskie predposylki svobodnogo stroya. Lekciya, chitannaya na kursah dlya podgotovki narodnyh lektorov v Mosk. kom. inst. M., 1917. 16 s.

REFERENCES

1. Bernskaya konvenciya VOIS ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij ot 9 sentyabrya 1886 g. // “Konsul'tantPlyus”. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 08.09.2023).
2. Bernskaya konvenciya ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij. Kommentarij K. Mazuje // Mezhdunarodnye konvencii ob avtorskom prave. Kommentarij / pod red. E.P. Gavrilova; vstup. st. M.M. Boguslavskogo. M.: Progress, 1982. 423 s.
3. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 g.) // un.org. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.09.2023).
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) No 230-FZ ot 18.12.2006 (red. ot 30.12.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 25.12.2006. No 52 (ch. 1).
5. Dogovor po avtorskomu pravu VOIS ot 20 dekabrya 1996 g. // Tekhekspert. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956> (дата обращения: 08.09.2023).

19. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF No 5, Plenuma VAS RF No 29 ot 26.03.2009 "O nekotorykh voprosakh, vznikshikh v svyazi s vvedeniem v deystvie chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // "Konsul'tantPlyus". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86879/ (data obrashcheniya: 08.09.2023).
20. Putin vnes v Gosdumu proekt o denonsacii Konvencii o zashchite prav cheloveka // "Kommersant". — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773537> (data obrashcheniya: 08.09.2023).
21. Soglasenie po trgovym aspektam prav intellektual'noj sobstvennosti (TRIPS) ot 14 aprelya 1994 g. — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (data obrashcheniya: 08.09.2023).
22. Federal'nyj zakon "O mezhdunarodnykh dogovorah Rossijskoj Federacii" ot 15.07.1995 No 101-FZ (poslednyaya redakciya) // "Konsul'tantPlyus". — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (data obrashcheniya: 08.09.2023).

О ПРИВИЛЕГИИ ТВОРЧЕСТВА, КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ (И О ВОПРОСАХ, КОТОРЫЕ ИЗ ЭТОГО ВЫТЕКАЮТ) ABOUT THE PRIVILEGE OF CREATIVITY THAT DOESN'T EXIST (AND THE QUESTIONS THAT FOLLOW FROM IT)

Марина Николаевна КОМАШКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
<https://orcid.org/000-0002-5211-0055>

Информация об авторе

М.Н. Комашко — кандидат юридических наук, доцент
Департамента права цифровых технологий и биоправа
факультета права НИУ ВШЭ

Аннотация. Гражданское законодательство России однозначно указывает, что автором результата интеллектуальной деятельности является человек, творческим трудом которого этот результат создан. В международных конвенциях прямого указания нет, но подразумевается то же самое. Другого способа создания произведения законодательные акты не предполагают. Таким образом, за человеком закреплена привилегия творчества.

Когда-то такой подход соответствовал естественно-научным взглядам. Наука считала способность творить свойственной только человеку, это виделось принципиальным отличием человека от животных. Соответственно нормы права строились сообразно этой парадигме.

Однако современные естественные науки признают у животных способности к творчеству. В связи с новыми данными становится все труднее отрицать близкое сходство между человеком и животными, в том числе в области интеллекта и творчества.

В статье демонстрируются конкретные примеры творческих возможностей животных и созданных последними результатов интеллектуальной деятельности. Для большей наглядности автор проводит сравнение отдельных произведений, созданных животными, с произведениями, созданными человеком. Также уделено

- внимание естественно-научным работам, которые помогают лучше понять происходящие в науке перемены.
- Автор приходит к выводу, что жизненные ситуации, рассмотренные в статье, невозможно уложить в существующие правовые формы. В связи с этим перед правом интеллектуальной собственности встает вопрос концептуального выбора дальнейшего пути: будет ли оно развиваться в одном русле с естественными науками; будут ли достижения естественных наук полностью проигнорированы правом или же, возможно, выбор будет сделан в пользу сохранения привилегии человека не на творчество, но на правовую охрану результатов творчества.

- В более широком смысле открытие у животных способностей к творчеству (и исчезновение, вслед за признаком «интеллект», еще одного признака, который, как считалось ранее, отличает человека от прочего животного мира) привносит новые краски в дискуссию о правовом статусе животных. Факт признания за животными не только разума, но и способности созидать требует осмысления юридической наукой и, возможно, является еще одним аргументом в пользу целесообразности признания новых субъектов гражданского права и права в целом.

- **Ключевые слова:** автор, художник, музыкант, танцор, творец, творчество, искусство, произведение, авторское право, интеллектуальная собственность, животное, правовой статус животных, права животных, субъект права

- **Для цитирования:** Комашко М.Н. О привилегии творчества, которой не существует (и о вопросах, которые из этого вытекают) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 74–85; DOI : 10.17323/tis.2024.19824.

Marina N. KOMASHKO

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
<https://orcid.org/000-0002-5211-0055>

Information about the author

M.N. Komashko — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Digital Technologies Law and Bio-Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

Abstract. Russian civil legislation unambiguously says that only a human being (by whose creative work the result of intellectual activity was created) is author of this result. There is no direct indication in international conventions, but the same is implied. The legislative acts do not assume any other way of creation. Thus, the privilege of creativity is reserved for a human being.

This approach was once in line with natural scientific views. Science considered the ability to create to be unique to humans; it was seen as a fundamental distinction between humans and animals. Consequently, the norms of law were constructed in accordance with this paradigm.

However, modern natural science recognises the capacity for creativity in animals. The new evidence makes it increasingly difficult to deny the close similarities between humans and other animals, including in the area of intelligence and creativity.

The article demonstrates specific examples of creative abilities of non-human animals and the results of intellectual activity created by them. For greater clarity, the author compares individual works created by animals with individual works created by humans. Attention is also paid to natural science works, which help to better understand the changes taking place in science.

The author concludes that the life situations discussed in the article cannot be accommodated within the existing legal forms.

In this regard, intellectual property law is faced with the question of conceptual choice of its future path: whether it will develop in the same line with natural sciences; whether the achievements of natural sciences will be completely ignored by law; or, perhaps, the choice will be made in favour of preserving the human privilege not of creativity, but of legal protection of the results of creativity.

In a broader sense, the discovery of the ability to create in animals (and the disappearance, following the attribute of "intelligence", of another attribute that was previously thought to distinguish humans from the rest of the animal world) adds new colours to the discussion on the legal status of animals. The fact that animals are recognised as having not only intelligence, but also the ability to create

- requires reflection by legal science and, perhaps, is one
- more argument "for" the question of the expediency of
- recognising new subjects of civil law and law in whole.

- **Keywords:** author, painter, artist, musician, dancer, creator, creation, creativity, art, art-work, copyright, intellectual property, non-human animals, animal rights, subject of law

- **For citation:** Komashko M.N. About the Privilege of Creativity that doesn't Exist (and the Questions that Follow from it) // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 74–85; DOI: 10.17323/tis.2024.19824

Как известно, последние несколько лет не только в нашей стране, но и во всем мире ведется дискуссия о правовом статусе животных. Важно отметить, что проблематика отношения к животным и их прав обсуждается как юристами, так и представителями других наук: в первую очередь философами (см., например, [1, 2, 3]).

В юридической литературе высказываются различные, чаще противоположные, взгляды. Часть исследователей призывают пересмотреть положение животных и включить их в состав субъектов права. Так, А.П. Анисимов пишет, что «в гражданских кодексах России и заинтересованных в этом стран СНГ должна появиться новая категория субъектов права — “животные”» [4, с. 108]. В другом исследовании он установил, что уже сейчас «в России... права животных объективно существуют и даже закреплены законодательно» [5, с. 183], и провел классификацию принадлежащих животным прав.

П.И. Дойников считает: «Международное фаунистическое право, гуманизируясь, должно эволюционировать в направлении закрепления правосубъектности животных. ... В перспективе субъектами международного фаунистического права должны стать животные либо самые разумные из них. ... Необходимо во всеуслышание заявить, что животный мир является частью окружающей природной среды, как и человек, а значит, является субъектом международного фаунистического права» [6, с. 174].

Польские ученые, биолог А. Эльжановский и теоретик права Т. Петжиковский ратуют за реальную юридическую дереификацию (разовеществление, распредемчивание. — *Авт.*) животных, для которой требуется превращение их «в реальных носителей собственных субъектных прав, охватывающих защиту их базовых интересов (связанных с ограничением до минимума страданий, которые человек может причинить животным во имя реализации собственных потребностей и стремлений)» [7, с. 32].

С.И. Цыганцова тоже высказывается за перемены: «Наиболее целесообразным решением не только этических, но и экологических проблем должно стать изменение правового положения животных» [8, с. 130]. При этом она допускает два варианта превращения животных в субъектов права: наделение их

определенным объемом правоспособности (некоторыми естественными правами, такими как право на жизнь, свободу, безопасность и т.д.) или же введение для них иной категории в пересмотренную доктрину правосубъектности [8, с. 130].

Другая часть исследователей категорически против и ратуют за сохранение статус-кво, полностью отказывая животным в каких-либо правах и признавая их только в качестве объектов права. Например, В.Н. Синельникова и О.А. Хатунцев так оценивают тенденции развития правовой мысли: «Полагаем, что вполне вероятно следующий этап развития законодательства — установление за животными статуса субъекта права, хотя и с некоторыми оговорками. По нашему мнению, реализация такой перспективы не только внесет существенные трудности в правоприменение, но и потребует принципиального изменения концепции субъектов права, а также послужит основанием для введения в действующие правовые системы иррациональных норм» [9, с. 302]. Они предлагают законодателю четко обозначить в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также — ГК РФ), что животные являются лишь объектом гражданских прав [9, с. 306].

Д.Б. Горохов также настаивает на том, что «животные и растения являются не субъектами, а объектами различных правоотношений. Это — аксиома» [10, с. 46]. Примечательно, что этот автор в той же работе признает острой проблему правосубъектности роботов (вещей, полностью изготовленных человеком), но следом отрицает принципиальную возможность наличия прав у живых существ, «божьих тварей», появившихся на Земле много раньше *Homo sapiens* и существующих независимо от него: «Вопрос о правосубъектности животных и тем более растений никак нельзя ставить в один ряд с названными проблемами (*правосубъектности роботов.* — *Авт.*) даже в порядке аналогии, нельзя говорить об их ограниченной правосубъектности или квазиправосубъектности» [10, с. 48].

В.С. Хижняк, хоть и считает, что «необходимо переосмысление норм, регулирующих правовой статус животных», оставляет последних в числе объектов права. Она предлагает предоставить им как разумным существам отдельный статус, отличный от положения неодушевленных вещей, внося соответствующие из-

менения в ст. 137 ГК РФ [11, с. 81]. В чем именно этот отдельный (от неживых вещей) статус должен состоять, автор не уточняет.

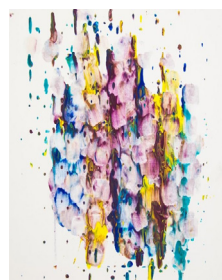
А.И. Петрова считает, что человек уникален и «подлинным субъектом права может быть только человек, обладающий сознанием и волей» [12, с. 11] (что кроме прочего поднимает вопрос о статусе людей, не обладающих еще, уже или в силу заболеваний сознанием и/или волей).

Кроме этих двух полярных позиций, встречается мнение о возможности выделения новой категории — квазисубъектов права. Так, А.А. Головина [13, с. 156] считает: «...В перспективе они (*животные. — Авт.*) также могут встать на некую промежуточную ступень между категориями “объект правоотношений” и “субъект правоотношений”, как и роботы. Однако теоретическая правовая наука до сих пор не определилась с тем, какое же обозначение приемлемо для данного явления, стихийно возникающего и не вписывающегося в прокрустово ложе привычных категорий теории государства и права».

Отмечу, что дискуссия о правах животных ведется в довольно узком ключе: преимущественно обсуждаются права, связанные с жизнью и здоровьем (право на защиту от жестокого обращения и тому подобные).

Но в настоящей работе предлагается затронуть проблему правового статуса животных с другой, более жизнеутраченной и к тому же исключительно практической стороны. Ведь, как писал Людвиг Фейербах, «те сомнения, которые не разрешает теория, разрешит тебе практика» [14].

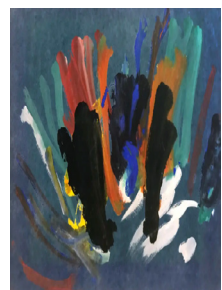
Прежде всего именно для практического погружения в тему посмотрим на эти шесть картин:

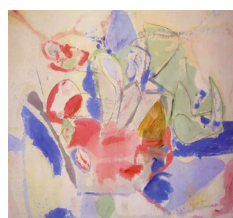
[15]

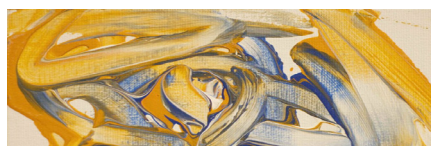
[16]

[17]

[18]

[19]

[20]

Предлагаю уважаемым читателям угадать, не заглядывая в список источников и интернет, какие из этих картин нарисованы животными. Сложно определить, если вы не видели эти работы раньше и не знаете их авторов, не так ли?

На самом деле все проще: все шесть картин созданы животными; если говорить более точно — узконосыми обезьянами. И в этом нет ничего удивительного. Ведь из школьных уроков биологии известно, что человек как биологический вид тоже относится к царству животных, а именно — к парвотряду узконосых обезьян (они же — «обезьяны Старого света») отряда приматов класса млекопитающих [21]. Однако среди этих шести картин есть такие, которые созданы «человеческими обезьянами», а есть те, которые созданы «нечеловеческими обезьянами». И определить, глядя на изображение, видовую принадлежность его автора весьма и весьма затруднительно.

Причем хотелось бы особо подчеркнуть, что «человеческие авторы» представленных здесь работ не просто какие-то люди, а профессиональные художники. Они признанные в мировом арт-сообществе мастера, их вклад в развитие искусства неоспорим, их картины регулярно участвуют в выставках, находятся в музейных и частных коллекциях (см., например, [22–26]). То есть эти картины — не какие-то детские каракули, не случайно разлитая краска при ремонте и не розыгрыш. Это настоящее искусство в полном смысле слова.

Впрочем, остальные животные, чьи картины показаны выше, — тоже знаменитости, и знамениты они именно своими способностями и любовью к рисованию, работе с красками. Их картины (как и работы других нечеловеческих художников) тоже участвуют в выставках и художественных конкурсах, тоже находятся в частных и даже музейных коллекциях [27–30].

Если вы, уважаемые читатели, успели по ссылкам заглянуть в источники, вам уже известно, что на

художественном поприще наиболее яркими успехами отаилились в основном шимпанзе. И это опять же неудивительно: на филогенетическом дереве [21] прекрасно видно, что эволюционные пути человека и шимпанзе разошлись совсем недавно по меркам истории жизни на Земле.

Способность обезьян к созданию изображений изучается довольно давно. Этим занимались на протяжении всего XX в. и продолжают изучать до сих пор, получая все больше эмпирических данных и подтверждений обезьяньих талантов. Впервые [31, с. 24] обратила внимание на способность шимпанзе к рисованию выдающаяся русская исследовательница-биолог Н.Н. Ладыгина-Котс еще до революции 1917 г. [32, 33]. За рубежом изучению художественных талантов приматов большое внимание уделял, в частности, Д. Моррис [34, 35 и др.] в 50-60-х годах XX в. Между прочим, Д. Моррис не только биолог, но и признанный художник. Л.А. Фирсов, изучавший в СССР высшую нервную деятельность и физиологию поведения приматов, позднее также внес большой вклад в исследование графических способностей обезьян [36, 37 и др.]. В настоящее время этим вопросом занимается, в частности, ученица Л.А. Фирсова, русско-чешская исследовательница М.А. Ванчатова [38, 39 и др.].

Достоверно известно, что обезьяны рисуют добровольно, спонтанно и полностью самостоятельно (см. фото).

[40]

М.А. Ванчатова в интервью рассказала об этом так: «...Необходимы разные условия для подобных исследований, в том числе желание самих животных рисовать. Бывает так, что мы приезжаем специально в зоопарк, а им сегодня не хочется творить. Тогда разворачиваемся и уходим» [41].

Таким образом, совершенно очевидно, что созданные изображения являются результатами интеллектуальной деятельности самих обезьян, ведь исследователи-приматологи только создают условия

(предоставляют бумагу и краски), но не вмешиваются в процесс, причем не просто интеллектуальной, но и творческой деятельности.

Однако не только высшие приматы отличаются способностями к творчеству.

Познакомьтесь с кошкой Норой, которая исполняет на рояле мелодии собственного сочинения [42: <https://youtu.be/W6rr4xIJu94?t=10>].

Мелодии незамысловатые, конечно, но вполне приятные.

На этом и других видео, размещенных на сайте, который посвящен творчеству Норы, отлично видно, что кошкой никто не манипулирует. Также очевидно, что появление мелодии — не какая-то случайность: Нора целенаправленно садится за рояль, при этом сначала создает себе подходящую для творчества обстановку (разгоня остальных претендентов на местечко возле инструмента). На видео видно, как осознанно кошка нажимает на клавиши, причем не на какие попало: она выбирает, на какие клавиши нажимать. Может выбрать и более далекие клавиши, до которых не достать просто так, а нужно специально потянуться к ним. Порой даже встает на задние лапы, чтобы достать до интересующих ее клавиш. Кроме того, примечательно, что Нора внимательно слушает музыку, которая у нее получается, и, кажется, даже наслаждается как процессом, так и результатом.

Разумеется, не стоит сравнивать кошачьи мелодии с шедеврами Моцарта и Чайковского. Как нельзя сравнить рисунки обезьян, продемонстрированные выше, с картинами Рембрандта и Айвазовского. Однако в Нориных мелодиях есть своя прелесть, они приятны слуху, легко запоминаются и так же легко узнаются.

Картины, созданные обезьянами, мы сравнивали с современным искусством. Давайте же и мелодии, созданные кошкой, сравним с современной музыкой. Например, с композицией «Дождь по асфальту» (автор не указан) [43].

Думается, что, если бы хозяева Норы присвоили авторство кошачьей музыки себе, никто не заподозрил бы подвоха. Такие складные мелодии вполне могли бы принадлежать руке человека. В статье, посвященной музыкальной кошке и опубликованной в The

Times, даже определили стиль этой музыки: «something halfway between Philip Glass¹ and free jazz» («не-что среднее между стилем Филипа Гласса и фри-джазом») [44].

Поведение Норы не исследовано биологами (по крайней мере, при подготовке данной работы не удалось найти никакой информации на этот счет), но зато на нее обратил внимание литовский музыкант, дирижер и композитор М. Пьечайтис. Он так воодушевился кошачьим творчеством, что взял ее в соавторы (и соисполнители) концерта для камерного оркестра. Концерт состоит из соло Норы (транслируется в виде видеозаписи на большом экране над сценой) и партии камерного оркестра, которую последний исполняет, как положено, на сцене [46: <https://www.youtube.com/watch?v=zeoT66v4EHg>]:

Называется этот результат необычного творческого дуэта CATcerto (Кэтцерто). Премьера CATcerto состоялась в июне 2009 г. в исполнении Клайпедского камерного оркестра (что и запечатлено на видео по ссылке выше). Премьера произвела настоящий фурор, репортаж о ней попал в список самых популярных сюжетов ВВС, обойдя новости о результатах выборов в Европарламент [47]. Затем CATcerto исполнялось еще много раз разными оркестрами в Европе и Америке (не менее 23 раз, в семи странах, в течение, по крайней мере, семи лет) [48]. Кроме живых исполнений любой желающий (не будем принимать во внимание санкции) может послушать запись CATcerto, купив ее на всемирно известных музыкальных платформах: AppleMusic, Spotify, Amazon-Music [46].

Так музыкально одаренная кошка Нора стала всемирной знаменитостью (а вместе с ней, между прочим, прославился и литовский музыкант как композитор). Итак, не только высшие приматы, но и более примитивные млекопитающие удивляют нас своими талантами.

Однако встречаются случаи еще более невероятные: птицы, хотя не являются даже млекопитающими

и вообще ничем (в смысле физиологии) не похожи на человека, оказывается, тоже на многое способны. Попугай Снежок (Snowball), как и Нора, стал мировой знаменитостью благодаря YouTube: он прославился своими танцами [49: https://youtu.be/_N-EMumuHI?t=26].

Сначала попугай просто танцевал под музыку, а хозяйка выкладывала видеозаписи его танцев в интернет, а затем эти видео привлекли внимание биологов и психологов. Так Сноуболл стал объектом научных исследований.

В 2009 г. о танцах Снежка вышло сразу две научных статьи независимых друг от друга авторских коллективов: одна — по результатам работы ученых из Сан-Диего (Институт нейронаук и Университет Калифорнии, США) [50]; другая — от коллектива, в состав которого вошли исследователи из Гарвардского университета, Массачусетского технологического института и Университета Брандейса (Brandeis University, США) [51].

К 2019 г. Снежок настолько преуспел в танцах и так развил свой талант, что ученые еще раз исследовали его движения и опубликовали новую статью [52]. На этот раз в состав авторского коллектива вошел специалист не только в области когнитивных наук, но и в области хореографии, владеющий классическим и современным танцем [52, с. R621], что, безусловно, придает дополнительный вес этой работе.

Как указано в исследованиях, любовь попугая к музыке проявилась спонтанно: хозяева просто заметили, что Сноуболл качает головой под музыку [50, с. 829]; какого-либо обучения, дрессировки птицы со стороны людей не происходило [51, с. 831; 52, с. R621].

Вот как в одной из статей авторы описывают проведение экспериментов: «В этом исследовании не было задействовано никаких тренировок или пищевых вознаграждений: танцы начинались и заканчивались спонтанно, когда включалась и выключалась музыка» [50, с. 829]. Достоверно установлено, что Снежок совершал движения без какой-либо практической цели: не ради продвижения куда-либо, не

¹ Филип Моррис Гласс — американский композитор, один из наиболее влиятельных музыкантов второй половины XX в. [45].

ради еды или другой физической выгоды (например, спаривания). Исходя из отсутствия непосредственной пользы такого поведения, ученые определили эти явно преднамеренные движения как танцевальные и пришли к выводу, что «его танец кажется социальным поведением» [52, с. R621].

Помимо самого факта танца, ученых поразило также разнообразие движений, которые использовал Снежок во время экспериментов. Попугай реагировал на музыку «удивительно разнообразными спонтанными движениями, задействуя различные части тела». Причем важно отметить, что его движения не были предопределены звуковыми особенностями проигрываемой для него мелодии. Таким образом, Снежок демонстрировал гибкость в подборе движений, импровизировал под музыку. Всего исследователи определили в разнообразном репертуаре Снежка, который он продемонстрировал во время экспериментов, 14 танцевальных движений и два комбинированных движения [52, с. R621]. Именно эти движения с пометками ученых записаны на видео по ссылке выше.

Таким образом, ученые установили, что попугай способен к спонтанным и разнообразным танцам под музыку, что это сознательная деятельность птиц, а не повиновение каким-либо рефлексам или инстинктам, и она (деятельность) не обусловлена стремлением получить какую-либо практическую выгоду (вроде еды).

Также в процессе исследований выяснилось, что у Снежка есть любимые мелодии (под которые он танцует охотнее) и что ему важна компания: попугай танцевал дольше и охотнее, если человек танцевал вместе с ним. Эту ситуацию ученые планировали также изучить и описать в новом научном труде [52, с. R621].

Таким образом, способности «нечеловеческих животных» к интеллектуальной деятельности налицо. Творческий характер этой деятельности тоже вполне очевиден. а в случае с обезьянами и попугаями — к тому же изучен и подтвержден биологами и другими учеными. Однако законодательство Российской Федерации строго и однозначно закрепляет привилегию на творческую деятельность исключительно за человеком: только человек может создать результат интеллектуальной деятельности творческим трудом (ст. 1228 ГК РФ).

Вообще, в ГК РФ, конечно, сказано: «автором ... признается гражданин, творческим трудом которого ...», но дело, разумеется, не в наличии российского гражданства: иностранец и даже лицо без гражданства (которым, между прочим, может быть только человек — физическое лицо [53]) будут признаны авторами своих результатов интеллектуальной деятельности. Тем более что в ГК РФ термин «гражданин»

является синонимом термина «физическое лицо» (см., например, п. 2 ст. 1, название гл. 3). А «физическое лицо», согласно словарям, означает правоспособного человека [54, 55].

В Конституции РФ установлено: «...Международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (п. 4 ст. 15 Конституции).

Поэтому обратимся к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (далее также — Бернская конвенция). Она содержит не такую строгую формулировку:

«(1) Охрана, предусмотренная настоящей Конвенцией, применяется:

- (а) к авторам, которые являются гражданами одной из стран Союза, в отношении их произведений, вне зависимости от того, опубликованы они или нет;
- (б) к авторам, которые не являются гражданами одной из стран Союза, в отношении их произведений, впервые опубликованных в одной из этих стран или одновременно в стране, не входящей в Союз, и в стране Союза.
- (2) Авторы, не являющиеся гражданами одной из стран Союза, но имеющие свое обычное местожительство в одной из таких стран, приравниваются для целей настоящей Конвенции к гражданам этой страны» (ст. 3 Бернской конвенции).

«Нечеловеческие животные», творчество которых было рассмотрено выше, несомненно, не являются гражданами ни одной из стран Союза, но все они имеют свое обычное местожительство в странах Союза (и их произведения впервые опубликованы в странах Союза). Исходя из буквального понимания текста Конвенции, на творческие работы, продемонстрированные выше, можно распространить охрану, предусмотренную Бернской конвенцией (а значит, и национальным законодательством). Казалось бы, вопрос решен на законодательном уровне.

Даже жалко, что познания в истории не позволяют всерьез говорить об этом: в 1886 г., когда была принята Бернская конвенция, не все люди были субъектами права, и уж животных, разумеется, никто не мог иметь в виду в норме об авторах.

Необходимо отметить, что антропоцентричность законодательных актов возникла не сама по себе. До совсем недавнего времени наука (в широком смысле этого слова) существовала, как известно, в парадигме превосходства человека над природой, в частности

над животными. Ученые считали, что только люди как биологический вид обладают интеллектом, разумом, а также самосознанием и моралью, а животные лишь подчиняются инстинктам и рефлексам. Такой антропоцентрический подход нашел отражение и в понимании творчества. Даже в современной литературе неизменно подчеркивается, что творчество присуще только человеку (см., например, [56–58]). В соответствии с описанной выше научной парадигмой нормы права во всем мире построены вокруг «его величества человека», а всем, кто не относится к людям, отведена роль объектов. Поэтому неудивительно, что и право на осуществление творческой деятельности даровано только человеку (совсем как средневековая привилегия).

Итак, в силу исторического пути развития науки мы попали в неразрешенное противоречие (и пока его не преодолели) между законодательно закрепленной (либо подразумеваемой) привилегией человека на творчество и реальной жизнью, где животные всю творят (как было показано выше, естественные науки эти факты признают) и результаты их творчества вовлекаются в гражданский оборот (выставляются в музеях, продаются и покупаются, исполняются со сцены и т.д.). Разумеется, при совершении всех этих сделок авторами указывают животных, в полном противоречии с нормами права, в том числе с Бернской конвенцией. А хозяева кошки Норы, например, пошли еще дальше и указали Нору не просто автором и исполнителем, но даже правообладателем [48].

Представляется, что в этой ситуации возникает необходимость концептуального выбора из трех вариантов дальнейшего развития права интеллектуальной собственности:

1) не принимать во внимание достижения других наук и спрятаться от реального мира в башне из слоновой кости [59], прикрывшись легистским позитивизмом [60, с. 10]: если юристы однажды написали в законодательном акте, что автором может быть только человек, значит, так тому и быть до скончания времен;

2) признать, что животные могут творить (привилегии творчества у человека нет), но оставить человеку привилегию правовой охраны результатов творчества. То есть сознательно оставить пласт общественных отношений, возникающих в связи с созданием и использованием результатов творческой деятельности животных, без правового регулирования, за пределами поля зрения права;

3) признать, что животные могут творить и что эти новые (на самом деле, как видно по датам материалов, использованных при подготовке настоящей статьи, не такие уж и новые) общественные отноше-

ния как с самими животными, так и между людьми по поводу творений животных нельзя оставлять «за бортом» правового регулирования, а нужно искать пути включения таких явлений и отношений в правовое поле.

Применительно к дискуссии о правовом статусе животных каждый из приведенных выше вариантов имеет собственные последствия:

- вариант 1 — животные остаются только объектом права, ничего не требуется менять;
- вариант 2 — право видит только само животное (которое может остаться лишь объектом или стать субъектом «естественных прав»), но созданное животным остается безразлично для права (потому с этой точки зрения быть субъектом животному необязательно);
- вариант 3 — возможны различные комбинации предоставленных животным и другим лицам прав (в том числе в сочетании с параллельным сохранением за животными статуса объекта права, что, конечно, требует осмысления общей теорией права), т.е. в случае выбора третьего пути нас ждут определенные перемены не только в праве интеллектуальной собственности и в гражданском праве в целом, но и в теории права. Либо же возможны такие перемены в праве интеллектуальной собственности, которые решат рассмотренную здесь проблему, не затрагивая правовой статус животных.

Вполне возможно, что в процессе научной дискуссии по обозначенным выше вопросам могут появиться и другие варианты сочетания (или разночтений) достижений естественных наук и правовой науки. Как бы то ни было, новые общественные отношения сложились, и какое-то мнение юридического сообщества по их поводу неизбежно придется выработать.

А закончить этот материал хотелось бы цитатой из интервью Миндаугаса Пьечайтиса (композитора, прославившегося благодаря сотрудничеству с кошкой Норой):

«Хотя на первый взгляд может показаться, что это просто шутка, в этом музыкальном произведении я вижу и несколько более глубокий смысл. Через него я хотел напомнить людям, насколько уникальным и неожиданным может быть мир вокруг нас» [47].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевникова М. Человек — животное. Новая парадигма в науке // Человек. 2017. № 4. С. 28–37.
2. Марков Б.В. Права животных в свете философской антропологии // Человек. 2019. Т. 30. № 2. С. 26–41. DOI: 10.31857/S023620070004920-9.

3. Быстров В.Ю. Права животных: религиозно-философское обоснование // *Studia Culturae*. 2019. № 40. С. 28–35.
4. Анисимов А.П. Права животных в российском и зарубежном праве // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 1(133). С. 103–108.
5. Анисимов А.П. Классификация прав животных: дискуссионные вопросы // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2016. № 1(34). С. 183–188.
6. Дойников П.И. О международном фаунистическом праве // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4(220). С. 173–175. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_173.
7. Эльжановский А., Петжиковский Т. Животные как неличностные субъекты права // *Человек*. 2007. № 5. С. 25–37.
8. Цыганцова С.И. Международно-правовая защита животных: проблемы и перспективы // *Московский журнал международного права*. 2021. № 2. С. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>.
9. Синельникова В.Н., Хатунцев О.А. Животные как объекты гражданских прав: актуальные вопросы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки*. 2021. Т. 25. № 1. С. 294–308. DOI: [10.22363/2313-2337-2021-25-1-294-308](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-294-308).
10. Горохов Д.Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 45–78. DOI: [10.17-323/2072-8166.2019.2.45.78](https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.2.45.78).
11. Хижняк В.С. Конституционно-правовая политика в области защиты прав животных в странах Латинской Америки // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. № 2(151). С. 73–81. DOI: [10.24412/2227-7315-2023-2-73-81](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-2-73-81).
12. Петрова А.И. К вопросу об уникальности человека как подлинного субъекта права // *Право и практика*. 2023. № 2. С. 11–19.
13. Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 4. С. 149–157.
14. URL: <https://ru.citaty.net/temy/praktika/> (дата обращения: 03.08.2023).
15. Работа шимпанзе Брента из Центра шимпанзе «Chimp Haven», Луизиана, США. — URL: <https://animalworld.com.ua/news/Shimpanze-otmetili-denezhnyim-prizom-za-napisannuju-im-kartinu> (дата обращения 03.08.2023); <https://www.vesti.ru/article/1901027> (дата обращения: 03.08.2023).
16. Джуди О'Киф. Музыка, розовый и голубой. II. 1918 г. — URL: https://artchive.ru/georgiaokeyeffe/works/377587~Muzyka_rozovyj_i_goluboj_II (дата обращения 03.08.2023).
17. Работа шимпанзе Конго из Лондонского зоопарка, Великобритания. — URL: https://artchive.ru/news/4201~Shimpanze_prozvanij_obe27jan%27im_Pikasso_poluchit_personal%27nuju_vystavku (дата обращения: 03.08.2023).
18. Элен Франкенталер. Горы и море. 1952 г. — URL: <https://mymoneyart.ru/blog/samyie-izvestnye-abstraktnye-kartiny-v-mire/> (дата обращения: 03.08.2023).
19. Работа шимпанзе Бахари из зоопарка Сент-Луис, Миссури, США. — URL: https://yesmagazine.ru/bill/V_Londone_otkrylas_vystavka_zverinyh_kartin (дата обращения: 03.08.2023).
20. Виллем де Кунинг. Северный атлантический свет. 1977 г. — URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/obchestvo-i-lyudi/villem-de-kuning-biografiya-khudozhnika> (дата обращения: 03.08.2023).
21. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B7%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%8B%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%8B (дата обращения: 03.08.2023).
22. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%99%D0%9A%D0%B8%D1%84%D1%84_%D0%94%D0%B6%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 03.08.2023).
23. URL: <https://www.artmaieur.com/ru/magazine/5-istoria-iskusstva/vse-cto-vam-nuzno-znat-o-dzordzii-okif/330892> (дата обращения 03.08.2023).
24. URL: <https://www.frankenthalerfoundation.org/helen/biography> (дата обращения: 03.08.2023).
25. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B5%D0%BC_%D0%B4%D0%B5 (дата обращения: 03.08.2023).
26. URL: http://www.artcyclopedia.com/artists/de_kooning-willem.html (дата обращения: 03.08.2023).
27. URL: <https://people.com/pets/chimp-artists-make-a-colorful-splash-in-a-louisiana-art-exhibit/> (дата обращения: 03.08.2023).
28. URL: <https://people.com/pets/pink-spends-thousands-on-art-painted-by-chimps-ahead-of-miami-art-basel/> (дата обращения: 03.08.2023).
29. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Конго_\(шимпанзе\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Конго_(шимпанзе)) (дата обращения: 03.08.2023).
30. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7546519/Paintings-Congo-chimpanzee-sale-200-000-London-auction-house.html> (дата обращения: 03.08.2023).

31. Зорина З.А., Мандрико Е.В., Смирнова А.А. Значение трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс для развития современных исследований поведения и психики животных (к 125-летию со дня рождения) // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 3. С. 5–30.
32. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%9A%D0%BE%D1%82%D1%81,%D0%9D%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B0_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (дата обращения 03.08.2023).
33. Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М.: Изд-во Государственного Дарвиновского музея, 1935. 798 с.
34. URL: <http://www.desmond-morris.com/biography.php> (дата обращения: 03.08.2023).
35. Morris D. The Biology of Art. London, 1962. 176 p.
36. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2,%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 03.08.2023).
37. Фирсов Л.А., Чиженков А.М. Эволюция интеллекта. СПб.: Астер-Х, 2004. 124 с.
38. URL: <http://ethology.ru/persons/?id=221> (дата обращения 03.08.2023).
39. Vancatova M. Creativity and innovative behaviour in primates on the example of picture-making activity of apes // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Психология. 2008. Т. 2. № 2. С. 50–60.
40. URL: <https://scientificrussia.ru/images/v/2obv-full.jpg> (дата обращения: 03.08.2023).
41. Марина Ванчатова: «Животные — лучшее лекарство от депрессии». — URL: <https://czechtoday.eu/obshhestvo/2013/l-r-232/> (дата обращения: 03.08.2023).
42. URL: <https://youtu.be/W6rr4xIJu94?t=10> (дата обращения 03.08.2023).
43. Дождь по асфальту. — URL: <https://zvukipro.com/music/1130-muzyka-na-pianino-dlja-fona-bez-slov-solo.html> (дата обращения: 03.08.2023).
44. Whitwell T. Microtrends: Piano-Playing Cats // The Times. 03.03.2007.
45. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81,%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF> (дата обращения: 03.08.2023).
46. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zeoT66v4E-Hg> (дата обращения: 03.08.2023).
47. Interview with Mindaugas Piecaitis in the «Klaipėda» daily. Reporter Lina Bieliauskaitė // URL: <https://www.piecaitis.com/catcerto.html> (дата обращения: 03.08.2023).
48. URL: <https://norathepianocat.com/catcerto/> (дата обращения: 03.08.2023).
49. URL: https://youtu.be/_N-EMumuHhI?t=26 (дата обращения: 03.08.2023).
50. Patel A.D., Iversen J.R., Bregman M.R., Schulz I. Experimental Evidence for Synchronization to a Musical Beat in a Nonhuman Animal // Current Biology. 2009. Vol. 19. Issue 10. P. 827–830.
51. Schachner A., Brady T.F., Pepperberg I.M., Hauser M.D. Spontaneous Motor Entrainment to Music in Multiple Vocal Mimicking Species // Current Biology. 2009. Vol. 19. Issue 10. P. 831–836.
52. Jao Keehn R.J., Iversen J.R., Schulz I., Patel A.D. Spontaneity and diversity of movement to music are not uniquely human // Current Biology. 2019. Vol. 29. Issue 13. P. R621–R622.
53. Пункт 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
54. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/12/us207604.htm> (дата обращения: 03.08.2023).
55. Толковый словарь Ожегова. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/99494> (дата обращения: 03.08.2023).
56. Кононенко Ю.И. Большой толковый словарь по культурологии. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/2353/%D0%A2%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 03.08.2023).
57. Быстров В.Ю. Структура и факторы творческого процесса: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1990. 18 с.
58. Яценко Л.В. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. IV. М.: Мысль, 2010. 736 с.
59. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/131/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BD%D1%8F (дата обращения: 03.08.2023).
60. Баранов П.П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 9–15.

REFERENCES

1. Kozhevnikova M. Chelovek — zhivotnoe. Novaya paradigma v nauke // Chelovek. 2017. No 4. S. 28–37.

2. Markov B.V. Prava zivotnykh v svete filosofskoy antropologii // *Chelovek*. 2019. T. 30. No 2. S. 26–41. DOI: 10.31857/S023620070004920-9.
3. Byistrov V.Y. Prava zivotnykh: religiozno-filosofskoe obosnovanie // *Studia Culturae*. 2019. No 40. S. 28–35.
4. Anisimov A.P. Prava zivotnykh v rossiyskom i zarubezhnom prave // *Agrarnoe i zemel'noe parvo*. 2016. No 1(133). S. 103–108.
5. Anisimov A.P. Klassifikatsiya prav zivotnykh: diskussionnye voprosy // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*. 2016. No 1(34). S. 183–188.
6. Doynikov P.I. O mezhdunarodnom faunisticheskom prave // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2023. No 4(220). S. 173–175. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_173.
7. El'zhanovskiy A., Petzhikovskiy T. Zivotnyie kak ne-lichnostnyie sub'ekty prava // *Chelovek*. 2007. No 5. S. 25–37.
8. Tsyigantsova S.I. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita zivotnykh: problemy i perspektivy // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2021. No 2. S. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-122-132>.
9. Sinel'nikova V.N., Khatuntsev O.A. Zivotnyie kak ob'ekty grazhdanskikh prav: aktual'nyie voprosy // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki*. 2021. T. 25. No 1. S. 294–308. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-294-308.
10. Gorokhov D.B. Problemnyiy rezultat otechestvennogo pravotvorchestva: zakonodatel'noe ustanovlenie okhrany "zhizni ili zdorov'ya zivotnykh i rasteniy" // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2019. No 2. S. 45–78. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.45.78.
11. Khizhnyak V.S. Konstitutsionno-pravovaya politika v oblasti zashchity prav zivotnykh v stranakh Latinskoj Ameriki // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2023. No 2(151). S. 73–81. DOI 10.24412/2227-7315-2023-2-73-81.
12. Petrova A.I. K voprosu ob unikalnosti cheloveka kak podlinnogo sub'ekta prava // *Pravo i praktika*. 2023. No 2. S. 11–19.
13. Golovina A.A. Kvazisub'ekty prava v sovremennoy teorii pravootnosheniy: ponyatie i perspektivy razvitiya v XXI v. // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU)*. 2023. No 4. S. 149–157.
14. URL: <https://ru.citaty.net/temy/praktika/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
15. Art by chimpanzee Brent, Chimp Haven, Louiziana, USA. — URL: <https://animalworld.com.ua/news/Shimpanze-otmetili-denezhnym-prizom-za-napisannuju-im-kartinu> (data of the application 3.08.2023); <https://www.vesti.ru/article/1901027> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
16. Georgia Totto O'Keeffe. Music, Pink and Blue No. 2. 1918. — URL: https://artchive.ru/georgiaokeyffe/works/377587~Muzyka_rozovyi_i_goluboi_II (data obrashcheniya: 03.08.2023).
17. Art by chimpanzee Kongo, London Zoo, UK. — URL: https://artchive.ru/news/4201~Shimpanze_prozvannyj_obezyan%27im_Pikasso_poluchit_personal%27nuju_vystavku (data obrashcheniya: 03.08.2023).
18. Helen Frankenthaler. Mountains and Sea. 1952. — URL: <https://mymoneyart.ru/blog/samye-izvestnye-abstraktnye-kartiny-v-mire/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
19. Art by chimpanzee Bahari, St. Louis Zoo, Missouri, USA. — URL: https://yesmagazine.ru/bill/V_Londone_otkrylas_vystavka_zverinyh_kartin (data obrashcheniya: 03.08.2023).
20. Willem de Kooning. The North Atlantic light. 1977. — URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/obchestvo-i-lyudi/villem-de-kuning-biografiya-khudozhnika> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
21. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B7%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%8B%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%8B (data obrashcheniya: 03.08.2023).
22. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%E2%80%99%D0%9A%D0%B8%D1%84%D1%84,_%D0%94%D0%B6%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%8F (data obrashcheniya: 03.08.2023).
23. URL: <https://www.artmajeur.com/ru/magazine/5-istoria-iskusstva-vse-cto-vam-nuzno-znat-o-dzordzii-orkif/330892> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
24. URL: <https://www.frankenthalerfoundation.org/helen/biography> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
25. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3,_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BC_%D0%B4%D0%B5 (data obrashcheniya: 03.08.2023).
26. URL: http://www.artcyclopedia.com/artists/de_kooning_willem.html (data obrashcheniya: 03.08.2023).
27. URL: <https://people.com/pets/chimp-artists-make-a-colorful-splash-in-a-louisiana-art-exhibit/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
28. URL: <https://people.com/pets/pink-spends-thousands-on-art-painted-by-chimps-ahead-of-miami-art-basel/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
29. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Конго_\(шимпанзе\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Конго_(шимпанзе)) (data obrashcheniya: 03.08.2023).

30. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7546519/Paintings-Congo-chimpanzee-sale-200-000-London-auction-house.html> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
31. Zorina Z.A., Mandriko E.V., Smirnova A.A. Znachenie trudov N.N. Ladyiginoy-Kots dlya razvitiya sovremnykh issledovaniy povedeniya i psikhiki zhivotnykh (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) // *Experimental'naya psikhologiya*. 2014. T. 7. No 3. S. 5–30.
32. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D1%8B%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%9A%D0%BE%D1%82%D1%81,%D0%9D%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B0_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (data obrashcheniya: 03.08.2023).
33. Ladyigina-Kots N.N. Ditya shimpanze i ditya cheloveka v ikh instinktakh, emotsiyakh, igrakh, privyichkakh i vyirazitel'nykh dvizheniyakh. M.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Darvinovskogo museya, 1935. 798 s.
34. URL: <http://www.desmond-morris.com/biography.php> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
35. Morris D. *The Biology of Art*. London, 1962. 176 p.
36. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2,%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (data obrashcheniya: 03.08.2023).
37. Firsov L.A., Chizhenkov A.M. *Evolutsiya intellekta*. SPb.: Aster-H, 2004. 124 s.
38. URL: <http://ethology.ru/persons/?id=221> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
39. Vancatova M. Creativity and innovative behaviour in primates on the example of picture-making activity of apes // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 2008. T. 2. № 2. S. 50–60.
40. URL: <https://scientificrussia.ru/images/v/2o6v-full.jpg> (date of the application 03.08.2023).
41. Marina Vancatova: "Zhivotnyie — luchshee lekarstvo ot depressiyi". — URL: <https://czechtoday.eu/obshhestvo/2013/l-r-232/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
42. URL: <https://youtu.be/W6rr4xIJu94?t=10> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
43. Dozhd' po asfal'tu. — URL: <https://zvukipro.com/music/1130-muzyka-na-pianino-dlja-fona-bez-slov-solo.html> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
44. Whitwell T. Microtrends: Piano-Playing Cats // *The Times*. 2007. March, 3rd.
45. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81,%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
46. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zeoT66v4EHg> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
47. Interview with Mindaugas Piecaitis in the "Klaipėda" daily. Reporter Lina Bieliauskaitė. — URL: <https://www.piecaitis.com/catcerto.html> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
48. URL: <https://norathepianocat.com/catcerto/> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
49. URL: https://youtu.be/_N-EMumuHhI?t=26 (data obrashcheniya: 03.08.2023).
50. Patel A.D., Iversen J.R., Bregman M.R., Schulz I. Experimental Evidence for Synchronization to a Musical Beat in a Nonhuman Animal // *Current Biology*. 2009. Vol. 19. Issue 10. P. 827–830.
51. Schachner A., Brady T.F., Pepperberg I.M., Hauser M.D. Spontaneous Motor Entrainment to Music in Multiple Vocal Mimicking Species // *Current Biology*. 2009. Vol. 19. Issue 10. P. 831–836.
52. Jao Keehn R.J., Iversen J.R., Schulz I., Patel A.D. Spontaneity and diversity of movement to music are not uniquely human // *Current Biology*. 2019. Vol. 29. Issue 13. P. R621–R622.
53. P. 1 st. 2 Federal'nogo zakona ot 25 iulya 2002 g. No 115-FZ (red. ot 10 iulya 2023 g.) "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" // SPS "Konsul'tantPlus".
54. Tolkoviy slovar' russkogo yazyika: v 4 t. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/12/us207604.htm> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
55. Tolkoviy slovar' Ozhegova. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/99494> (data obrashcheniya: 03.08.2023).
56. Kononenko Yu.I. Bol'shoy tolkoviy slovar' po kulturologii. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/2353/%D0%A2%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (date obrashcheniya: 03.08.2023).
57. Byistrov V.Yu. *Struktura i faktori tvorcheskogo protsesa: Avtoref. diss. ... kand. filosof. Nauk. L., 1990. 18 s.*
58. Yatsenko L.V. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. IV. M.: Myisl', 2010. 736 s.*
59. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyirazheniy*. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/131/%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BD%D1%8F (data obrashcheniya: 03.08.2023).
60. Baranov P.P. Legistskiy pozitivizm v sovremennoy Ros-sii // *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2015. No 1. S. 9–15.

МОДНЫЙ ПОКАЗ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА FASHION SHOW AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

Ани Маисовна ДАВТЯН

Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения,
annie.davtian@lawsuit.am,
<https://orcid.org/0000-0001-6719-5218>

Информация об авторе

А.М. Давтян — преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процессуального права Российско-Армянского университета, управляющий партнер юридической фирмы Lawsuit

Аннотация. Индустрия моды развивается с неимоверной скоростью, и для того чтобы поддерживать интерес к моде в мире, где ради «перехвата» внимания потребителя работает огромное количество предприятий, индустрия моды превращает дефиле в произведения искусства. Модные показы больше напоминают театральные зрелищные представления, на осуществлении которых работает большая команда специалистов.

С учетом нынешних тенденций модных показов встает вопрос относительно того, может ли модный показ считаться объектом авторского права. В данной статье автор рассматривает правовые вопросы защиты модного показа в качестве объекта авторского права, вопросы «соавторства», а также прав моделей как «исполнителей».

Ключевые слова: авторское право, модный показ, мода, модное право, соавторство, исполнитель

Для цитирования: Давтян А.М. Модный показ как объект авторского права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 86–93; DOI : 10.17323/tis.2024.19825.

Ani M. DAVTYAN

Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia,
annie.davtian@lawsuit.am,
<https://orcid.org/0000-0001-6719-5218>

- **Information about the author**
- A.M. Davtyan — Master of Law, Lecturer at the Department of Civil Law and Civil Procedural Law at the Russian-Armenian University, managing partner of the Lawsuit law firm
-
- **Abstract.** The fashion industry is developing at an incredible speed and in order to maintain interest in fashion in a world where a huge number of enterprises work for the sake of “intercepting” consumer attention, the fashion industry turns fashion shows into works of art. Fashion shows are more like theatrical and spectacular performances, the implementation of which employs a large team of specialists.
- Given the current trends of fashion shows, the question arises as to whether a fashion show can be considered an object of copyright. In this article, the author examines the legal issues of protecting a fashion show as an object of copyright, issues of “co-authorship”, as well as the rights of models as “performers”.
-
- **Keywords:** copyright, fashion show, fashion, fashion law, co-authorship, performer
-
- **For citation:** Davtyan A.M. Fashion Show as an Object of Copyright // Trudy po Intellectuallnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 86–93. DOI: 10.17323/tis.2024.19825.

Модная индустрия вызывает эмоциональный отклик, рождает дискуссии, создает «суету», возможно, вызывает отвращение, но никого не оставляет без эмоций. Многие спорят о том, могут ли создания дизайнеров претендовать на «высокое» звание искусства и на достойное этому званию «вознаграждение» в качестве объектов права интеллектуальной собственности.

Что же из себя представляет искусство моды?

В философском энциклопедическом словаре искусство определяется как одна из форм человеческого сознания, специфический род практически-духовного освоения мира. К искусству относят живопись, музыку, театр, художественную литературу и т.п., поскольку они являются специфическими художественно-образными формами воспроизведения действительности [1].

И пока одни уверены, что дизайнерские решения не имеют шанса на звание произведений искусства, дизайнеры продолжают творить и создавать то, что будоражит сознание.

Некоторые модные дома живут столетиями и имеют свой особенный стиль, на который трудятся десятки дизайнеров и стилистов, чтобы создать нечто особенное в огромном потоке модных изделий.

Однако стоит обратить внимание на то, что модная индустрия — это не только одежда, украшения и аксессуары — значительную часть модной индустрии составляют модные показы. И если раньше модные показы действительно имели целью продемонстрировать одежду, то сегодня цель дизайнеров — захватить внимание аудитории среди огромного количества модных показов на неделях моды.

Дефиле (также показ мод) — демонстрация моделей одежды манекенщицами и манекенщиками в процессе их движения по подиуму [2]. Традиция демонстрировать одежду зародилась в позолоченных парижских балльных залах еще в 1910-х годах. Позднее стараниями Чарльза Уорта, Поля Пуаре и Ива Сен-Лорана презентации вещей на манекенах превратились в пышные шоу с участием моделей [3].

Считается, что отцом дефиле является Чарльз Фредерик Уорт, которого часто называют одним из величайших модельеров XIX в., стоявших в ряду основоположников Haute Couture. Он в середине 1860-х годов

первым ввел в обиход демонстрацию созданной им одежды не на эскизах, а непосредственно на молодых девушках-моделях, которых он называл «sosies» (двойники). Первой моделью, он назначил свою жену — Мари-Августину Верне, которую сейчас называют первой манекенщицей. Благодаря этому приему Уорт завоевал признание у всех клиенток его ателье [4].

Если в традиционном понимании модный показ — это просто демонстрация манекенщицами одежды, то некоторые дизайнеры умудряются создать настоящие шоу, которые напоминают кино или театральные представления. Так почему же мы даем соответствующую защиту кино и театральным представлениям, но лишаем модный показ идентичной правовой охраны?

Первые отклики в истории моды на создание из дефиле действительного шоу было в 1973 г. и получили название «Битва за Версаль». И хоть данное шоу считается первой официальной неделей моды в Париже, оно создало некую конкуренцию среди модельеров, которые так стремились превзойти друг друга, что на шоу Ива Сен-Лорана был представлен лимузин Bugatti, а модный дом Dior установил на подиуме карету в натуральную величину.

Однако если мы начинаем считать модный показ объектом авторского права, то встают многие вопросы. Кто является автором произведения? Следует ли рассматривать моделей как исполнителей либо как соавторов произведения? Есть ли смысл в наделении показа какой-то правовой охраной? Какие могут быть экономические последствия у данных действий?

Пока правоведа и юристы-практики не могут прийти к одной концепции относительно модных показов, Верховный суд Франции успел рассмотреть дело относительно нарушения прав на модный показ.

Культовым в истории «модного права» Франции стало дело *Ashby v Gaulme, Kenzo et Lacroix* [5], в котором Верховный суд Франции в 2008 г. провозгласил модный показ объектом авторских прав. Французской федерацией моды и пятью модными брендами (включая Chanel, Christian Dior и Hermes) был подан иск о нарушении авторских прав к трем фотографам, которые выложили фотографии, а также видеозаписи показов [6].

Фактически Французская федерация моды разработала строгую систему для контроля за использованием фотографий, сделанных во время показов мод. В соответствии с ней лишь фотографам, указанным пресс-организациями, которые согласились со стандартными условиями контракта, разрешалось использовать фотографии, причем только в информационных целях, за исключением любых коммерческих целей. В результате судебных прений суд пришел к выводу о нарушении ответчиками авторских прав в отношении как одежды, так и самих показов.

Отмечу, что судебных дел относительно прав на модный показ не так много, однако это не значит, что противоправных заимствований нет. Модные показы также подвержены копированию недобросовестными конкурентами. Например, представители бренда Alexander Wang в своем канале в Instagram обвинили бренд Philipp Plein в схожести внешнего вида показа, в сходной позиции акробатов, прыгающих вокруг съемочной площадки, выставив два снимка с показа Alexander Wang и Philipp Plein на обозрение подписчикам в популярной социальной сети [7].

Думается, что малое количество судебных дел обусловлено неопределенным статусом модного показа как объекта авторского права.

Представляет интерес рассмотрение вопроса о наличии авторских прав на показ мод в контексте британского права. Закон Соединенного Королевства «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» 1988 г. требует фиксации произведения для обеспечения возможности его правовой защиты. Данная проблема решается с помощью видеозаписи либо фотографий, которые являются частью всех модных показов. Британский закон и прецедентное право в качестве объектов авторского права рассматривают, в частности, «драматические произведения» и «хореографические произведения», устанавливая при этом достаточно низкий порог сложности для признания их таковыми: необходимо, чтобы содержание произведения не было оставлено на волю случая [8]. Учитывая, что модный показ — это определено не тот процесс, который оставлен на волю случая, и по своей природе близок к балету, его вполне можно наделить авторско-правовой охраной по аналогии с хореографическими произведениями.

Можно предположить, что во Франции, Италии, США, Японии и Великобритании должны быть наиболее продвинутые законодательные акты и правоприменительная практика относительно авторских прав на модный показ, поскольку самые масштабные недели мод проводятся именно в этих странах.

Что же представляет собой неделя моды? Неделя моды — это главное событие в индустрии моды, в рам-

ках которого проходят показы коллекций от ведущих дизайнеров и брендов. Она проходит два раза в год — весной и осенью — в модных столицах мира. Недели моды начали проводиться в 1943 г. в Нью-Йорке, когда американские модельеры объединились, чтобы продемонстрировать свои новые коллекции публике и журналистам. С тех пор неделя моды стала важным событием, которое определяет направление моды в следующем сезоне и привлекает внимание к модным трендам.

Наиболее масштабной считается неделя моды в Нью-Йорке, где на протяжении нескольких дней представляют коллекции многих известных брендов. Неделя моды в Париже считается одним из самых престижных мероприятий в индустрии моды. На ней представлены коллекции таких брендов, как Chanel, Dior, Yves Saint Laurent, Hermes, и многих других представителей высокой моды. Неделя моды в Лондоне является домом для некоторых самых известных британских дизайнеров, таких как Burberry, Vivienne Westwood и Alexander McQueen. На неделе моды в Милане, который считается столицей моды, традиционно представляют коллекции такие бренды, как Gucci, Prada, Armani и Versace. Неделя моды в Токио считается одним из самых увлекательных событий в индустрии моды, на ней представляют коллекции японские и международные бренды. В последние годы также набирает популярность неделя моды в Копенгагене. Необходимо отметить, что в Российской Федерации традиционно проходят Московские недели моды, а в Республике Армения летом 2023 г. впервые прошла Ереванская неделя моды.

Расцвет практики модных показов создает большое количество правовых вопросов, на которые законодательство не успевает дать ответы, учитывая цикличность моды и скорость показов. В рамках исследования правовой составляющей модных показов необходимо рассмотреть следующие вопросы.

Статья 1259 ГК РФ содержит открытый перечень объектов авторских прав, фактически представляющий собой перечисление видов произведений (литературных, художественных, музыкальных, хореографических, фотографических и иных), признаваемых российским законодателем в качестве объектов правовой охраны. Еще более детальный перечень содержит ст. 2 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений [9].

Важно, что термин «произведение» законодательством не определен, и юридическая наука не раз пыталась определить его. Так, В.И. Серебровский рассматривал произведения, как «совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами

конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [10]. Исходя из определения В.И. Серебровского, мы вполне можем считать модные показы произведениями.

Для признания результата интеллектуальной деятельности объектом авторских прав необходимо, чтобы он отвечал двум основным критериям охраноспособности (специальные признаки объектов авторских прав) [1, с. 76]. Данными основными критериями как в Российской Федерации, так и в Республике Армения являются критерий творческого труда и выражение произведения в объективной форме. Думается, что модные показы соответствуют обоим установленным критериям.

В ГК РФ театрально-зрелищные представления относятся к категории сложных объектов авторского права. Согласно ст. 1240 ГК РФ, сложный объект включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности [11]. Ю.И. Вахитова считает, что базовая характеристика сложного объекта — это наличие в его внутренней структуре нескольких результатов интеллектуальной деятельности (РИД), представляющих собой единое целое, а на второй план по значимости следует отнести деятельность организатора [12].

Необходимо отметить, что понятие сложного объекта как для армянского права, так и для российского — достаточно новая категория. Представляется, что законодатели обеих стран не определили данное понятие с необходимой полнотой и точностью ни в Гражданском кодексе РФ, ни в армянском законе «Об авторском праве и смежных правах». Однако то, что не определяет законодатель, определяется либо судебной практикой, либо юридической наукой.

По мнению экспертов из Исследовательского центра частного права при Президенте РФ, сложными объектами могут быть признаны только такие объекты, которые, объединяя несколько охраняемых объектов в качестве структурных элементов, образуют не простую совокупность, а именно сложный структурный состав, характеризующийся как некое единое целое, в том числе посредством структурных и функциональных взаимосвязей. По справедливому замечанию А. Юмашева, «результаты интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта не просто комбинируются друг с другом, а включаются в структуру такого объекта, который существует уже как единое целое, а не как совокупность разнородных объектов». Иными словами, отдельные объекты интеллектуальных прав объединены в составе сложного объекта единой целью и направленностью [9, с. 84].

Особенностью сложного объекта также является его многосубъектность, то есть наличие нескольких правообладателей.

Такое определение вполне подходит под суть модного показа, ведь он представляет собой совокупность объектов авторских и смежных прав, которые объединяются и представляются зрителю как единое целое. В том числе потому, что над модными показами работает большое количество креативных команд, а количество правообладателей бывает значительным.

Несмотря на то что в перечне объектов авторского права нет модного показа, его, тем не менее, можно признать таковым, поскольку, во-первых, перечень этот является открытым, а во-вторых, существует объект авторского права, с которым модные показы по своему характеру наиболее близки. Обращаясь к ст. 1240 ГК РФ, Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 19.1 совместного Постановления от 26 марта 2009 г. № 5/29 указали, что под лицом, организовавшим создание сложного объекта, следует понимать лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта. Если применить данное определение к модному показу, то таким лицом может оказаться креативный директор модного дома либо ответственное со стороны модного дома лицо.

Как в российском, так и в армянском праве, театрально-зрелищные представления считаются объектами авторских прав. Модные показы, представляющие собой не просто дефиле, а определенное шоу, примеры которых будут рассмотрены ниже, по сути, идентичны по своей природе театрально-зрелищным представлениям и в том числе в наших правовых системах также должны защищаться авторским правом. Благодаря приравнению или сравнению данных дефиниций правоприменителю будет проще «сориентироваться» в вопросах правовой охраны модного показа.

Обобщая сказанное, отмечу, что модный показ может считаться сложным объектом интеллектуальных прав с учетом того, что часто специально для модных показов пишется музыка, ставятся танцы, не говоря уже о декорациях, одежде, походке манекенщиц и т.д.

Стоит вспомнить некоторые самые яркие модные показы, чтобы цель признания показа объектом авторского права была наиболее ясна, потому что дефиле в своем классическом понимании не имеет деталей театрально-зрелищных представлений и не может требовать определенной авторско-правовой охраны.

12 июля 1998 г. Ив Сен-Лоран устроил легендарный показ с участием 300 моделей, которые дефилировали на стадионе «Стад де Франс» во время финала Чемпионата мира по футболу. Под музыку «Болеро» композитора Мориса Равеля парни и девушки демонстрировали

одежду, созданную дизайнером за 40 лет существования именного бренда Yves Saint Laurent [13].

Шоу YVES SAINT LAURENT, 1998

(<https://www.collater.al/en/yves-saint-laurent-show-stade-france-1998>)

Модный показ Valentino в 2020 г. назвали живым перформансом¹, потому что во время онлайн-показа, который был обусловлен пандемией, на поверхность длинных нарядов были спроецированы изображения пламени, цветов и птиц, которые оживали в игре света.

Шоу Gucci в 2018 г. также вошло в историю как одно из самых необычайных показов в истории модного дефиле.

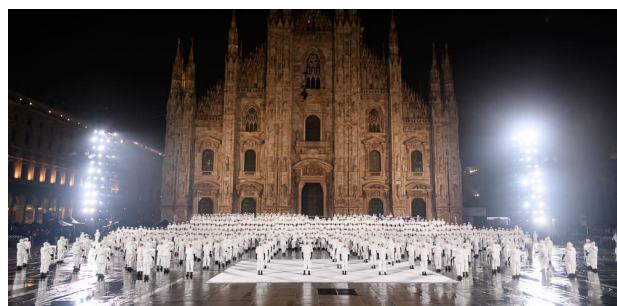
Шоу GUCCI FALL/WINTER 2018

(<https://www.vogue.com/fashion-shows/fall-2018-ready-to-wear/gucci/slideshow/collection#1>)

Для показа данной коллекции Алессандро Микеле превратил штаб-квартиру Gucci в Милане в операционную. Стены были покрашены в светло-зеленый цвет, характерный для больниц, были установлены светодиодные лампы, больничные двери, пластиковые стулья, операционные столы. Помимо этого шоу имело еще одну специфику: модели шли по подиуму, держа в руках точные копии собственных голов, де-

теньшей драконов, игуан и змей, которые являются символами Gucci.

Модный дом Moncler в 2022 г. собрал практически 18 тыс. человек на знаменитой миланской площади Пьяцца-дель-Дуомо, чтобы «отпраздновать» семидесятилетие модного дома. На открытии шоу прима-балерины из балетной труппы Миланского театра Ла Скала, 700 танцоров собрались на главной площади в потрясающем представлении, которое готовилось 22 месяца. В том числе на показе был оркестр, а огромный актерский состав из 1952 человек, двигаясь синхронно, сформировал финальную картину, прежде чем их осыпало конфетти [14].

Moncler Milan fashion week, 2022

(<https://monclerworld.moncler.com/70anniversary/extraordinary-show/>)

Невозможно не отметить один из наиболее свежих показов: на модной неделе весна-лето 2023 г. в показе модного дома Coperni модель Белла Хадид вышла на сцену в обнаженном виде, после чего двое мужчин распыляли по ее телу Fabrisan — спрей из полимеров и натуральных или синтетических волокон, который при контакте с воздухом высыхает и образует нетканое полотно [15]. В итоге через несколько минут на теле Беллы Хадид оказалось платье.

Bella Hadid Closing Coperni Spring 2023 Collection

(<https://www.vogue.co.uk/fashion/article/coperni-ss23>, <https://www.youtube.com/watch?v=Obi65c6XSXw>)

¹ https://www.youtube.com/watch?time_continue=57&v=y3b-VS4DLpul&embeds_referring_euri=https%3A%2F%2Fmcmag.ru%2F&source_ve_path=MjM4NTE&feature=emb_title

Данные примеры демонстрируют, что модные показы давно перестали быть простыми дефиле, где единственной целью является показ одежды на теле манекенщицы, а превратились в полноценные шоу и живые перформансы, которые у многих вызывают интерес и врезаются в память.

Если признать модный показ объектом авторского права, то встанет вопрос о том, кто является автором данного произведения и какую роль в этом произведении играют модели.

Иногда работа распределена на нескольких лиц: архитекторов, сценографов, звукорежиссеров и светотехников, парикмахеров, визажистов, швей и т.д. В таких случаях, если нет договоров относительно отчуждения прав, все перечисленные стороны могут считаться соавторами. Однако бывают ситуации, когда привлекается внешнее лицо, которое координирует весь процесс, в этом случае его правовой статус очень похож на статус режиссера. Но в каждом отдельном случае договорными отношениями можно будет решить вопрос авторства, а в оптимальном случае модные дома должны приобретать имущественные права на свои модные показы.

Необходимо также отметить особую роль креативного директора модного дома, потому что в большинстве случаев именно креативный директор «дирижирует» всем процессом, и зачастую ему принадлежат все идеи, которые осуществляются на модном показе. В данном случае креативный директор работает с модным домом по трудовому договору и, скорее всего, все созданное им будет служебным произведением, имущественные права перейдут к модному дому.

Думается, что во избежание каких-либо проблем модным домам необходимо тщательно регулировать данные вопросы до модных показов, а в лучших случаях иметь политику интеллектуальной собственности и договоры с каждым лицом, которое осуществляет деятельность по созданию модного показа.

Что касается моделей, то, по сути, без них модные показы не могут существовать, и они вносят огромный вклад в их создание. Могут ли модели наравне с актерами считаться исполнителями?

Согласно ст. 3 Римской конвенции, «исполнители означают актеров, певцов, музыкантов, танцоров или других лиц, которые играют роль, поют, читают, декламируют, исполняют или каким-либо иным образом участвуют в исполнении литературных или художественных произведений [16]».

Исполнение — это представление произведения посредством игры, декламации, пения, танца в живом исполнении. ГК РФ относит к данному объекту интеллектуальных прав исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, постановки режиссеров-по-

ставщиков спектаклей. Более обширный перечень исполнителей определен международными нормами. Как объект смежных прав исполнение возникает только после окончания самого процесса исполнения и только при условии, что оно получает объективную форму, обеспечивающую возможность воспроизведения и распространения такого исполнения с помощью технических средств [1, с. 103].

Если мы считаем модные показы художественными произведениями и защищаем их нормами авторского права, это значит, что по смыслу Римской конвенции модели могут считаться исполнителями. Что это может дать моделям и имеет ли смысл наделять их какими-то правами?

Предоставление прав исполнителям моделям будет значительным шагом вперед, потому что, во-первых, модели получают в том числе возможность защищать свои неимущественные права. Модели смогут коммерциализировать свою «походку», в том числе, возможно, будут созданы организации по коллективному управлению. Кроме того, если из модных показов будут сделаны документальные фильмы либо модные показы будут каким-то иным способом коммерциализированы, модели смогут получить соответствующий гонорар. Возможно, такие нововведения приведут к тому, что будут отбирать наиболее профессиональных моделей. И если в международных модных показах преимущественно участвуют профессиональные модели, то в Республике Армения в связи с небольшим количеством дефиле и только-только зарождающейся традицией модных недель количество профессиональных моделей небольшое, а придание моделям статуса исполнителей может стимулировать рост числа профессионалов на подиумах, в том числе может стимулировать организацию оригинальных модных показов, а не просто хождение по подиуму.

Существует мнение, что, например, фотомодели не относятся к категории исполнителей. Указание на то, что исполнитель участвует в создании исполнения произведения литературы, искусства или народного творчества, позволяет отграничить деятельность исполнителя от деятельности иных лиц, осуществляющих похожую деятельность: спортсменов, фотомоделей и т.д. Если действия лица определяются лишь его ситуативными решениями, но не имеют в своей основе определенного произведения, то это не должно признаваться исполнением и получать охрану в рамках части четвертой ГК РФ [17]. Однако в случаях модных показов, которые были приведены выше, в основе действий манекенщиц всегда имело место определенное «произведение», частью исполнения которого они являлись.

В целом, в развитых странах нематериальные активы, такие как знания, информация, творчество

и изобретательство, стремительно вытесняют традиционные и материальные активы, такие как земля, труд и капитал. Интеллектуальная собственность действительно стала сегодня движущей силой, обеспечивающей здоровье экономики и общественное благосостояние [18]. В создавшейся ситуации модная индустрия, обладающая колоссальным творческим потенциалом, должна получить соответствующую правовую охрану. Если данная отрасль креативных индустрий не получит соответствующую правовую охрану и защиту, не сможет функционировать в общем контексте интеллектуальной собственности, то ее экономическая эффективность и рост будут ниже ожидаемых. Создателям модных показов нужны правовые механизмы защиты их имущественных и нематериальных прав: в противном случае они не смогут компенсировать свои издержки и монетизировать результаты своего творчества.

Обобщая сказанное выше, подчеркнем, что модная индустрия является многомиллионным бизнесом, а модные показы — составляющим звеном данного бизнеса. Предоставление авторско-правовой охраны модному показу как сложному объекту позволит дизайнерам одежды и модным домам не опасаться плагиата или контрафакта, создавать модные шоу настолько креативными, насколько они могут себе это позволить, а модели получают возможность коммерциализировать свою деятельность. Модная индустрия является важным драйвером для ВВП многих стран, а значит, должна правовая охрана создаваемых в этой сфере объектов интеллектуальной собственности крайне необходима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Право интеллектуальной собственности: учебник. Т. 2 / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 365 с.
2. Дефиле // Википедия [сайт] (дата обращения: 29.01.2023).
3. Зак Эмили. Краткая история модных показов // Vogue [сайт] (дата обращения: 29.01.2023).
4. История показов мод. История высокой моды. — URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3347854-article-istoriya-pokazov-mod-istoki-vysokoj-mody> (дата обращения: 21.05.2023).
5. Cour de cassation, criminelle, Chambre criminelle, 5 février 2008, 07-81.387, Publié au bulletin. // Legifrance [сайт] (дата обращения: 29.01.2023).
6. Hudoc [сайт]. — URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-115845%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-115845%22]}) (дата обращения: 29.01.2023).
7. Василишина П. Модный показ как объект авторского права. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41707829>. 2020

8. Norowzian v Arks Ltd (No 2) [2000] EMLR 67; The Ukulele Orchestra of Great Britain v Erwin Clausen and another (t/a the United Kingdom Ukulele Orchestra) [2015] EWHC 1772 (IPEC); Banner Universal Motion Pictures Ltd v Endemol Shine Group Ltd [2017] EWHC 2600 (Ch); Green v Broadcasting Corp of New Zealand [1989] RPC 469, applied in Robin George Le Strange Meakin v British Broadcasting Corporation and others [2010] EWHC 2065 (Ch) paras 29–31 (Arnold J).
9. Право интеллектуальной собственности: учебник. Т. 1 / Под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 510 с.
10. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М. Изд-во АН СССР, 1956. С. 32.
11. Авторское право в театральных постановках // NRIS [сайт]. — URL: <https://nris.ru/blog/avtorskoe-pravo-v-teatralnyh-postanovkah/> (дата обращения: 30.01.2023).
12. Вахитова Ю.И. Анализ сложного объекта интеллектуальных прав на примере театрально-зрелищного представления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 41–48.
13. 11 необычных модных показов. — URL: <https://mc-mag.ru/samy-e-neobychnye-modnye-pokazy/> (дата обращения: 21.05.2023).
14. Moncler Shuts Down Central Milan in a Fashion Week Spectacle to End All Fashion Week Spectacles. — URL: <https://graziomagazine.com/articles/moncler-70th-anniversary-duomo-milan/> (дата обращения: 21.05.2023).
15. Беллу Хадид одели в «жидкое» платье прямо на подиуме. — URL: <https://droider.ru/post/bellu-hadid-odeli-v-zhidkoe-plate-pryamo-na-podiume-03-10-2022/> (дата обращения: 21.05.2023).
16. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // WIPO lex [сайт]. — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/rome/trt_rome_001ru.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
17. Комментарий к части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 928 с.
18. Kamil Idris. Intellectual Property — A Power Tool for Economic Growth, 2003. — URL: http://www.wipo.int/about-wipo/en/dgo/wipo_pub_888/index_wipo_pub_888.html

REFERENCES

1. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: uchebnik. T. 2 / pod red. L.A. Novoselovoy. M.: Statut, 2017. 365 s.
2. Defile // Vikipediya [sajt]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D>

- 1%84%D0%B8%D0%BB%D0%B5_(%D0%B-C%D0%BE%D0%B4%D0%B0) (data obrashcheniya: 29.01.2023).
3. *Emili Zak*. Kratkaya istoriya modnyh pokazov // Vogue [sajt]. — URL: (data brashcheniya: 29.01.2023).
4. Istoriya pokazov mod. Istoriya vysokoy mody. — URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3347854-article-istoriya-pokazov-mod-istoki-vysokoy-mody> (data obrashcheniya: 21.05.2023).
5. Cour de cassation, criminelle, Chambre criminelle, 5 février 2008, 07-81.387, Publié au bulletin // Legifrance [sajit] (data obrashcheniya: 29.01.2023).
6. Hudoc [sajit]. — URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-115845%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-115845%22]}) (data obrashcheniya: 29.01.2023).
7. *Vasilishina P.* Modnyj pokaz kak ob"ekt avtorskogo prava. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41707829>. 2020.
8. *Norowzian v Arks Ltd (No 2) [2000] EMLR 67; The Ukulele Orchestra of Great Britain v Erwin Clausen and another (t/a the United Kingdom Ukulele Orchestra) [2015] EWHC 1772 (IPEC); Banner Universal Motion Pictures Ltd v Endemol Shine Group Ltd [2017] EWHC 2600 (Ch); Green v Broadcasting Corp of New Zealand [1989] RPC 469, applied in Robin George Le Strange Meakin v British Broadcasting Corporation and others [2010] EWHC 2065 (Ch) paras 29–31 (Arnold J).*
9. Pravo intellektual'noj sobstvennosti (uchebnik) T. 1 / pod red. L.A. Novoselovoy. M.: Statut, 2017. 510 s.
10. *Serebrovskij V.I.* Voprosy sovetskogo avtorskogo prava. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. S. 32.
11. *Avtorskoe pravo v teatral'nyh postanovkah* // NRIS [sajit]. — URL: <https://nrir.ru/blog/avtorskoe-pravo-v-teatralnyh-postanovkah/> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
12. *Vahitova Yu.I.* Analiz slozhnogo ob"ekta intellektual'nyh prav na primere teatral'no-zrelischnogo predstavleniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2015. No 2. S. 41–48.
13. 11 Neobychnykh modnyh pokazov. — URL: <https://mcmag.ru/samye-neobychnye-modnye-pokazy/> (data obrashcheniya: 21.05.2023).
14. *Moncler Shuts Down Central Milan in a Fashion Week Spectacle to End All Fashion Week Spectacles.* — URL: <https://graziomagazine.com/articles/moncler-70th-anniversary-duomo-milan/> (data obrashcheniya: 21.05.2023).
15. *Bellu Hadid Odeli v "Zhidkoe" Plat'e Pryamo na Podiume.* — URL: <https://droider.ru/post/bellu-hadid-odeli-v-zhidkoe-plate-pryamo-na-podiume-03-10-2022/> (data obrashcheniya: 21.05.2023).
16. Mezhdunarodnaya Konvenciya ob Ochrane Prav Ispolnitelej, Izgotovitelej Fonogramm i Veshchatel'nyh Organizacij (Rim, 26 oktyabrya 1961 g.). Tekst: elektronnyj // WIPO lex [sajit]. — URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/rome/trt_rome_001ru.pdf (data obrashcheniya: 30.01.2023).
17. Kommentarij k chasti chetvertoj grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. M.: ICCHP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018. 928 s.
18. *Kamil Idris.* Intellectual Property — A Power Tool for Economic Growth, 2003 g. — URL: http://www.wipo.int/about-wipo/en/dgo/wipo_pub_888/index_wipo_pub_888.html

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЛИЦЕНЗИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ К MMORPG

LEGAL ANALYSIS OF MMORPG LICENSE AGREEMENTS

Максим Олегович ЗВЕРЕВ

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), Москва, Российская Федерация,
astrolamb4@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-1183-7653

Информация об авторе

М.О. Зверев — аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС)

Аннотация. Статья посвящена отдельным положениям в лицензионных соглашениях различных широко известных массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (MMORPG), таких как Linage 2 (тип игры free-to-play) и World of Warcraft (тип игры pay-to-play), а также более поздней Axie Infinity (тип игры play-to-earn). Положения лицензионных соглашений к компьютерным играм являются ярким примером некорректных и зачастую не имеющих законной силы условий. Стремясь получить доступ к игре, игроки беспрекословно принимают их и, не зная о своих правах или стремясь избежать дорогостоящих судебных разбирательств, редко оспаривают. В этой связи, а также в связи с ценностью игровой индустрии для международной экономики в статье произведен правовой анализ некоторых положений лицензионных соглашений указанных компьютерных игр.

Ключевые слова: компьютерная игра, лицензионное соглашение, лицензия, авторское право, пользователь, MMORPG

Для цитирования: Зверев М.О. Правовой анализ лицензионных соглашений к MMORPG // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 94–104; DOI: 10.17323/tis.2024.19826.

• Maxim O. ZVEREV

- Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS),
- Moscow, Russian Federation,
- astrolamb4@gmail.com,
- ORCID: 0000-0002-1183-7653

• Information about the author

- M.O. Zverev — postgraduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)

- **Abstract.** The article is devoted to certain provisions in the license agreements of various well-known MMORPGs such as: Linage 2 (free-to-play game type) and World of Warcraft (pay-to-play game type), as well as the later Axie Infinity (play-to-earn game type). The provisions of the license agreements for computer games are a vivid example of incorrect and, often, unenforceable conditions. In an effort to gain access to the game, players unquestioningly accept them and, unaware of their rights or seeking to avoid costly litigation, rarely challenge them. In this regard, and also taking into account the value of the gaming industry for the international economy, the article provides a legal analysis of some provisions of the license agreements of these computer games.

- **Keywords:** computer game; license agreement; license; copyright; user; MMORPG

For citation: Zverev M.O. Legal Analysis of MMORPG

- License Agreements // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 94–104. DOI: 10.17323/tis.2024.19826.

ВВЕДЕНИЕ

Многие лицензионные соглашения (EULA), прилагаемые к онлайн-продуктам и услугам, содержат положения и условия, которые в случае оспаривания вряд ли будут иметь юридическую силу [1]. Например, в зависимости от юрисдикции суд может установить, что положения о штрафах и исключениях ответственности не были надлежащим образом раскрыты потребителям [2], в то время как содержание других условий, несмотря на надлежащее предварительное раскрытие, может быть признано недобросовестным или противоречащим закону. В свою очередь, владельцы онлайн-продуктов, как правило, полагаются на устойчивое пассивное поведение потребителей, выражающееся в нежелании защищать свои права в судебном или административном порядке [3]. В этой связи плохо составленные лицензионные соглашения стали нормой, и, поскольку большинство игроков принимают лицензионное соглашение «как есть» и редко оспаривают условия, сложившуюся ситуацию можно описать следующим образом: «изменение законов без прохождения какого-либо законодательного процесса» [4].

Сегодня на рынке представлено множество различных жанров и поджанров компьютерных игр, но фокус исследования будет направлен на лицензионные соглашения некоторых типов массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (MMORPG). К таким играм относятся pay-to-play (P2P): World of Warcraft, The Lord of Rings, Heart of stone; free-to-play (F2P): Aion, RF online, Linage 2; play-to-earn (P2E); Axie Infinity, Alien Worlds, Splinterlands. Правовой интерес к предложенным играм обусловлен несколькими факторами: во-первых, широкий охват пользовательской аудитории, во-вторых, сложившиеся внутри игр экономические отношения (наличие внутриигрового рынка товаров и услуг за реальные деньги) при отсутствии правового (государственного) регулирования, в-третьих, наличие спорных (с правовой точки зрения) лицензионных соглашений, которые де-факто навязываются пользователям под угрозой отказа в доступе к игре, в-четвертых, отсутствие (на любом уровне) унифицированных правил и ограничений при составлении лицензионных соглашений.

Для анализа лицензионных соглашений необходимо определить конкретные игры для разбора их локальной нормативной базы. Выбор будет обусловлен популярностью конкретной игры (и, следовательно, охватом ее аудитории). В типе P2P это World of Warcraft [5], F2P — Linage 2 [6], P2E — Axie Infinity [7]. World of Warcraft является одним из первых представителей компьютерных игр этого типа, она создана в 2004 г. При этом благодаря разработчикам и удачной рекламной кампании World of Warcraft не теряет популярности и сегодня, согласно отчету Activision Blizzard [8], количество активных пользователей за сентябрь 2023 г. составило 1 млн 230 тыс. Согласно отчету экспертов mmostats, охват пользовательской аудитории Linage 2 составляет 250 тыс. пользователей [9], а ежедневная пользовательская аудитория Axie Infinity — примерно 1 млн человек [10].

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О MMORPG

Определяющие характеристики MMORPG — то, что действие в них разворачивается в вымышленном или «основанном на фантазии» [11] мире, где действуют много игроков, и у них нет установленной конечной цели [12]. MMORPG требует от своих пользователей принять виртуальную личность, или аватар, и «выполнять определенные задания и испытания, чтобы прогрессировать в игровом мире» [13]. MMORPG предназначены для того, чтобы побудить пользователей подписаться на игру на постоянный и неопределенный срок. Срок «жизни» MMORPG ограничен только желанием и творческой способностью разработчиков загружать новый контент, миссии и функционал в игру для поддержания популярности и высокого «онлайна» [13].

В MMORPG часто можно играть бесплатно, но, тем не менее, их игроки должны принять условия лицензионного соглашения, прежде чем им будет предоставлен доступ. Бизнес-модель «free-to-play» предполагает продажу виртуальных товаров и услуг, которые становятся необходимыми или желанными для игрока по мере того, как он все более эмоционально вовлекается в игру и стремится достичь различных ее уровней. Как только доступ к игре будет предоставлен,

игрокам необходимо принять или создать аватар, который может взаимодействовать с аватарами других игроков, а также конкурировать с ними [14]. Во многих играх пользователи также соревнуются за обладание предметами виртуальной «собственности» [15]. Виртуальная собственность состоит из компьютерного кода, который, как часто утверждают разработчики, является их интеллектуальной собственностью (утверждение несколько спорное) [16].

Иной способ монетизации — pay-to-play, доступ пользователям предоставляется на платной основе (по ежемесячной/ежеквартальной подписке) либо на основании покупки копии игры. В данном случае основная цель производителя игры сводится к поддержанию популярности проекта¹ для получения максимальных сборов с подписок. Однако, в отличие от первого случая, в процессе игры финансовая нагрузка на пользователей ниже.

Play-to-earn — третий способ монетизации MMORPG. Данный способ существенно отличается от других типов игр. В нем пользователи сначала обязаны приобрести за криптовалюту проекта NFT² и с их помощью начать взаимодействовать с другими пользователями для получения собственной прибыли. Доходы создателей игры в данном случае зависят от нескольких факторов: популярности игры, биржевого курса криптовалюты игры, количества и сумм сделок купли-продажи NFT, так как их основной заработок — это процент (от 25 до 50) от общей суммы совершенных операций по купле-продаже NFT игры.

Целями лицензионного соглашения (варианты которого прилагаются к большинству цифровых продуктов) являются поддержка бизнес-модели правообладателя и защита его авторских прав. По сути, лицензионное соглашение к игре — это способ защиты авторских прав владельца игры путем навязывания пользователям заведомо обременительных условий под угрозой отказа в доступе к игре. Отметим некоторые особенности лицензионных соглашений, присущих игровой индустрии. Во-первых, лицензионное соглашение — это не лицензия, обязывающая владельца авторских прав совершать определенные действия; скорее она обязывает пользователя произведения, защищенного авторским правом [17]. Во-вторых, лицензионное соглашение обычно включает в себя множество условий, которые не относятся

к авторскому праву на произведение, но вместо этого подпадают под принципы договорного права и законодательства о защите прав потребителей.

В отличие от других видов лицензионных соглашений на использование некоторых продуктов в режиме онлайн, лицензионные соглашения, прилагаемые к компьютерным играм, как правило, очень похожи друг на друга, независимо от страны, в которой проводится та или иная игра. Например, «условия предоставления услуг» Webzen, корейского правообладателя R2 Online [18], аналогичны условиям Aion [19], которым владеет российская компания Inpova, в то время как лицензионные соглашения более поздней американской MMORPG Path of Exile [20] аналогичны лицензионному соглашению Runescape. Наиболее вероятная причина такого международного распространения лицензионных соглашений заключается в том, что они были скопированы с лицензионных соглашений других игр или созданы с использованием шаблонов, представленных на онлайн-форумах без тщательного юридического анализа [21].

Поскольку единственный зарегистрированный случай, когда правообладатель игры подал в суд на пользователя за нарушение условий лицензионного соглашения, связан с мошенничеством [22], некоторые могут задаться вопросом: действительно ли важно то, что некоторые условия лицензионного соглашения не имеют законной силы или несправедливы? Однако вероятная причина отсутствия судебных разбирательств по этому поводу заключается в том, что пользователи, нарушившие какое-либо условие лицензионного соглашения, немедленно блокируются разработчиком, которому это разрешено другим пунктом лицензионного соглашения. Вероятно, пользователи согласились с этим фактом без возражений, поскольку, даже если они осознают потенциальную несправедливость (или незаконность) условий лицензионного соглашения, стоимость оспаривания действий производителей игр непомерно высока.

Таким образом, цель лицензионных соглашений к MMORPG направлена на защиту правовых и экономических интересов правообладателей игр. При этом компании-производители, полагаясь на апатичность пользователей, считают себя застрахованными от судебных разбирательств, и они правы, так как количество судебных разбирательств по инициативе пользователей стремится к нулю. Все это приводит к тотальной экономии на разработке корректных и законных лицензионных соглашений. Зачастую большинство условий о выборе закона, подсудности, досудебного урегулирования спора, положений об интеллектуальной собственности и другие не соответствуют применимому законодательству. Учитывая роль индустрии

¹ В данном случае понятие «проект» является синонимом понятию «игра».

² Невзаимозаменяемый токен (англ. Non-fungible token) — вид криптографических токенов, каждый экземпляр которых уникален (специфичен) и не может быть заменен или замещен другим аналогичным токеном.

компьютерных игр в мировой экономике, автор видит невозможным ее существование в таком виде, в каком она нам представлена сегодня. В последующих разделах будут более подробно рассмотрены условия лицензионных соглашений.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦЕНЗИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

С момента появления программного обеспечения возник вопрос о его лицензировании с конечным пользователем. В связи с этим появились так называемые оборотные лицензии, браузерные лицензии и клик-лицензии, которые по мере развития технологий и правоприменительной практики друг друга дополняли, а со временем и взаимно заменяли.

Первым видом лицензий, применяемых к программному обеспечению, являются оборотные лицензии. Термин «оборотная лицензия» происходит от самых ранних способов продажи компьютерного программного обеспечения, при которых компьютерный диск (или аналог) заворачивался в прозрачную пластиковую пленку, благодаря которой покупатели могли ознакомиться с условиями лицензионного соглашения производителя, напечатанными на внешней стороне упаковки. Вскрытие покупателем упаковки расценивалось как автоматическое принятие лицензии, поскольку у покупателя была возможность ознакомиться со всеми ее положениями и условиями [23].

В последующем, когда лицензии на программное обеспечение становились все более сложными и громоздкими, а места на упаковке не хватало, их стали печатать на отдельном листе и вкладывать в упаковку с программным обеспечением. Поскольку у производителя не было возможности узнать, принял ли покупатель условия, в лицензию обычно включался пункт, в котором говорилось, что невозврат товара в течение определенного срока подразумевает, что покупатель принял условия лицензии [24].

Другие лицензии — браузерные — содержат инструкцию по ознакомлению с положениями и условиями лицензии или договора на продажу, но не требуют от потребителя выражать свое согласие каким-либо отслеживаемым способом, например, нажав на кнопку «я принимаю» [25]. Сторона дает согласие и заключает договор или принимает лицензию, продолжая покупку или продолжая пользоваться веб-сайтом. Положения и условия могут быть представлены на той же веб-странице, что и инструкция для покупателя, или к ним можно получить доступ по гиперссылке [26]. В спорах, в которых покупатель позже утверждает, что он не знал о каких-либо особых условиях, не говоря уже о том, что был связан их положениями, суды, как

правило, принимают во внимание месторасположение таких лицензий на веб-сайте и то, были ли они четко доведены до сведения потенциального покупателя. Если будет установлено, что лицензионное соглашение было доведено до сведения потребителя, то браузерная лицензия может быть признана обязательной [27].

Более надежным форматом для представления потребителям положений и условий онлайн-лицензии являются клик-лицензии. Этот формат требует, чтобы покупатели нажимали на экранное поле или кнопку, подтверждая, что они согласны с положениями и условиями лицензии. Однако аналогично требованиям браузерной лицензии, описанным выше, для обеспечения юридической силы положений и условий клик-лицензии они также должны быть доступны и наглядны для потребителя на той же веб-странице или через гиперссылку [28]. Существует ряд плохо оформленных веб-сайтов, которые позволяют покупателям нажать на кнопку «Я согласен», но не требуют от него предварительно ознакомиться с правилами и условиями. В этом случае суды могут не признать, что такой формат создаст юридические последствия для пользователя [29].

Подводя итог, можно сказать, что положения и условия лицензионных соглашений, представленных пользователям онлайн, требуют тщательного обдумывания. Суды, как правило, склонны применять традиционные принципы договорного права, касающиеся включения условий в договор в онлайн-среде. Поэтому наиболее важной особенностью, которую следует учитывать, является то, что пользователь должен быть надлежащим образом уведомлен о положениях и условиях лицензионного соглашения, прежде чем он приступит к дальнейшим действиям: например, необходимо расположить его на домашнем разделе веб-сайта или сделать доступным с помощью размещенной на видном месте гиперссылки, к которой направляется пользователь.

Еще одной проблемой является содержание положений и условий. Многие компании пользуются тем фактом, что обычные пользователи не утруждают себя чтением лицензионного соглашения [30]. Анализ поведения потребителей в интернете показал, что они, как правило, нажимают на кнопку «Я согласен», не принимая во внимание зачастую очень пространственные положения и условия [31]. Это очень хорошая новость для производителей игр, поскольку это означает, что они могут вставить в лицензионное соглашение любое положение, которое пожелают. Пользователи редко оспаривают лицензионные соглашения в связи с высокой стоимостью этого процесса или из-за недостаточной осведомленности о своих собственных правах.

Следовательно, вопрос о том, имеет ли юридическую силу каждое отдельное условие лицензионного соглашения в том смысле, в котором разработчик предполагал, заслуживает тщательного анализа. При этом большое значение имеет вопрос территориальной привязки (местонахождения производителя игры, пользователя), так как от этого напрямую зависит применимое право. Неприемлемо, чтобы разработчик навязывал любое положение, которое, по его мнению, может быть подходящим, полагаясь на безразличие или меньший экономический статус своих пользователей.

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ЛИЦЕНЗИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Юрисдикция, выбор закона и суда

Лицензионные соглашения к играм Linage 2, Axie Infinity и World of Warcraft содержат условия о выборе юрисдикции и подсудности, которые должны применяться в случае возникновения спора. Так, согласно положению 6.2 лицензионного соглашения к игре Linage 2, «все споры будут регулироваться законодательством штата Калифорния» [6]. Согласно ст. 13 лицензионного соглашения к игре Axie Infinity, применимым законодательством является законодательство США [7]. Аналогично производители игры World of Warcraft предусмотрели применимость американского законодательства ко всем разногласиям с пользователями.

В целом, считается хорошей договорной практикой включать в соглашения условия о применимом законодательстве и подсудности, особенно если дело касается контрагентов, расположенных в разных странах, однако данные положения не всегда будут работать. В этой связи возникает вопрос: подлежат ли такие положения принудительному исполнению? Все зависит от нескольких факторов, включая фактические обстоятельства спора. Иными словами, спорные правоотношения регулируются нормами авторского или договорного права, не связанного с авторским правом, а также с физическим местонахождением сторон. В законодательстве об авторском праве территориальный принцип и правило национального режима, закрепленные в Бернской конвенции [32], в совокупности создают совершенно иную среду для рассмотрения юрисдикционных вопросов, чем те, которые относятся к договорному праву, где продолжают применяться традиционные нормы коллизионного права. В случае спора по соглашению суд страны, в которой возбуждено судебное производство, сначала рассматривает вопрос подсудности. В случае если подсудность будет установлена, суд примет решение о принятии искового заявления к производству.

Рассматривая ситуацию возникновения какого-либо спора между производителем игры и российским пользователем, необходимо оценить правовую возможность применения права Российской Федерации к данным правоотношениям. Обратимся к ст. 1210 ГК РФ [33], где указано, что стороны договора вправе самостоятельно избрать применимое право к их правам и обязанностям по данному договору. Трактовка данного положения фактически сводится к тому, что если стороны согласились с особенностями рассмотрения споров по иностранному праву, то суды должны строго придерживаться этого положения. Но действительно ли пользователь как более слабая сторона осуществил свое волеизъявление? Ответим отрицательно, данный пункт лицензионного соглашения был навязан правообладателем без возможности его оспорить. При этом Роспотребнадзор в своих письмах неоднократно рассматривал схожие ситуации и пояснял [34]: «Выбор применимого права в договорах с потребителями не является нарушением, но он не может повлечь за собой лишение потребителя защиты своих основных прав».

В связи с этим потребитель вправе обратиться за защитой своих прав в суд по месту своего жительства. Данное положение Роспотребнадзора согласуется со ст. 17 Закона о защите прав потребителей [35].

Споры об авторском праве

Одним из главных принципов, предусмотренных в Бернской конвенции, является национальный режим. Данный принцип раскрывается следующим образом: государства — члены Конвенции должны предоставлять правовую охрану отечественным и иностранным произведениям из других стран-участниц в равном объеме. В сочетании с принципом территориальности правило национального режима гарантирует, что местное законодательство в равной степени применяется как к иностранным, так и к местным произведениям, защищенным авторским правом в этой стране. Таким образом, независимо от указаний в лицензионном соглашении на конкретные юрисдикции рассмотрения спора, нельзя быть уверенным в том, что суды Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Французской республики и других стран согласятся рассматривать конкретное дело, если пользователь, находящийся за границей, нарушает одно из условий лицензионного соглашения. Вместо этого принцип территориальности может иметь преимущественную силу над пунктом о выборе права в лицензионном соглашении, требуя от суда применять закон об авторском праве зарубежной страны и рассматривать спор в этой стране. Такая ситуация может вызвать некоторые проблемы, поскольку сроки

защиты исключительных прав в разных странах различаются, а личные неимущественные права могут охраняться бессрочно либо не охраняться вовсе.

В контексте того, что относится к странам Европейского союза, Педро де Мигель Асенсио объясняет: «Во многих странах применение закона о происхождении произведения, защищенного авторским правом, ограничено вопросом первоначального права или авторства...» [36]. Эта ситуация контрастирует с вопросами нарушения и объема прав, к которым, как правило, применяется законодательство страны, где испрашивается защита [36].

Существует положение, указывающее на то, что подсудность должна быть избрана с учетом материальных возможностей сторон: «Оговорка о выборе суда в соглашениях с неограниченным количеством лиц может быть действительной только в том случае, если положение о выборе закона будет разумным и легкодоступным для стороны, не вносящей изменения в договор, на момент его заключения» [36]. Такое положение о выборе применимого права и подсудности было предложено специалистами Американского института права (ALI), которые столкнулись с проблемой определения юрисдикции в открытых договорах по интеллектуальной собственности с неограниченным числом лиц. При этом такая рекомендация согласуется с принципами международных коммерческих договоров УНИДРУА [37] и соответствует подходу судов к вопросам юрисдикции.

Досудебное урегулирование спора и арбитраж

Положения об урегулировании споров в досудебном порядке, а также положения об арбитражном разбирательстве очень часто включаются в лицензионные соглашения к программному обеспечению, в частности к компьютерным играм. Данные положения считаются необходимыми для преодоления коллизионных проблем, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Однако стоит учитывать, что часто данные положения могут сильно различаться или отсутствовать вовсе. Например, лицензионное соглашение игры *Runescape* не содержит пункта об урегулировании споров, вместо этого требуя, чтобы споры передавались на рассмотрение в «суды Англии», и заявляя, что его «положения и условия регулируются английским законодательством» [38].

В лицензионных соглашениях к другим играм (*Linage 2*, *Axie Infinity*, *World of Warcraft*) такие положения присутствуют, но они имеют некоторые различия. Так, разделом 5 лицензионного соглашения к игре *Linage 2* [6] предусмотрен так называемый неофициальный порядок урегулирования спора. Данный

порядок является обязательным условием для дальнейшей передачи спора на разрешение в арбитраж. Согласно ему, пользователь обязан в досудебном порядке обратиться в юридический отдел правообладателя игры с претензией, где указываются все основные претензии, а также доводы, поддерживающие тезисы пользователя. В течение как минимум 30 дней правообладатель рассмотрит данную претензию и уведомит пользователя о своем решении. Другими положениями лицензионного соглашения регламентируется порядок передачи и рассмотрения спора в арбитраже. Так, по п. 5.2 все споры подлежат разрешению в арбитраже по правилам коммерческого арбитража Американской арбитражной ассоциации. «Один незаинтересованный в исходе спора арбитр будет вести арбитражное разбирательство в Ирвайне, Калифорния, посредством подачи документов сторонами, по телефону или через интернет. Арбитр завершит все разбирательства в течение шести месяцев с момента возбуждения производства и вынесет решение объемом не более 3 тыс. слов. Каждая сторона оплатит свои арбитражные расходы».

Положения лицензионного соглашения к игре *World of Warcraft* [39] аналогичны положениям к игре *Linage 2*, за исключением установления ограничения на коллективные иски.

В лицензионном соглашении к игре *Axie Infinity* [40] содержатся наиболее обременительные условия для потребителей в части урегулирования споров. В п. «b» ст. 13 указана оговорка «пользователю разъяснено, что он осознает свое право передать иск в суд и на суд присяжных». В случае если спор все же будет передан на рассмотрение в арбитраж, он будет проведен по американскому законодательству в США. Однако если дело будет передано на рассмотрение в суд, то дело должно быть рассмотрено в судах штата или федеральных судах, расположенных на Каймановых островах, заседающих на Большом Каймане. При этом потребители отказываются от личного закона физического лица, а также соглашаются с тем, что судебное разбирательство может быть возбуждено только в течение одного года с момента возникновения права обращения в суд.

Поскольку требование о проведении переговоров применимо ко всем пользователям, будет ли арбитражная оговорка применима к игроку из другой страны? Например, составитель лицензионного соглашения должен осознавать, что по законодательству Новой Зеландии от потребителя может не потребоваться передача спора в арбитраж, если только потребитель не предоставил отдельное письменное соглашение о том, что он передаст его в данный орган. В российском законодательстве арбитражные (или

третьей) оговорки с потребителями относятся к оспоримым сделкам [41]. Так, в случае если судом будет установлен факт недобросовестности правообладателя игры, а именно включение в соглашения арбитражной оговорки в целях создания существенных препятствий для реализации потребителем права на обращение с иском [42], данная оговорка может быть признана недействительной.

Согласно действующему российскому законодательству, с 2015 г. отсутствует ограничение о включении в договор присоединения арбитражной оговорки. Однако сложившаяся правоприменительная практика [43] указывает, что, хоть включение в договор присоединения (чем и является по своей правовой природе лицензионное соглашение к MMORPG) арбитражной оговорки не запрещено, однако данное положение будет признано недействительным, поскольку оно существенно ограничивает право потребителя на защиту. При этом А.В. Асосков [42] указывает, что сам факт включения в договор присоединения арбитражной оговорки влечет чрезмерные обременительные последствия для потребителя, например: затруднение защиты прав в связи с лишением гарантий, установленных процессуальным кодексом; труднодоступность суда; чрезмерный размер арбитражного сбора; установление места рассмотрения спора одной стороной; избрание арбитра (арбитров) одной стороной; одностороннее ограничение круга допустимых доказательств и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что правообладатели игр в своих лицензионных соглашениях, принимаемых пользователями «как есть», зачастую создают юридические препятствия для защиты пользователями своих прав. К таким препятствиям могут относиться «обязательный» досудебный порядок урегулирования спора, «обязательный» арбитраж, рассмотрение спора по иностранному праву и в другой стране. Все данные условия как отдельно, так и в совокупности де-факто лишают потребителя права на защиту ввиду неподъемной дороговизны процесса. Однако, отвечая на вопрос, являются ли данные условия законными и применимыми ко всем, скажем: зачастую и в подавляющем большинстве случаев нет, но стоит учитывать действующее законодательство страны по месту нахождения пользователя, а также сложившуюся правоприменительную практику.

Положения об интеллектуальной собственности

Зачастую лицензионные соглашения к онлайн-играм являются чрезмерно обременительными для пользователя. Практически все нормы лицензионных соглашений направлены на обеспечение и защиту интересов правообладателя [44]. Такое положение вещей мы

смогли уже увидеть в рассмотренных выше примерах. Однако остался незатронутым важный аспект правовой реальности пользователей — интеллектуальные права. Ответить на вопрос, допускает ли производитель игр возможность возникновения интеллектуальных прав пользователей в различных типах игр, мы сможем после изучения лицензионных соглашений к рассматриваемым играм.

Пунктом С ст. 1, а также ст. 2 лицензионного соглашения к World of Warcraft регулируются отношения по вопросу интеллектуальной собственности правообладателя и пользователя игры. Так, пользователю запрещено создавать любые производные произведения на основе игры, в том числе видеоролики, игры, музыку и другие произведения (так называемый пользовательский контент). Однако в случае его создания все права будут принадлежать Blizzard без возможности оспаривания. Также все игровые аккаунты, имена, уникальные внешности персонажей являются собственностью Blizzard. В случае если пользователь создаст производное произведение³ [44] или продаст игровой аккаунт, правообладатель вправе расторгнуть с ним лицензионное соглашение в одностороннем порядке и заблокировать учетную запись.

Принятие таких положений пользователем фактически ведет к ограничению, а порой — к отказу от определенных прав. В соответствии с принципом свободы договора стороны могут установить отказ от определенных прав. Однако в ситуации, когда одна сторона обладает экономическим превосходством и навязала «договор» другой, более слабой стороне без какой-либо возможности выразить несогласие с каким-либо его условием, суды, как правило, придерживаются совершенно иной точки зрения. Так, пользователь может в судебном порядке добиться защиты своих прав, несмотря на заключенное «кабальное» лицензионное соглашение. Однако, поскольку другое условие лицензионного соглашения позволяет разработчику «по своему собственному усмотрению» прекратить действие лицензионного соглашения с конкретным пользователем [39], маловероятно, что многие игроки предпримут шаги по судебной защите своих прав.

В игре Linage 2 в ст. 2.2.2 «Собственность и права» правообладатель допускает создание пользователями производных произведений, однако сразу указывает: «Настоящим вы предоставляете нам безотзывную, бессрочную, всемирную, неисключительную, безвозмездную, сублицензируемую лицензию на

³ Стоит обратить внимание на то, что в играх пользователь, зачастую не осознавая этого, создает производные произведения.

использование, воспроизведение, изменение, адаптацию, публикацию, трансляцию, публикацию, продажу, распространение вашего произведения для любых целей (включая рекламные цели) на любом носителе на безвозмездной основе». Также пользователь дает аналогичные права любому другому пользователю игры.

Более того, пользователь лишается права отзывать или прекращать вышеуказанную лицензию, а также запрещать, ограничивать правомочия правообладателя игры или других пользователей на созданное производное произведение. Таким образом, правообладатель игры, осознавая нереализуемость запрета на создание производных произведений внутри игры, пошел по пути принудительного лицензирования авторских прав пользователей на безвозмездной основе.

Иной путь был избран производителем игры Axie Infinity. Данная игра относится к типу play-to-earn и получает основной доход с комиссий от сделок купли-продажи между пользователями игрового имущества посредством официального маркетплейса [45]. В этой связи правообладателю необходимо стимулировать экономическую активность пользователей любым доступным способом. Пунктом b ст. 3 «Права интеллектуальной собственности» правообладатель игры определяет условия использования цифровых активов игры. Так, производителю игры принадлежат все интеллектуальные права на визуальную составляющую, однако сам цифровой актив принадлежит пользователю, купившему или создавшему его внутри игровой экосистемы. В этой связи пользователь вправе отчуждать цифровые активы другим пользователям посредством официального маркетплейса игры.

Другой статьей [40], «Пользовательский контент», регламентируется порядок создания и лицензирования пользователями своих производных произведений. Данный порядок схож с порядком в игре Linage 2, пользователю не запрещено создавать объекты интеллектуальных прав, однако при их создании пользователь автоматически предоставляет компании Axie Infinity безотзывную, всемирную, безвозмездную и бессрочную лицензию на любое коммерческое и некоммерческое использование данного произведения.

Таким образом, можно заключить, что существует проблема интеллектуальных прав пользователей компьютерных игр, выразившаяся в либо непризнании, либо в необоснованном ограничении правомочий «пользования» и «распоряжения». Отвечая на вопрос, допускает ли правообладатель игры возможность возникновения интеллектуальных прав у пользователей, ответим утвердительно, однако с учетом всех ограничений заключаем, что интеллектуальные права признаются в серьезно ограниченном виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были рассмотрены несколько положений в лицензионных соглашениях к некоторым MMORPG, различных в зависимости от бизнес-модели, и объяснено, почему они являются проблемными как для правообладателей, так и для пользователей. Как объясняется в статье, некоторые положения и условия лицензионных соглашений MMORPG вряд ли будут поддержаны судом или третьей стороной в случае возникновения спора. Например, может быть установлено, что какой-либо пункт лицензионного соглашения противоречит действующему законодательству или сложившейся правоприменительной практике.

Другая проблема заключается в том, что правообладатели несколько успокоены возможностью принудительного исполнения своих лицензионных соглашений, полагаясь на результаты исследований, которые показывают, что потребители редко читают лицензионные соглашения или оспаривают их. Тем не менее эта ситуация является неудовлетворительной. Для игроков в MMORPG реальность такова, что многие условия лицензионных соглашений нарушают их права как потребителей услуги, а также права на интеллектуальную собственность.

Ввиду высокой экономической ценности индустрии компьютерных игр существует мнение о необходимости выработки ее международного регулирования. Так, возможно, наиболее удачным решением станет международное сотрудничество в разработке типовой лицензии на компьютерные игры в различных вариациях, соответствующих конкретному типу компьютерной игры, по аналогии с лицензионным соглашением Организации Объединенных Наций по программному обеспечению [46]. Учитывая обилие жанров и поджанров компьютерных игр, задача создания подходящей модели лицензии с рядом вариаций, вероятно, будет сложной. Однако экономическая важность отрасли предполагает, что необходимо найти решение проблемы лицензионного соглашения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sharon K Sandeen. The Sense and Nonsense of Web Site Terms of Use Agreements // Hamline Law Review. No 26. 2003. P. 499.
2. Adams John. Digital Age Standard Form Contracts under Australian Law: Wrap Agreements, Exclusive Jurisdiction, and Binding Arbitration Clauses // Pacific Rim Law & Policy Journal. 2004. No 13. P. 503, 516.
3. Bakos Yannis, Marotta-Wurgler Florencia, Trossen David R. Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention

- to Standard-Form Contracts // *Journal of Legal Studies*. 2014. No 43. P. 1, 19. См. также: *Hoffman David A. From Promise to Form: How Contracting Online Changes Consumers* // *New York University Law Review*. 2016. No 91. P. 1595.
4. Newitz Annalee. Dangerous Terms: A User's Guide to EULAs. 2017 [электронный ресурс]. — URL: <https://www.eff.org/wp/dangerous-termsusers-guide-eulas>
5. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://worldofwarcraft.blizzard.com/ru-ru/>
6. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://www.lineage2.com/en-us>
7. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://axieinfinity.com/>
8. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://www.activisionblizzard.com/>
9. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://mmostats.com/game/lineage-2>
10. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://dappradar.com/dapp/axie-infinity>
11. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <http://www.thatvideogameblog.com/2016/06/02/what-is-the-difference-between-an-mmorpg-and-an-mmo/>
12. Techopedia explains Massively Multiplayer Online Role-Playing Game (MMORPG) [электронный ресурс]. — URL: <https://www.techopedia.com/definition/1919/massively-multiplayer-online-role-playing-game-mmorpg>
13. Barker Kim. MMORPGing: The Legalities of Game Play. BILETA. 2011 [электронный ресурс]. — URL: http://www.academia.edu/532867/BILETA_2011_-_MMORPGing_The_Legalities_of_Game_Play
14. Westbrook Theodore J. Owned: Finding a Place for Virtual World Property Rights // *Michigan State Law Review*. 2006. P. 780.
15. Зверев М.О. Права геймеров на виртуальную собственность // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2022. Т. 41, № 2. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14449>
16. Abramovitch Susan, Cummings David. Virtual property, real law: the regulation of property in video games: Part 2 // *Entertainment Law Review*. 2010. No 1(2). P. 52, 53.
17. Liebowitz S.J. Alternative Copyright Systems: The Problems with a Compulsory Licence. — URL: <https://personal.utdallas.edu/~liebowit/intprop/complpff.pdf>
18. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://r2.webzen.co.kr/main>
19. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://ru.4game.com/aionclassic/>
20. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://www.pathofexile.com/game>
21. Шаблоны лицензионных соглашений [электронный ресурс]. — URL: <https://eulatemplate.com/> и <https://termsfeed.com/>
22. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/2122239/video-game-company-sues-cheating-players-who-spoil>
23. Corbett Susan, Sims Alexandra. E-commerce and the Law. Thomson Reuters New Zealand Ltd., 2014. P. 101–102.
24. Hill vs. Gateway 2000 Inc 105F 3d 1147 (7th Cir 1997).
25. Pollstar vs. Gigmania Ltd. 170 F Supp 2d 974, 981 (E.D. Cal. 2000).
26. Southwest Airlines vs. BoardFirst L.L.C., 06-CV-0891-B, 2007 WL 4823761, at 4 (N.D.Tex. Sept. 12, 2007).
27. Nguyen vs. Barnes & Noble 763 F. 3d 1171 (9th Cir 2014); Register.com Inc vs. Verio Inc 356 F 3d 393 (2nd Cir NY 2004); Specht vs. Netscape Communications Corp 150 F Supp 2d 585 (SD NY 2001).
28. Swift vs. Zynga Game Network, Inc 805 F Supp 2d 904 (N D Cal 2011).
29. 925 F Supp 2d 1185 (Dist Ct Colo 2013).
30. Hillman Robert A., Rachlinski Jeffrey J. Standard Form Contracting in the Electronic Age // *New York University Law Rev*. 2002. No 77. P. 429. Gomulkiewicz Robert W. Getting Serious about User-Friendly Mass Market Licensing for Software // *Geo Mason Law Rev*. 2004. No 12. P. 687.
31. Marks Colin P. Online and “As Is” // *Pepperdine Law Rev*. 2018. Vol. 45 No 1. P. 3; Bakos Yannis, Berreby David. Click to agree with what? No one reads terms of service, studies confirm // *The Guardian*. 03.03.2017 [электронный ресурс]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/mar/03/terms-of-service-online-contracts-fine-print>
32. Статья 5.2 Бернского соглашения об охране литературных и художественных произведений.
33. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу 04.08.2023).
34. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: https://www.rospotrebнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16778
35. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023).
36. Pedro de Miguel Asensio. The Law Governing International Intellectual Property Licensing Agreements

- (A Conflict of Laws Analysis) // de Werra J. (ed). Research Handbook on Intellectual Property Licensing. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 312; [Электронный ресурс]. — URL: https://eprints.uct.ac.za/18063/1/pdemiguelasensio-IP_Licensing_2013.pdf
37. Американский институт права «Интеллектуальная собственность: принципы, регулирующие юрисдикцию, выбор права и судебные решения в транснациональных спорах». Раздел 202(3)(a). Окончательный проект 30 марта 2007 г.
 38. Официальный интернет-ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://content.runescape.com/downloads/LICENCE.txt>
 39. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglashenie-s-konechnym-polzovatelem-dlya-emea-blizzard>
 40. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://axieinfinity.com/terms-of-use>
 41. Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 28–44.
 42. Асосков А.В. Арбитражная оговорка в договоре присоединения: российские подходы и зарубежный опыт // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 1. С. 10–24.
 43. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О.
 44. Будник Р.А., Зверев М.О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 200.
 45. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: <https://app.axieinfinity.com/marketplace>
 46. Официальный интернет ресурс [электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/UNITED_Nations_Software_Licence_Agreement2015.pdf
 - Consumers // New York University Law Review. 2016. No 91. P. 1595.
 4. Newitz Annalee. Dangerous Terms: A User's Guide to EULAs. 2017 [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.eff.org/wp/dangerous-termsusers-guide-eulas>
 5. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://worldofwarcraft.blizzard.com/ru-ru/>
 6. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.lineage2.com/en-us>
 7. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://axieinfinity.com/>
 8. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.activisionblizzard.com/>
 9. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://mmostats.com/game/lineage-2>
 10. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://dappradar.com/dapp/axie-infinity>
 11. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.thatvideogameblog.com/2016/06/02/what-is-the-difference-between-an-mmorpg-and-an-mmo/>
 12. Techopedia explains Massively Multiplayer Online Role-Playing Game (MMORPG) [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.techopedia.com/definition/1919/massively-multiplayer-online-role-playing-game-mmorpg>
 13. Barker Kim. MMORPGing: The Legalities of Game Play. BILETA. 2011 [elektronnyj resurs]. — URL: http://www.academia.edu/532867/BILETA_2011_-_MMORPGing_The_Legalities_of_Game_Play
 14. Westbrook Theodore J. Owned: Finding a Place for Virtual World Property Rights // Michigan State Law Review. 2006. P. 780.
 15. Zverev M.O. Prava geimeroev na virtual'nyu sobstvennost' // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T. 41, No 2. P. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14449>
 16. Abramovitch Susan, Cummings David. Virtual property, real law: the regulation of property in video games: Part 2 // Entertainment Law Review. 2010. No 21 (2). P. 52, 53.
 17. Liebowitz S.J. Alternative Copyright Systems: The Problems with a Compulsory Licence. — URL: <https://personal.utdallas.edu/~liebowit/intprop/complpff.pdf>
 18. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://r2.webzen.co.kr/main>
 19. Oficial'nyj internet resurs. [elektronnyj resurs]. — URL: <https://ru.4game.com/aionclassic/>
 20. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.pathofexile.com/game>
 21. Shablony licenzionnyh soglashenij [elektronnyj resurs]. — URL: <https://eulatemplate.com/>; <https://terms-feed.com/>

REFERENCES

1. Sandeen Sharon K. The Sense and Nonsense of Web Site Terms of Use Agreements // Hamline Law Review. 2003. No 26. P. 499.
2. Adams John. Digital Age Standard Form Contracts under Australian Law: Wrap Agreements, Exclusive Jurisdiction, and Binding Arbitration Clauses // Pacific Rim Law & Policy Journal. 2004. No 13. P. 503, 516.
3. Bakos Yannis, Marotta-Wurgler Florencia, Trossen David R. Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention to Standard-Form Contracts // Journal of Legal Studies. 2014. No 43. P. 1, 19. Sm. takzhe Hoffman David A. From Promise to Form: How Contracting Online Changes

22. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/2122239/video-game-company-sues-cheating-players-who-spoil>
23. Corbett Susan, Sims Alexandra. E-commerce and the Law. Thomson Reuters New Zealand Ltd., 2014. P. 101-102.
24. Hill vs. Gateway 2000 Inc 105F 3d 1147 (7th Cir 1997).
25. Pollstar vs. Gigmania Ltd 170 F Supp 2d 974, 981 (E.D. Cal. 2000).
26. Southwest Airlines vs. BoardFirst L.L.C., 06-CV-0891-B, 2007 WL 4823761, at 4 (N.D.Tex. Sept. 12, 2007).
27. Nguyen vs. Barnes & Noble 763 F. 3d 1171 (9th Cir 2014); Register.com Inc vs. Verio Inc 356 F 3d 393 (2nd Cir NY 2004); Specht vs. Netscape Communications Corp 150 F Supp 2d 585 (SD NY 2001).
28. Swift vs. Zynga Game Network, Inc 805 F Supp 2d 904 (N D Cal 2011).
29. 925 F Supp 2d 1185 (Dist Ct Colo 2013).
30. Hillman Robert A., Rachlinski Jeffrey J. Standard Form Contracting in the Electronic Age // New York University Law Rev. 2002. No 77. P. 429. Gomulkiewicz Robert W. Getting Serious about User-Friendly Mass Market Licensing for Software // Geo Mason Law Rev. 2004. No 12. P. 687.
31. Marks Colin P. Online and "As Is" // Pepperdine Law Rev. Vol. 45. No 1. 2018. P. 3; Bakos Yannis, Berreby David. Click to agree with what? No one reads terms of service, studies confirm // The Guardian. 03.03.2017 [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/mar/03/terms-of-service-online-contracts-fine-print>
32. Stat'ya 5.2. Bernskogo soglasheniya ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij.
33. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 No 146-FZ (red. ot 24.07.2023, s izm. i dop., vstup. V silu 04.08.2023).
34. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs] — URL: https://www.rosпотреbnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16778
35. Zakon RF "O zashchite prav potrebitel'j" ot 07.02.1992 No 2300-1 (red. ot 04.08.2023).
36. De Miguel Asensio Pedro A. The Law Governing International Intellectual Property Licensing Agreements (A Conflict of Laws Analysis) // J. de Werra (ed). Research Handbook on Intellectual Property Licensing. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 312. [Elektronnyj resurs] — URL: https://eprints.ucm.es/18063/1/pdemiguelasensio-IP_Licensing_2013.pdf
37. Amerikanskij institut prava "Intellektual'naya sobstvennost': principy, reguliruyushchie yurisdikciyu, vybor prava i sudebnye resheniya v transnacional'nyh sporah" Razdel 202(3)(a) // okonchatel'nyj proekt 30 marta 2007.
38. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://content.runescape.com/downloads/LICENCE.txt>
39. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglasenie-s-konechnym-polzovatelem-dlya-emea-blizzard>
40. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://axieinfinity.com/terms-of-use>
41. Terent'eva L.V. Arbitrazhnye ogovorki v soglasheniyah s uchastiem potrebitelya // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2020. No 2. S. 28–44.
42. Asoskov A.V. Arbitrazhnaya ogovorka v dogovore pri-soedineniya: rossijskie podhody i zarubezhnyj opyt // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2014. No 1. S. 10–24.
43. Opreделение Konstitucionnogo Suda RF ot 04.10.2012 No 1831-O.
44. Budnik R.A., Zverev M.O. Intellektual'nye prava gejmerov // Zakon. 2022. No 7. S. 200.
45. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: <https://app.axieinfinity.com/marketplace>
46. Oficial'nyj internet resurs [elektronnyj resurs]. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/UNITED_NATIONS_SOFTWARE_LICENCE_AGREEMENT2015.pdf

Научная статья

УДК: 347.2

DOI: 10.17323/tis.2024.1982

Original article

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ АВТОРСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ON THE QUESTION OF THE NEED TO TRANSFORM COPYRIGHT IN THE MODERN PARADIGM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

Анастасия Викторовна БУГРЕЕВА

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация,
An.bugreeva@mail.ru,
0009-0007-8130-9788

Информация об авторе

А.В. Бугреева — студентка 4-го курса государственного и муниципального управления Высшей школы права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы авторского права, возникающие в условиях активного развития искусственного интеллекта. Анализируются возникающие проблемы в системе авторского права, а также пути их решения. Активное развитие и применение нейросетей во все большем количестве сфер общественной жизни ведет к множественным нарушениям авторских прав. Современное законодательство, в свою очередь, на данный момент не адаптировано под изменения, связанные с развитием искусственного интеллекта. В связи с этим появляется запрос на дальнейшее исследование данной темы в целях защиты авторских прав в условиях активно меняющейся внешней среды и развития искусственного интеллекта.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, авторское право, нейросети, совершенствование нормативной правовой базы
- **Для цитирования:** Бугреева А.В. К вопросу о необходимости трансформации авторского права в современной парадигме развития искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 105–112; DOI: 10.17323/tis.2024.1982.

Anastasiya V. BUGREEVA

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation,
An.bugreeva@mail.ru,
0009-0007-8130-9788

Information about the author

A.V. Bugreeva — 4th year student of State and Municipal Administration of the Higher School of Law of Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The article deals with the main issues of copyright arising in the conditions of active development of artificial

intelligence. The emerging problems in the copyright system are analyzed, as well as ways to solve them. The active development and application of neural networks in an increasing number of spheres of public life leads to multiple copyright violations. Modern legislation, in turn, is currently not adapted to the changes associated with the development of artificial intelligence. In this connection, there is a request for further research on this topic in order to protect copyrights in an actively changing external environment and the development of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, copyright, neural networks, improvement of the regulatory framework

For citation: Bugreeva A.V. On the question of the need to transform copyright in the modern paradigm of artificial intelligence development // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 105–112; DOI: 10.17323/tis.2024.1982.

- В последние десятилетия вопросы авторского права приобретают все большее значение в контексте развития цифровых технологий. С развитием интернета и цифровой экономики, когда материалы могут с легкостью распространяться по всему миру, возникают трудности в определении прав собственности на контент и защите авторских прав.

Для решения этих проблем в научных кругах все чаще используются методы машинного обучения и нейросетей. Это позволяет более точно и быстро определять авторство, а также защищать права правообладателей.

- С помощью сверточных нейронных сетей можно достичь точности определения авторства на уровне 97%. Эти результаты показывают, что нейросети могут быть использованы в качестве инструмента для определения авторских прав при работе с большим объемом текстов и контента.

- В настоящее время признание многих исследований получила гибридная парадигма развития искусственного интеллекта (далее — ИИ). Гибридная парадигма в технологиях искусственного интеллекта — это сочетание различных подходов и методов для решения сложных задач. Она сочетает в себе преимущества разных подходов и позволяет создавать более эффективные и универсальные системы искусственного интеллекта. Например, генетические алгоритмы могут быть использованы для поиска оптимальных решений, в то время как нейронные сети могут использоваться для обработки и анализа данных. Но несмотря на активное развитие искусственного интеллекта в рамках данной концепции, вопросы авторского права сильно усложняются с развитием искусственного интеллекта.

Сейчас еще не существует единой платформы для проверки авторского права на контент с помощью искусственного интеллекта. Также возникает проблема с идентификацией оригинального автора, когда использованы нейросети для изменения исходного контента.

В современном общественном порядке умных машин наиболее распространенной является нейронная

- сеть — искусственная технология, призванная имитировать работу мозга человека [4]. Нейронная сеть мо-

жет обучаться и «думать» самостоятельно, принимая на себя сложные задачи, включая работу с текстами.

Однако в последнее время возник ряд проблем, связанных с тематикой авторских прав и их нарушением. Исследования показывают, что пользователи могут применять нейронные сети неправомерно, для нарушения авторских прав. Как и любая другая технология, нейронная сеть не может самостоятельно совершать нарушения авторских прав, но некоторые пользователи могут с помощью нейронных сетей автоматически копировать или иным образом нарушать авторские права.

С авторским правом и ИИ связаны следующие вопросы:

- вопросы правовой охраны авторских прав на произведения, которые созданы при помощи ИИ;
- вопросы ответственности за нарушения авторских прав, связанные с использованием ИИ;
- вопросы, связанные с тем, какие человеческие действия и какой уровень творческого вклада необходимы для того, чтобы произведение, созданное при помощи ИИ, могло быть признано авторским.

Существует несколько точек зрения в вопросе об авторстве в контексте использования технологий ИИ. Некоторые считают, что произведения, созданные ИИ, не могут иметь авторства, поскольку они не созданы человеком, а лишь сгенерированы алгоритмами. Другие же утверждают, что авторство может быть присвоено как ИИ, так и его создателю или программисту, написавшему код, на основе которого ИИ создал произведение [5].

Одним из видов ИИ, обучению которого в последнее время уделяется все больше внимания, являются нейронные сети. В этом подходе нейронная сеть состоит из множества взаимосвязанных элементов — искусственных нейронов, которые могут обрабатывать информацию и передавать ее дальше в сеть. Обучение нейронной сети включает в себя корректировку весов и параметров нейронов, которые определяют, как нейронная сеть будет реагировать на входные данные.

Популярным методом обучения ИИ является генетический алгоритм. В генетическом алгоритме создается популяция компьютерных программ, каждая из них представляет возможное решение проблемы, которую мы хотим решить. Затем эти программы проверяются и ранжируются по мере того, насколько успешно они решают проблему. Те программы, которые решают проблему лучше других, используются для создания новых программ, которые затем будут использоваться для дальнейшего обучения.

Сегодня ИИ применяется в различных областях — таких, как медицина, финансы, транспорт, производство и другие. Обучение ИИ сейчас находится

на начальной стадии развития, но его будущее обещает быть ярким и важным для человечества.

При этом нейросети в рамках авторского права представляют не меньшую угрозу, чем человек. Поскольку обучение нейросетей происходит за счет огромного объема информации, представленной в интернете, нейросеть способна выдавать пользователю контент, составленный на основе информации, защищенной авторским правом.

При этом возникает вопрос: кто должен нести ответственность за нарушение авторских прав?

С одной стороны, нейросеть не может нести ответственность, так как не является человеком и не имеет деликтоспособности, а следовательно, деликтное законодательство на нее не распространяется. При этом у нейросети есть создатель, который может нести ответственность за нарушения авторского права искусственным интеллектом, созданным им.

С другой стороны, именно пользователь нейросети формирует запрос и в дальнейшем использует полученную информацию. При этом в мировой практике уже имеются прецеденты, когда пользователь нейросети использовал искусственный интеллект для несанкционированного правообладателем копирования информации, защищенной авторским правом. Поэтому возникает обоснованное предположение о необходимости обременять ответственностью за использование авторского контента именно пользователя нейросети.

Однако стоит заметить, что при обеспечении обучения нейросети на информации, не являющейся объектом авторского права, можно было бы исключить копирование нейросетью подобной информации.

Один из самых значимых вопросов, которые задают эксперты: возможно ли использование объектов, защищенных авторским правом, в качестве данных для обучения искусственного интеллекта? Большинство систем используют огромное количество информации, автоматически собираемой в интернете, включая тексты, коды и визуальные объекты. Например, одна из самых масштабных и влиятельных нейросетей, Stable Diffusion, содержит миллиарды изображений, собранных с сотен различных источников, начиная от персональных блогов и заканчивая платформами для художников, такими как DeviantArt, а также сайтов со стоковыми фотографиями наподобие Shutterstock и Getty Images.

Исследователи ИИ, стартапы и компании опираются на доктрину свободного использования изображений в США для оправдания своего подхода. Например, если ИИ обучен на огромном количестве изображений, то вероятность нарушения чьих-либо прав будет минимальной. Однако, если ИИ обучен на

работах конкретного художника и создает изображение в его стиле, то это может нарушить его авторские права, и художник будет иметь больше оснований для иска.

В то же время существует множество сценариев, где использование ИИ может вызвать споры в суде, так как входные данные, выходные данные и цели могут быть различными и сочетаться по-разному. В результате решение суда может склоняться в ту или иную сторону в зависимости от конкретной ситуации.

В России доктрина свободного использования не действует, использование изображений без разрешения автора или иного правообладателя может рассматриваться как нарушение авторских прав и повлечь за собой юридические последствия, включая возмещение ущерба и штрафные санкции. Однако в некоторых случаях использование изображений возможно без разрешения автора, если такое использование соответствует условиям допустимости, установленным законом об авторском праве и смежных правах, например в случае цитирования и использования для научных исследований, образования, информации и т.д.

Эти проблемы требуют дальнейшего научного исследования и разработки инструментов для защиты авторских прав в условиях развития искусственного интеллекта. В будущем совместное использование нейросетей и методов защиты авторских прав может привести к возникновению новых моделей, которые позволят более эффективно бороться с нарушениями авторских прав.

Таким образом, необходимо реформировать законодательство в части регулирования деятельности ИИ, чтобы избежать нарушения авторских прав.

Единственный способ защитить авторские права в таких случаях — использовать сертификацию и установление основных требований для программирования нейросетей, а также контролировать использование данной технологии. Это позволит сохранить уникальность и ценность интеллектуальной собственности и личные права физических лиц в рыночной экономике и информационном пространстве.

Важная проблема заключается в том, что ИИ не всегда правильно идентифицирует авторскую собственность. ИИ может ошибочно приписать авторство другому лицу или оставить без защиты творческие произведения. Это может стать причиной судебных споров и ущемления законных интересов владельцев авторских прав.

Вторая проблема — это угроза нарушения конфиденциальности и защиты персональных данных. При использовании ИИ могут возникнуть угрозы хищения персональных данных, что нарушит законодательство о защите персональных данных.

Третья проблема заключается в снижении качества творческих произведений из-за автоматизации процессов. Использование ИИ для создания творческих произведений может привести к уменьшению уникальности и оригинальности произведений, так как ИИ использует алгоритмы для создания новых произведений, базируясь на существующих.

Четвертая проблема — это нарушение принципов свободы выражения мнений и свободы слова. Использование ИИ для фильтрации контента и контроля за нарушениями авторских прав может стать причиной возникновения цензуры и ущемления свободы выражения мнений.

Наконец, использование ИИ может привести к неоправданной монополизации такой относительно новой отрасли. Например, некоторые компании путем использования ИИ могут обрести монопольный контроль над рынком оборота авторских прав, что может привести к несправедливому распределению прибыли и власти между участниками рынка.

Для решения этих проблем необходимо совершенствовать технологии ИИ, чтобы они корректно идентифицировали авторские права и защищали конфиденциальность персональных данных. Также необходимо развивать модели бизнеса, чтобы учесть различные интересы и максимизировать социальную пользу от использования ИИ в авторском праве. В целом, использование ИИ в авторском праве предоставляет широкие возможности, однако требует ответственного подхода и учета вероятных проблем.

Искусственный интеллект, и нейросети в том числе, можно использовать и в целях борьбы с нарушениями авторских прав. Одним из применений нейронных сетей для защиты авторских прав является анализ изображений. Например, нейронные сети могут воспроизводить фрагменты фильма и определять наличие авторских прав на них. Анализ изображений также может быть использован для поиска и удаления пиратского контента на различных платформах, таких как YouTube, Vimeo или другие видеохостинги.

Нейронные сети также могут использоваться для анализа аудиоданных для определения нарушений авторских прав в случае их использования в цифровых медиафайлах, таких как музыка или звуковые эффекты. Нейронные сети могут идентифицировать «количество» звука, его продолжительность и частоту, что позволяет точно определять использование пиратского контента.

Нейронные сети могут стать эффективным инструментом для защиты авторских прав. Анализ изображений и аудиоданных с использованием нейронных сетей позволяет быстро и точно определять нарушения авторских прав на медиафайлах и способствует защите интеллектуальной собственности.

Одним из направлений развития ИИ в области авторских прав является автоматическое распознавание и защита авторских прав на цифровые материалы [3]. Этот процесс включает в себя использование алгоритмов будущей индустрии прав, которые смогут автоматически определять наличие нарушения авторских прав. Вторым направлением развития ИИ в области авторских прав является использование машинного обучения для анализа компьютерных систем и программного обеспечения на предмет положения о нарушении авторских прав. Это уменьшает количество заявок на нарушения. Третьим направлением развития ИИ в области авторских прав является использование нейросетей и глубокого обучения для анализа текстовых и аудиовизуальных материалов на предмет авторства и подлинности. Этот процесс может быть использован в различных сферах, включая новостные и информационные.

Кроме того, ИИ сильно изменил технологические возможности в области авторских прав и создал новые сценарии использования авторских прав. Однако, как и в любой области применения ИИ, необходимо развивать и использовать эти технологии в рамках этических и юридических норм. Будущее авторских прав будет иметь тесную связь с развитием искусственного интеллекта.

С утверждением Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. в 2019 г. [1] в стране наблюдается переход сферы регулирования машинного творчества из доктринальных источников в нормативно-правовые. Данная стратегия трактует понятие искусственного интеллекта следующим образом: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ № 2129-р [2], определила основные подходы к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблю-

дением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства. Применительно к охране результатов интеллектуальной деятельности данная Концепция в п. 12 установила, что, в частности, необходимо определить:

1) целесообразность расширения толкования понятия творческого вклада и (или) предоставления правовой охраны таким результатам как объектам интеллектуальной собственности в другом формате;

2) условия допустимости использования при разработке и эксплуатации ИИ-систем результатов интеллектуальной деятельности (РИД) третьих лиц и совершенствование порядка закрепления прав на РИД, созданные с использованием высоких технологий.

Зарубежные исследовательские группы проводят работы над различными методами защиты авторских прав с помощью искусственного интеллекта. Например, компания Microsoft разработала технологии машинного обучения, которые могут определить нарушения авторских прав в интернете. Эта технология работает на основе машинного обучения и использует нейронные сети для распознавания нарушений авторских прав в онлайн-контенте. Другой известный пример — компания Apple, которая использует технологию машинного обучения для эффективной оценки нарушений авторских прав. С помощью этой технологии Apple может быстро обнаруживать и удалять контрафактный контент на всех своих сервисах.

Также важно отметить участие Google в таких исследованиях. Компания регулярно совершенствует систему Content ID, которая использует машинное обучение для автоматического обнаружения нарушений авторских прав в видео на YouTube. Content ID отправляет уведомления авторам контента, если обнаруживает нарушения их прав, и позволяет им удалить несанкционированный контент.

Различные научные группы продолжают поиск новых методов защиты авторских прав. Один из новых подходов — это использование блокчейн-технологии, которая может улучшить надежность и эффективность системы защиты авторских прав. В целом, используя искусственный интеллект для защиты авторских прав, компании могут быстрее выявлять нарушения и устранять их, таким образом они предоставляют соответствующую защиту интересам авторов контента в онлайн-пространстве.

В Соединенных Штатах Америки Бюро регистрации авторских прав (Copyright Office) заявило, что «зарегистрирует оригинальное авторское произведение при условии, что такое произведение было создано человеком». Эта позиция вытекает из прецедентного права (например, Feist Publications против Rural Telephone Service Company, Inc. 499 US 340 (1991)),

в котором указывается, что закон об авторском праве защищает только «плоды интеллектуального труда», которые «основаны на творческих способностях разума». Точно так же в недавнем австралийском деле (*Acohs Pty Ltd против Ucorp Pty Ltd*) суд постановил, что произведение, созданное с помощью компьютера, не может быть защищено авторским правом, поскольку оно было создано не человеком.

Суд Европейского союза (CJEU) также неоднократно заявлял [в частности, в своем знаменательном решении *Infopaq (C-5/08 Infopaq International A/S против Danske Dagbaldes Forening)*], что авторское право распространяется только на оригинальные произведения, и эта оригинальность должна отражать «собственное интеллектуальное творчество автора». Обычно это понимают в том смысле, что оригинальное произведение должно отражать личность автора, а значит, для существования произведения, охраняемого авторским правом, необходим автор-человек.

В разд. 9 (3) британского Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах (CDPA) говорится, что «в случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, предпринявшее меры, необходимые для создания произведения». Судя по некоторым прецедентам, этот вопрос может решаться в индивидуальном порядке. В английском деле *Nova Productions против Mazooma Games* (2007) EWCA Civ 219 суд должен был решить вопрос об авторстве компьютерной игры и заявил, что вклад игрока «не носит художественного характера, и он не привнес никаких навыков». Таким образом, рассмотрение действий пользователя в каждом конкретном случае может быть одним из возможных решений проблемы.

В марте 2023 года американский Copyright Office при Библиотеке Конгресса запустил инициативу по изучению вопросов авторского права и искусственного интеллекта, в частности — действие авторского права на произведения, созданные с помощью инструментов ИИ, и использование защищенных авторским правом материалов в обучении ИИ. Инициатива весьма своевременна, так как технологии ИИ развиваются семимильными шагами и быстро находят свое применение в бизнесе и в повседневной жизнедеятельности частных лиц. Copyright Office получил запросы от Конгресса и представителей общественности, включая создателей и пользователей ИИ, с просьбой изучить вопросы, связанные с использованием ИИ в сфере авторского права, и уже получает заявки на регистрацию произведений, включающих генерируемый ИИ контент.

На данный момент в большинстве стран ведомств по интеллектуальной собственности не признают

ИИ как возможного автора произведений, защищенных авторским правом: авторские права принадлежат разработчикам, создавшим инструмент ИИ. Так, в нашей стране, как и во многих других юрисдикциях, ч. 4 ст. 1228 ГК РФ предусматривает, что «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат».

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, в свою очередь, не дает толкования понятия авторства, так же, как и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), в которое инкорпорированы положения Конвенции. Однако следует отметить, что в понимании Бернской конвенции, автор — это физическое лицо, которое вкладывает элемент творчества, необходимый для создания произведения, а также имеет определенное место жительства и гражданство (ст. 3), что является критериями для предоставления охраны созданным им, автором, произведений.

В 2019 г. Warner Music заключила первое в мире соглашение с искусственным интеллектом (программа ENDEL) на создание звуковых аудиодорожек. Endel — это сервис для расслабления, концентрации, мотивации и улучшения сна. Такой сервис анализирует геолокацию пользователя, его пульс, время суток, погодные условия и создает индивидуальный трек. С помощью нейросети будет записано 15 альбомов. Но кто именно выступал второй стороной в подписании соглашения? Искусственный интеллект? Разумеется, второй стороной выступал владелец прав на программу ENDEL. Поэтому, как и с возникновением авторского права, так и с заключением контрактов с искусственным интеллектом, ответ на сегодняшний момент однозначен — при создании любого авторского произведения права на это произведение останутся у того, кто является правообладателем такого искусственного интеллекта. И любые контракты также подписываются с правообладателем подобного искусственного интеллекта.

Увеличивающееся количество различных литературных, художественных, музыкальных и иных произведений, созданных искусственным интеллектом, а также вопросов в отношении их авторства, должно было в какой-то момент привести к той или иной инициативе по исследованию данной проблемы на национальном или международном уровне. Упомянутое исследование Copyright Office (США), безусловно, является своевременным. По итогам его реализации вполне могут быть разработаны поправки в законодательство США об авторском праве, направленные на урегулирование «серых зон», связанных с ИИ.

Суд в Австралии также не признал авторское право искусственного интеллекта. Он указал, что вопрос об авторстве искусственного интеллекта и возможности для машины выступить в качестве изобретателя необходимо проработать как можно скорее. Но действующее законодательство Австралии не допускает оформления патента на машину без имени, адреса и правоспособности. Вот почему апелляционная коллегия Федерального суда Австралии отменила решение первой инстанции, которая признала авторское право искусственного интеллекта на изобретение. Согласно решению апелляционной инстанции, патент выдается именно на результаты человеческого труда и идеи, возникшие в сознании одного или нескольких людей, а не машины.

Законы Австралии об интеллектуальной собственности определяют автора изобретения как «лицо». Это позволяет оформлять патенты на коллективы авторов и на юридических лиц, но, строго говоря, не исключает его оформления на машину с искусственным интеллектом. Апелляционная инстанция отметила, что, хотя закон указывает как получателя патента «лицо», а не обязательно человека, он также предписывает, чтобы заявитель предоставил адрес и имя изобретателя. В случае DABUS эти требования невыполнимы.

Суд также указал на дело «Корниш против Кина», в решении по которому говорится, что «патент — вознаграждение не только за пользу, которое изобретение приносит обществу, но и за творческий вклад автора». Поэтому важно определить «истинного и первого изобретателя» при выдаче патента. В данном случае патент получил бы фактически доктор Тайлер, которого определенно нельзя считать «истинным и первым» создателем обсуждаемого изобретения.

В последние десятилетия искусственный интеллект стал одной из самых важных технологий в мире. Он используется в различных отраслях, в том числе и в авторском праве. Искусственный интеллект не только меняет технологические возможности в этой области, но и создает новые сценарии использования авторских прав.

Защита авторского права является одним из важнейших вопросов в сфере интеллектуальной собственности. С ростом доступности технических средств и обмена информацией в интернете стало проще и быстрее копировать и использовать чужие творения. Вместе с тем рост научно-технического прогресса направлен на развитие искусственного интеллекта в различных сферах, включая юриспруденцию и защиту авторских прав.

Использование ИИ для защиты авторских прав — значимый прорыв в данной области. Эта технология

является мощным инструментом, который может помочь авторам защитить свои интересы и сделать контент более качественным. Однако, чтобы эффективно использовать ИИ для защиты авторских прав, необходимо продолжать исследования и разработки в данной области.

Авторское право является одной из ключевых областей в сфере интеллектуальной собственности. Оно защищает права авторов, в том числе и создателей различных инновационных технологий. С развитием искусственного интеллекта возникает вопрос о том, как эта современная технология может помочь авторам и правообладателям в защите своих прав. ИИ может быть использован для обнаружения и предотвращения нарушения авторских прав. Например, ИИ может анализировать контент на интернет-платформах, таких как YouTube и Facebook¹, для поиска потенциальных нарушений авторского права, таких как незаконное копирование музыкальных произведений или видео. Это позволяет правообладателям выявлять и заявлять права на использование своих произведений. ИИ также может быть использован для обеспечения охраны авторских прав на моделирование. В особенности успешно ИИ может быть применен для идентификации плагиата в научных разработках. Например, ИИ может сравнивать тексты, чтобы определить, были ли они скопированы из других работ. Это помогает сократить затраты на исследования и обеспечивает более высокое качество научных изданий. ИИ также может быть использован для определения ценности произведений и установления более справедливых авторских вознаграждений. ИИ может помочь в определении того, какие произведения наиболее популярны и востребованы, что может помочь правообладателям принимать более обоснованные решения о ценообразовании.

ИИ также может быть полезным при установлении платежей за использование авторских произведений. Он может помочь определить стоимость использования, провести аудит авторских прав и уменьшить объем ошибок в оценке стоимости. В целом, использование ИИ сможет ускорить процесс обработки цифровых прав, улучшить эффективность авторского правосудия, а также помочь в достижении решений, которые справедливы и в то же время сохраняют авторские права.

Таким образом, использование ИИ в авторском праве имеет большой потенциал для автоматизации процесса управления правами, обеспечения справедливости в системе авторских прав и защиты прав

¹ Принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской.

авторов. Однако необходимо решить технические и правовые проблемы, чтобы максимально эффективно использовать ИИ в сфере авторских прав.

Таким образом, благодаря использованию ИИ авторы и правообладатели смогут более эффективно защищать свои права и получать более справедливое вознаграждение за свои произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
2. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.»
3. Домашко М.Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42. № 3. С. 98–107.
4. Душкин Р.В. Искусственный интеллект. М.: ДМК Пресс, 2019. 280 с.
5. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-rezultaty-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta>

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 No 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii".
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2020 No 2129-r "Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 g."
3. Domashko M.N. Institut avtorstva i iskusstvennyj intellekt // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T. 42, No 3. S. 98–107
4. Dushkin R.V. Iskusstvennyj intellekt. M.: DMK Press, 2019. 280 s.
5. Orlova T.E. Avtorskoe pravo na rezul'taty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // Voprosy rossijskoj yusticii. 2022. No 21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-na-rezultaty-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta>

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ
В МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ**
SUBSISTENCE OF COPYRIGHT IN MARKET RESEARCH:
NEW CHALLENGES IN THE AGE OF ARTIFICIAL NEURAL NETWORKS

Елизавета Игоревна ПЛЕТНЕВА
Университет Гонконга, Гонконг, Китайская Народная
Республика,
eipletneva@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-3777-8375>

Информация об авторе
Е.И. Плетнева — студентка Университета Гонконга,
магистрант 2-го курса программы «Управление в сфере
науки, технологий и инноваций» НИУ ВШЭ, бакалавр
права, практикующий юрист

Аннотация. В статье рассмотрено влияние нейросетей на интеллектуальную собственность в маркетинговых исследованиях. Автор утверждает, что растущее использование искусственного интеллекта и машинного обучения в маркетинговых исследованиях создает новые проблемы для защиты прав интеллектуальной собственности. Статья дает представление о правовых тенденциях, связанных с использованием технологий в маркетинговых исследованиях, которые были проанализированы с помощью количественного контент-анализа и метода кейсов (case studies). Статья представляет собой ценный ресурс для исследователей, практиков и политиков, заинтересованных в проблемах интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, маркетинговые исследования, нейросети, машинное обучение, правовые вопросы

Для цитирования: Плетнева Е.И. Проблема сохранения авторских прав в маркетинговых исследованиях: Новые вызовы в эпоху искусственных нейронных сетей //

- Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48, № 1. С. 113–125; DOI: 10.17323/tis.2024.19828.
-
-
- **Elizaveta I. PLETNEVA**
University of Hong Kong, Hong Kong, China People's Republic,
eipletneva@edu.hse.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-3777-8375>
- **Information about the author**
E.I. Pletneva — a student of the University of Hong Kong,
2nd year master's student in the Science, Technology and Innovation Management programme at the National Research University Higher School of Economics, Bachelor of Law, a practising lawyer
- **Abstract.** The article "Subsistence of Copyright in Market Research: New Challenges in the Age of Artificial Neural Networks" examines the impact of neural networks on intellectual property in marketing research. The author argues that the growing use of artificial intelligence and machine learning in marketing research poses new challenges to the protection of intellectual property rights. The article provides insights into legal trends related to the use of technologies in marketing research, which have been analysed through quantitative content analysis and case studies. The article is a valuable resource for researchers, practitioners and policymakers interested in the intersection of intellectual property and artificial intelligence.
- **Keywords:** intellectual property, market research, artificial neural networks, machine learning, legal issues, IP challenges

For citation: Pletneva E.I. Subsistence of Copyright in Market Research: New Challenges in the Age of Artificial Neural Networks // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 48 (1). P. 113–125; DOI: 10.17323/tis.2024.19828.

INTRODUCTION

Intellectual property is a complex and often controversial field, with various objects of protection generating heated debates and legal battles [1]. This is especially true in the digital age, where intellectual property can be shared and copied with unprecedented speed and ease [2]. As a result, ensuring the protection of intellectual property has become increasingly challenging in the face of new digital technologies. This necessitates the development of novel legal approaches and technological solutions to ensure that creators and innovators receive fair compensation for their work. The debates surrounding these issues will play a crucial role in shaping the future of creativity and innovation in today’s digital age.

Among various forms of intellectual property, copyright is particularly susceptible to infringement as trademarks can be easily detected using advanced AI tools employed by companies like Corsearch [3]. These techniques are capable of identifying unauthorized use or misuse across different mediums such as videos and texts. On the other hand, patents although more difficult to detect are relatively easier to prove when it comes to unlawful usage, allowing for effective prohibition measures. However, copyright infringement remains both hard to identify and protect effectively — an observation supported by numerous recent cases arising from such violations.

For example, currently, many artificial networks are prosecuted by authors and artists who believe that their works were used to teach the network (e.g., the court cases suing Stable Diffusion [4, 5], Midjourney [6] developers). Nevertheless, even here with the possibility to check the database and to see if these works are in this database, it is still challenging, and many researchers are critical of chances to win the case [e.g., 7] citing fair use doctrine, the extent of responsibility implemented on platforms and the lack of any punishment if the platform after learning of any copyright infringement instance immediately removes it [8]. Then what to do about even less massive use? How to prove here that the person has done something creative and not just stolen? The border between creative and uncreative activities is quite vague and certainly requires deep analysis, as is proved by Anna Shtefan in her research [9].

It is crucial to emphasize that certain activities or forms of intellectual property, such as photography, voice acting, translation, and market research, which are sometimes considered less artistic and less significant for development purposes throughout history, often go unnoticed or do not receive the recognition they deserve.

Translation, for instance, is an anomaly in terms of copyright, which seeks to protect the expressions of original works rather than the ideas contained in them. When it comes to translations, they are considered derivative works that express the ideas of the original text in a new form. Throughout history, copyright laws have faced challenges in addressing the moral and economic rights of both translators and authors of original texts. In more recent times, advancements in technology such as translation memories and machine translation have introduced further complexities into this landscape [10]. These technological tools allow for the reuse of translations as data, with machine translation specifically extending this practice into new domains like literary translation where it has had less impact thus far. As a result, ownership of translated texts becomes blurred in situations where translators rely on suggestions from previous works during the technology-assisted translation process.

Copyright disputes in the field of photography have long been a contentious issue [11]. The complexity arises from the fact that images often include copyrighted objects, leading to conflicts over which regimes apply. This challenge has persisted for over 150 years, as noted by Amanda Fischer Adian [12]. Moreover, technological advancements and globalisation have brought forth new issues, such as cases involving monkeys taking selfies [13] or infringements on museum rights [14].

Market research is not an exception in this dismissing process. Market research has always been a topic of debate when it comes to intellectual property, with some arguing that the data collected through market research doesn't contain a subsistence of copyright [15], while others argue that the insights and analysis derived from this data are valuable intellectual property that should be protected [16]. This debate has become even more complex with the rise of artificial neural networks and machine learning algorithms in market research, which have the ability to collect and analyze vast amounts of data, providing valuable insights and predictions for businesses without or with just a little bit of human help.

Returning to the copyright protection of the market research, it appears to be challenging to prove that the analysis of the market is creative enough to gain copyright protection. The ownership and protection of this data and the resulting insights have become a legal and ethical issue. Some argue that the insights derived from machine learning algorithms are not protectable under current in-

tellectual property laws, as they are based on statistical analysis rather than original creative works. They add that these insights are protectable under trade secret law or by trademarks, as they provide a competitive advantage to businesses so they should not be protected by copyright as well. Such practices were quite common previously (an example could be the case *Procter & Gamble Co. v. Amway Corp.* [17] where the stolen market report was considered under trademark infringement only). However, there is disagreement on this matter as it imposes limitations on new players who may not possess trademarks and face difficulties in proving the disclosure of trade secrets. The market research services industry has shown significant growth globally, with a compound annual growth rate of 3.4%, increasing from \$81.13 billion in 2022 to \$83.93 billion in 2023 [18]. This data highlights the significance of such activities for entrepreneurial and innovation pursuits since businesses are often the primary source of innovation.

Thus, there is a lack of agreement and comprehension regarding the feasibility and future of copyright protection of market research. As society becomes increasingly digitized and methodologies evolve, there is currently no dedicated article addressing the existence of copyright in market research reports. However, it is worth noting that the proportion of market research companies within creative industries is expanding. Consequently, knowledge on this subject remains fragmented and controversial, necessitating further analysis.

To fill this research void, I plan to analyze the intellectual property status of various global economies and examine case studies that reflect current accepted norms and trends. To establish connections between different countries and their positions, quantitative methods will be employed. Since the data consists of qualitative sources such as policies and documents, a content analysis using statistical software like SPSS will explore relationships between different indicators. Subsequently, case studies focusing on selected countries will be conducted.

To address this research gap, I plan to analyze the global economies based on their intellectual property standing and examine case studies that reflect current accepted norms and trends. To establish connections between different countries and their positions, quantitative methods will be employed. Since the data consists of qualitative sources such as policies and documents, a content analysis using statistical software like SPSS will explore relationships between different indicators. Subsequently, case studies focusing on selected countries will be conducted.

The findings of this study would be valuable for policymakers, practitioners, and researchers as they seek to develop a holistic strategy for safeguarding intellectual property in the era of artificial intelligence. Such an ap-

proach can enable the realization of technology's advantages while reducing its associated drawbacks.

BACKGROUND

Initially, copyright laws were primarily focused on protecting works created by human authors. The concept of copyright emerged as a means to grant exclusive rights to authors and incentivize the creation of original works after the invention of printing press during the 15th century [19]. The laws and regulations coming afterwards aimed to protect tangible expressions of creativity, such as literary, artistic, and musical works, and helped with the development of press and creativity [20].

As technology advanced, automated processes began to play a significant role in creating and compiling works. This raised questions regarding whether these works were eligible for copyright protection. With the growth of computer-generated works and the increasing complexity of automated systems, legal frameworks began to adapt to address these challenges. The concept of authorship expanded to include works that involved a combination of human and automated efforts. For instance, the EU Database Directive [21] defines originality and creativity as key factors in determining if a database compilation is eligible for copyright protection. According to this directive, intellectual effort and creative choices made in selecting and arranging data within a database should be safeguarded by copyright law.

According to the mentioned directive, in order for a database compilation to be eligible for copyright protection, it must be the result of the author's own intellectual creation. This means that it needs to demonstrate originality and reflect creative choices made by the author regarding content selection and arrangement, rather than being a mechanical or automatic process. The directive also acknowledges that databases can be created and maintained using automated processes. As long as such compilations meet the criteria of originality and show evidence of creative effort in their selection and arrangement, they can still qualify for copyright protection, even if automation was involved in their creation.

It is worth noting that the EU Database Directive does not protect the data or information itself contained within a database, but rather the originality and creativity in how the data is organized and presented. The protection granted by the directive is limited to the structure and arrangement of the database compilation, rather than the individual facts or data entries.

The development of copyright protection for works compiled by automated and human efforts also involved addressing issues of ownership and attribution which was only slightly addressed by many legislations, includ-

ing the European Union (EU). There are already cases where the question of authorship or ownership arises when works are created through automated processes, particularly in relation to art produced by artificial neural networks [22]. However, these cases have not yet extended to compilation or market research activities.

Based on how copyright laws have evolved to address the challenges of protecting digital and online works when the digital era has introduced new complexities such as easy replication, distribution, and modification of works, and copyright laws have been updated with measures like digital rights management technologies and international treaties aimed at harmonizing copyright protection in the digital domain, it could be expected that new regulation concerning copyright of automatic compilation would appear. Still, some remain sceptical about whether these updates are sufficient or if further regulatory changes are needed [23].

In conclusion, the history and development of copyright protection in works compiled by automated and human effort have been shaped by the evolution of technology and the need to adapt legal frameworks to encompass new forms of creative expression. As technology continues to advance, the ongoing evolution of copyright laws will remain crucial to ensure the protection and recognition of intellectual property rights in both automated and human-created works.

METHODOLOGY

As previously mentioned, there is a need for comprehensive information on the role of copyright protection in market research and its future challenges. To address this gap, this proposed study aims to examine court opinions through case studies as a means of providing objective and systematic insights into intellectual property protection and trends worldwide. This research adopts a combination of qualitative, longitudinal case study methodology with quantitative elements to identify relevant and representative cases for analysis.

A technique that allows for the systematic identification and interpretation of patterns in qualitative data, such as beliefs, opinions, and attitudes, is known as content analysis [24]. Content analysis involves a thorough evaluation of textual or visual data to identify recurring themes or communication patterns across various sources [25].

Thus, quantitative content analysis was conducted to identify trends and correlations between countries in terms of copyright and IP protection in market research. The selected countries were participants of either the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) or the BRICS, including new participants, to ensure that all major economies were taken into con-

sideration. The original acronym “BRIC”, or “the BRICs”, was coined in 2001 by Goldman Sachs economist Jim O’Neill to describe fast-growing economies that he predicted would collectively dominate the global economy by 2050. OECD would be representative of the currently developed countries, while BRICs fill the gap of the future and developing economies.

Several key indicators were chosen and assessed, including the Global Innovation Index (GII) country ranking, the ranking of intellectual property rights protection, the expenditure on research and development (R&D) as a percentage of GDP, and the number of active IP main documentation in each country (investigated and divid-

ed into 3 categories: zero IP documentation, 1 main IP document, 2 or more documents).

RESULTS

The results of the content analysis revealed a strong correlation between a country’s GII ranking, intellectual property rights protection ranking, and the expenditure on R&D as a percentage of GDP. This finding reaffirms the thesis that intellectual property rights play a crucial role in promoting innovation. This trend has remained consistent over time and highlights the significance of intellectual property protection in driving research and development activities.

Table 1. The analysis was held via SPSS

Correlations					
		GII	IPR	GERD	Number_of_documents
GII	Pearson Correlation	1	.842**	-.691**	-.251
	Sig. (2-tailed)		.000	.000	.089
	N	47	47	47	47
IPR	Pearson Correlation	.842**	1	-.542**	-.275
	Sig. (2-tailed)	.000		.000	.062
	N	47	47	47	47
GERD	Pearson Correlation	-.691*	-.542**	1	.081
	Sig. (2-tailed)	.000	.000		.588
	N	47	47	47	47
Number_of_documents	Pearson Correlation	-.251	-.275	.081	1
	Sig. (2-tailed)	.089	.062	.588	
	N	47	47	47	47

** Correlation is significant at the 0,01 level (2-tailed).

Interestingly, the analysis also showed that the number of IP documents does not have as significant an impact on a country’s ranking as the actual implementation of intellectual property protection. This observation is supported by both the Pearson Correlation analysis and the fact that European Union (EU) countries have almost identical IP documents but vary significantly in their rankings. This suggests that while the existence of IP legislation is important, the effectiveness of its implementation is equally crucial. It underscores the need for countries to focus on enforcing and safeguarding intellectual property rights to foster innovation and economic growth.

Moreover, it is worth noting that many countries primarily rely on individual normative and judicial regulations, leading to ambiguities within the legislation. This complexity further emphasizes the importance of a robust and comprehensive intellectual property framework that addresses the intricacies and challenges associated with protecting creative and innovative works.

Based on their rankings, all countries were categorized into three groups: green, neutral, and red as it is shown in the Table 2. Surprisingly, there was a relatively even distribution, with 40% of countries falling into the red group, 18% in the neutral group, and 42% in the green group. This balanced distribution suggests that intellectual property protection and innovation are challenges faced by countries across the spectrum.

To explore potential differences in how courts from different groups would judge copyright protection in market research, one representative country was chosen from each group. The United States was selected as the representative from the green group, as it consistently ranks high in terms of intellectual property protection and innovation. Known for its strong legal framework and enforcement mechanisms, the U.S. serves as a benchmark for effective intellectual property protection.

Table 2. Content analysis. The data was taken from OECD [26, 27], WIPO [28], UNESCO [29], Trading Economics [30], Egypt State Information Service [31], India Department of Science and Technology [32] databases.

Country	Gross domestic spending on R&D (total, % of GDP, latest available year)	GII (2023)	IPR rank (2023)	Copyright documentation (0 - if no documentation found, 1 — if there is only one source of copyright protection, 2 — if there are 2 or more documents)	Group
Argentina	0,52%	73	95	2	Red
Australia	1,80%	24	10	1	Green
Austria	3,26%	18	11	1	Green
Belgium	3,43%	23	18	2	Green
Brazil	1,21%	49	83	1	Red
Canada	1,55%	15	15	1	Green
Chile	0,34%	52	38	1	Red
China	2,43%	12	50	2	Neutral
Czech Republic	2,00%	31	23	2	Neutral
Denmark	2,76%	9	4	2	Green
Egypt	0,96%	86	88	1	Red
Estonia	1,75%	16	24	2	Green
Ethiopia	0,27%	125	119	1	Red
Finland	2,99%	6	1	1	Green
France	2,22%	11	20	2	Green
Germany	3,13%	8	9	2	Green
Greece	1,46%	42	58	2	Neutral
Hungary	1,64%	35	48	2	Neutral
Iceland	2,81%	20	19	2	Green
India	0,64%	40	62	1	Red
Iran (Islamic Republic of)	0,88%	62	113	1	Red
Ireland	1,11%	22	17	2	Neutral
Israel	5,56%	14	25	1	Green
Italy	1,45%	26	35	2	Neutral
Japan	3,30%	13	13	1	Green
Korea, Rep	4,93%	10	22	1	Green
Latvia	0,74%	37	30	2	Red
Lithuania	1,11%	34	27	2	Red
Luxembourg	1,04%	21	8	1	Neutral
Mexico	0,30%	58	76	1	Red
Netherlands	2,27%	7	3	2	Green
New Zealand	1,47%	27	5	1	Neutral
Norway	1,94%	19	6	2	Green
Poland	1,43%	41	46	2	Red
Portugal	1,73%	30	26	2	Neutral
Russian Federation	1,10%	51	103	1	Red
Saudi Arabia	0,46%	48	43	1	Red

Country	Gross domestic spending on R&D (total, % of GDP, latest available year)	GII (2023)	IPR rank (2023)	Copyright documentation (0 - if no documentation found, 1 — if there is only one source of copyright protection, 2 — if there are 2 or more documents)	Group
Slovakia	0,92%	45	39	2	Red
Slovenia	2,13%	33	36	2	Neutral
South Africa	0,60%	59	55	1	Red
Spain	1,43%	29	24	2	Neutral
Sweden	3,40%	2	7	2	Green
Switzerland	3,36%	1	12	2	Green
Turkiye	1,40%	39	93	1	Red
United Arab Emirates	0,29%	32	32	1	Red
United Kingdom	2,92%	4	15	1	Green
United States	3,46%	3	14	1	Green

The EU, specifically the EU Supreme Court, was chosen as the representative from the neutral group. The EU has a comprehensive intellectual property framework and serves as a central authority for resolving disputes related to intellectual property rights. Furthermore, most famous court cases related to intellectual property end up at the EU Supreme Court, making it a significant player in shaping copyright protection in market research within the EU and beyond.

Finally, India was selected as the representative from the red group, as it faces significant challenges in intellectual property protection. India's complex legal landscape and issues surrounding piracy and counterfeiting make it an interesting case study for understanding the hurdles associated with copyright protection in emerging economies.

These countries were chosen based on their scale, significance in the global economy, and the availability of court cases, as well as the languages used. It should be noted that finding court cases in English can be challenging in some countries, which may limit the accessibility and comprehensiveness of the analysis.

By examining how courts in different groups approach copyright protection in market research, it becomes possible to gain insights into the varying perspectives and approaches to intellectual property rights across countries. Understanding these differences can help policymakers and stakeholders in developing effective strategies to strengthen intellectual property protection, foster innovation, and promote economic growth.

In conclusion, the quantitative content analysis conducted in this study highlights the strong correlation between a country's GII ranking, intellectual property rights protection ranking, and expenditure on R&D.

CASE STUDIES

Case Selection

I selected 5 cases from three different (based on their IP protection standing) countries: the United States of America (USA), the European Union (EU) and India. Cases were chosen based on the search among high courts cases, its citations to make sure it wasn't repelled afterwards. One case should be later than 2010 to show recent trends and notions, while other case should address the question of copyright possibility of market research report. In case of India the same case addresses both recent trends and copyrightability of market research report.

USA

Assessment Technologies of WI, LLC v. Wiredata, Inc. (2003-2004) [33] is one of the major cases concerning copyright protection of market research in the USA. In this case, a company sued another company for copyright infringement of its market (real estate) research reports. Assessment Technologies of WI used the data that were gathered by the municipalities, in particular, real estate brokers, data regarding specific properties, including the address, owner's name, the age of the property, its assessed valuation, the number and type of rooms, and other important factors. This compilation of data was implemented in an interactive way to give users the opportunity to easily understand the state of the market and prices. The court in this case stated that the compilation does not lack sufficient originality to be copyrightable. The court emphasized that copyright law, unlike patent law, does not require substantial originality. It only requires enough originality to distinguish a work from sim-

ilar works in the public domain. The court found that the compilation satisfied this requirement as no other real estate assessment program arranged the data in the same way. This case set a precedent for copyright protection of market research in the USA.

The question about the possibility of copyright protection is not even risen already as all market research companies, for example, McKinsey or Statista, already rely on copyright protection and emphasize it on their website. However, currently, as it can be seen through analysis of the last decade cases, copyright protection cases concerning market research in the USA are focused on methodologies and technologies used, such as the famous case of Oracle vs. Google [34]. After a decade of litigation, the US Supreme Court decided in 2021 that while technologies could be protected, application programming interfaces (API) in this particular case would not be under copyright. Initially, the court decided that the overall structure of Oracle's API packages is creative, original, and resembles a taxonomy, and therefore should be under copyright. However, the US Supreme Court refused the notion of copyrightability and stated that it is only 0.4% of the whole code, suggesting that the decision could be different if the percentage was higher. The court also mentioned that this case cannot be considered a precedent, as it only covers API and not other technologies. This case was not just about the law, but also about the future direction and consequences of the decision, as the tech industry could suffer a significant blow if Oracle had won.

In conclusion, Assessment Technologies of WI, LLC v. Wiredata, Inc. and Oracle vs. Google are two significant cases that have shaped the copyright protection landscape of market research in the USA. While the former established the possibility and viability of copyright protection for market research, the latter focused on the methodologies and technologies used in market research providing that with the development of technologies market research is less about the human input in the text but more about human creativity of used technologies and methodologies. The decisions made in these cases have far-reaching implications for the tech industry and underline the importance of a robust and comprehensive intellectual property framework that addresses the challenges associated with protecting creative and innovative works.

European Union

Market research cases are not frequently considered by EU courts; however, there are significant cases that support the concept that market research is protected by copyright. One such case is Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening [35]. The European Court

of Justice ruled that even small excerpts of news articles could be protected by copyright if they were original and reflected the author's intellectual creation. This decision highlights the importance of originality and creativity in determining copyright protection.

Another notable case is Football Dataco Ltd and Others v. Yahoo! UK Ltd and Others [36]. Although this case was decided by the High Court of England and Wales, it referenced EU directives since the UK was part of the EU at the time. The court ruled that football fixture lists can be protected by copyright if they are original and reflect the author's intellectual creation. The effort expended in creating the data was deemed irrelevant for copyright eligibility, as the court considered it to be an activity outside the scope of the EU Directive.

The court also emphasized the unification of practices under the EU Directive. In countries with common law traditions, such as the United Kingdom, the decisive criterion has traditionally been the application of "labour, skills, or effort" [36] while in countries with continental traditions, a work must generally possess a creative element or express the creator's personality to be protected by copyright. Thus, in the UK databases were generally protected by copyright based on the effort or skill invested in creating them before EU Directive. According to this decision, after the directive was implemented, the court can't take the argument about efforts put in the process or lack of thereof in consideration. The court's acknowledgment of these different previous approaches and current unification underscores the importance of analyzing the EU as a whole which is also supported by new researches, for example, done by Simone Schroff in 2021 [37].

These cases demonstrate that market research can be considered a creative and intellectual endeavor deserving of copyright protection under the EU legal framework. While market research cases may not be as frequent as other types of copyright disputes and methodological issues were not raised in the higher courts of the EU as it was in the USA, these decisions provide guidance and precedent for the recognition of copyright in the field of market research. The most important trend that could be seen from the UK case is that the human input and workload are not sufficient already to prove the copyrightability of the object, with the development of technologies the creativity requires much more time for consideration. As the importance of data and information continues to grow, it is highly probable for market research report copyright infringement cases to rise under EU law, however, EU copyright framework is believed to be generally suitable and sufficiently flexible to deal with the current challenges posed by AI-assisted creation [38]. I also believe that current legislature is enough to direct the copyright issues in litigation and it could be seen that there

are cases already that don't consider the human efforts as the most significant factor. Nevertheless, I think that EU courts would require much more evidences to prove copyright, unlike the USA, where substantial originality is not required as much.

India

In the case between Markets and Markets Research Pvt. Ltd. and Meticulous Market Research Pvt. Ltd. (2023) [39] in India, the plaintiff, Markets and Markets Research Pvt. Ltd., accused the defendant of copying the format and content of their market research reports. The plaintiff, a company providing quantified research and market intelligence, discovered this when the Vice President of the defendant, who was an ex-employee of the plaintiff, offered to sell a report that was identical to the plaintiff's published report.

Upon comparing the reports of both companies, the Court noted that the defendant's reports were very similar to the plaintiff's reports, including having identical titles, similar table of contents, and substantial portions of content. Although the full reports were not accessible to the plaintiff, it was evident that the defendants had at least copied the titles of 91 reports from the plaintiff. The Court recognized that the plaintiff's reports were copyrighted and contained confidential information.

The Court found a *prima facie* case of copyright infringement and ruled in favor of the plaintiff. An *ex parte* ad interim injunction was passed, restraining the defendant from advertising and selling the infringing market research reports.

The Court had the option to consider whether the plaintiff's confidential information could be protected under the Indian Contracts Act, 1872 or if their client information stored in databases could be considered copyrightable material under the Copyright Act, 1957. Previous cases, such as *Richard Brady v. Chemical Process Equipment Pvt. Ltd.* and *Indian Explosives Pvt. Ltd. v. Ideal Detonators Pvt. Ltd. and Ors.*, had implicitly acknowledged that confidential information could be protected within the purview of copyright law. That is certainly quite unique approach as the aspect of confidentiality seems to be one of the supporting criteria while in many countries it is not the case. According to researchers [40], this approach is a response to the absence of clear regulations on confidentiality, which courts aim to address. Additionally, it should be noted that the proof of confidentiality being in place and actual is quite hard both in EU and in the USA, as, for example, in case of *Assessment Technologies of WI vs. Wiredata*, the court checked the possibility of temporary free access to the database, and with this argument the confidentiality infringement was dropped by the court in the US case.

In conclusion, it could be seen that while the approaches of courts are slightly different in some cases overall the trends on admitting the copyright protection of market research prevail in the judicial systems as well as leaving the human efforts factor behind and considering more creativity of the object. It could also be seen as while in green group the cases investigated are already inclined towards methodological or technological parts of research, the neutral group is still in transition to this step, while red group is only beginning to consider the copyright cases of market research companies.

DISCUSSION: CHALLENGES AND FUTURE EXPECTATION

Based on the analysis and case study, it is evident that demonstrating creativity or substantial originality becomes increasingly difficult over time due to rapid technological advancements. Merely showing evidence of work hours dedicated to creating a market research may not be sufficient, especially if there is a lack thereof.

One of the primary challenges in the era of artificial neural networks is the unauthorized use of copyrighted material for training these networks and creating databases. For instance, a market research company may use ANNs to gather information and assess demand for a specific product. However, if another market research company uses the same ANN, it could receive similar results with less detailed keywords as the ANN has already learned from previous data. ANNs heavily rely on large datasets to learn patterns and make accurate predictions. In this case, copyright infringement cases do not consider the effort put into collecting data by the first market research company. It can also be difficult to determine how much creativity should be attributed to input when assessing whether sufficient information would have been obtained from an ANN without input from other sources. These issues raise both ethical and legal concerns.

Another issue in this scenario is the challenge of differentiating between fair use and copyright infringement when it involves ANNs. Fair use permits the limited utilisation of copyrighted material without permission for purposes like criticism, commentary, or research. However, establishing the boundaries of fair use within the context of ANNs can be complicated. Since ANNs process significant amounts of data, ensuring that the usage of copyrighted material remains within acceptable limits becomes difficult.

In addition, the topic of acknowledgment and ownership in the era of ANNs gives rise to concerns regarding acknowledging original creators. ANNs are programmed to learn from various sources, including copyrighted materials. As a consequence, distinguishing between origi-

nal content and content generated by ANNs can become blurred, particularly in market research reports where elements like words, style, and design determine the level of creativity involved in compiling them. This presents a notable challenge when it comes to giving credit to individual creators and safeguarding their rights over intellectual property.

Looking towards the future, there are several expectations and potential solutions to address these challenges.

It could be expected that in the next decade, there will be an increase in cases related to the usage of customised artificial neural network models in various industries, including market research. These models, powered by artificial intelligence, have the potential to generate highly creative and interactive content, which would qualify for copyright protection if the inputs were creative enough, the amount of work hours wouldn't matter though. This can be beneficial for individuals and businesses, as it would be easier to prove the originality and creativity of their methodologies and the resulting compilations.

However, it is important to note that these cases may also present challenges. Many market research companies still rely on traditional methods of data collection and categorization. As the use of artificial neural networks becomes more prevalent, disputes may arise regarding the originality and copyrightability of the generated content, especially when it comes to compilations of data and the specific arrangement or presentation of information. There would be cases where the parties would try to prove that compilation is done not by ANNs but by their specific way which they would try to prove to be efficient and creative enough.

These cases will likely require a careful analysis of the level of creativity involved in the methodologies and the compilation of data generated by customised artificial neural network models. It will be crucial for legal frameworks to adapt to these emerging technologies and provide clarity on the copyright protection of AI-generated content.

Overall, the increasing use of customised artificial neural network models in market research and other industries will likely lead to a rise in copyright-related cases. It will be important for businesses and individuals to stay informed about the evolving legal landscape and ensure they have appropriate measures in place to protect their intellectual property rights.

LIMITATIONS OF THE STUDY

One limitation of the study is that it focused exclusively on more or less developed countries, which may introduce a bias towards wealthier economies. Additionally, the selection of case studies, while carefully chosen and

scrutinized, could potentially be outdated and not reflect the most recent developments in the field. Furthermore, the literature and cases examined were limited to those written in English; other languages were excluded from consideration.

FUTURE DIRECTIONS

In order to further understand the relationship between IP protection standing and copyright issues in different countries' courts, future research should explore the impact of these factors on both the economy and legislation. Additionally, investigating how this connection has evolved over time can provide valuable insights into potential future developments in this area.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киракосян А.Э. Роль авторского права в медиаиндустрии: проблемы нарушения авторских прав в сети Интернет // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 44, № 1. С. 68–74. DOI:10.17323/tis.2023.16883.
2. Мэггс П.Б. Будущее права интеллектуальной собственности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40. № 1. С. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14220>.
3. Corsearch. — URL: <https://corsearch.com/>
4. Andersen et al v. Stability AI Ltd. et al. Docket No 3:23-cv-00201 (ND Cal, 13 January 2023). — URL: <https://www.courtlistener.com/docket/66732129/andersen-v-stability-ai-ltd>
5. Stable Diffusion litigation. — URL: <https://stablediffusionlitigation.com/>
6. Midjourney and Stable Diffusion Hit With Lawsuit. Insane, January, 2023. — URL: <https://www.theinsaneapp.com/2023/01/midjourney-and-stable-diffusion-hit-with-lawsuit.html>
7. Samuelson Pamela. Generative AI meets copyright // Science. 2023. Vol. 381. P. 158–161. DOI:10.1126/science.adi0656.
8. Frosio Giancarlo. Generative AI in Court (September 1, 2023) // Nikos Koutras and Niloufer Selvadurai (eds). Recreating Creativity, Reinventing Inventiveness — International Perspectives on AI and IP Governance (Routledge, 2023, Forthcoming). — URL: <https://ssrn.com/abstract=4558865>
9. Shtefan Anna. Creativity and artificial intelligence: a view from the perspective of copyright, Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2021. Vol. 16. Issue 7. July. P. 720–728. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab093>

10. Koponen M., Nyqvist S., Taivalkoski-Shilov K. (2022). Translating with technology. How digitalisation affects authorship and copyright of literary texts // *Using Technologies for Creative-Text Translation*. 1st ed., p. 19. Taylor & Francis. — URL: <https://doi.org/10.4324/9781003094159-9>
11. Бузова Н.В. Использование фотографий: как не нарушить права фотографа и иных правообладателей // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2023. Т. 46. № 3. С. 84–93; DOI: 10.17323/tis.2023.17804
12. Fischer Adian A. Merging Photography's Copyright // *New York University*. 2022. Vol. 97(1). P. 192.
13. Lynch Holly C. What Do an Orangutan and a Corporation Have in Common? Whether the Copyright Protection Afforded to Corporations Should Extend to Works Created by Animals // *Ohio Northern University Law Review*. Vol. 42: Iss. 1, Article 7. — URL: https://digitalcommons.onu.edu/onu_law_review/vol42/iss1/7
14. Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности использования объектов ИЗО и фотографий в СМИ, социальных сетях и иных источниках распространения информации // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2022. Т. 40, № 1. С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14225>.
15. Patry W. Copyright in Compilations of Facts (or Why the White Pages Are Not Copyrightable) // *Communications & Law*. 1990. Vol. 12. P. 37.
16. Ng-Loy W.L. Copyright Protection for Traditional Compilations of Facts and Computerized Databases — Is Sweat Copyrightable? // *Singapore Journal of Legal Studies*. 1995. July 1995. P. 96–128. — URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.38900>.
17. Procter & Gamble Co. v. Amway Corp., 80 F. Supp. 2d 639 (S.D. Tex. 1999). — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/80/639/2565418/>
18. The Business Research Company. Market Research Services Global Market Report. — URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/market-research-services-global-market-report>
19. Shamim Khalid, Raza Aqa. The copyright and her history. NTUT // *Journal of Intellectual Property Law and Management*. 2022. Vol. 11 (1). P. 13–39. ISSN 2226-6771.
20. Потапов Ю.А. Становление основ авторского права и его влияние на развитие печати в Российской империи // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2022. Т. 40, № 1. С. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14226>.
21. 96/9/EC Directive of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases. — URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/1996/9/oj>
22. Федорук Е.О. Вопросы авторства, связанные с искусственным интеллектом: международная правоприменительная практика // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2023. Т. 45, № 2. С. 103–112; DOI: 10.17323/tis.2023.17378.
23. Niloufer Selvadurai, Rita Matulionyte. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2020. Vol. 15. Issue 7. July. P. 536–543. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaa062>
24. Stemler Steve. An overview of content analysis // *Practical Assessment, Research, and Evaluation*. 2001. Vol. 7, Article 17. DOI: <https://doi.org/10.7275/z6fm-2e34>.
25. Krippendorff Klaus. Content analysis: an introduction to its methodology. Annenberg School for Communication, University of Pennsylvania. 4th ed. Los Angeles: SAGE, 2019. ISBN: 9781506395661
26. OECD. Gross Domestic Spending on R&D. — URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
27. OECD iLibrary. Gross Domestic Spending on R&D. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/gross-domestic-spending-on-r-d/indicator/english_d8b068b4-en
28. World Intellectual Property Organization. Publication citation. — URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4679>
29. UNESCO Institute for Statistics. R&D Expenditure by Country/Economy. — URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en
30. Trading Economics. — URL: <https://tradingeconomics.com>
31. State Information Service. Egypt ranked 35th globally in terms of spending on R&D. — URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/174654/Egypt-ranked-35th-globally-in-terms-of-spending-on-R%26D?lang=en>
32. Department of Science and Technology. R&D Statistics at a Glance, 2022-2023. — URL: <https://dst.gov.in/sites/default/files/R%26D%20Statistics%20at%20a%20Glance%2C%202022-23.pdf>
33. Assessment Technologies of Wi, LLC, Plaintiff-appellee, v. WiredData, Inc., Defendant-appellant, 361 F.3d 434 (7th Cir. 2004). — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/361/434/582087/>
34. Google LLC v. Oracle America, Inc., 593 U.S. (2021). — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/18-956_d18f.pdf

35. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009. Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62008CJ0005>
36. Football Dataco and Others v. Yahoo! UK Ltd and Others (C-604/10). — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=91D-D0889C49F4554D6D7D7C8059646C5?text=&docid=116724&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=402944>
37. Schroff Simone The purpose of copyright — moving beyond the theory // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2021. Vol. 16, Issue 11. November. P. 1262–1272. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab130>
38. Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // IIC. 2021. Vol. 52. P. 1190–1216. — URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-021-01115-0>
39. Indian Kanoon. Case citation. — URL: <https://indiankanoon.org/doc/196963261/>
40. Niyati Prabhu Protecting Confidential Information as Copyrightable Material with Confidential Reasons (2023). — URL: <https://spicyip.com/2023/04/protecting-confidential-information-as-copyrightable-material-with-confidential-reasons.html>

REFERENCES

1. Kirakosyan A.E. The Role of Copyright in the Media Industry: The Issues of Copyright Infringement in the Internet // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. Vol. 44 (1) P. 68–74. DOI:10.17323/tis.2023.16883.
2. Maggs P.B. The Future of Intellectual Property Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40(1). P. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14220>.
3. Corsearch. — URL: <https://corsearch.com/>
4. Andersen et al v. Stability AI Ltd. et al. Docket No 3:23-cv-00201 (ND Cal, 13 January 2023). — URL: <https://www.courtlistener.com/docket/66732129/andersen-v-stability-ai-ltd>
5. Stable Diffusion litigation. — URL: <https://stablediffusionlitigation.com/>
6. Midjourney and Stable Diffusion Hit With Lawsuit. Insane, January, 2023. — URL: <https://www.theinsaneapp.com/2023/01/midjourney-and-stable-diffusion-hit-with-lawsuit.html>
7. Samuelson Pamela. Generative AI meets copyright // Science. 2023. Vol. 381. P. 158–161. DOI:10.1126/science.adi0656.
8. Frosio Giancarlo. Generative AI in Court (September 1, 2023) // Nikos Koutras and Niloufer Selvadurai (eds). Recreating Creativity, Reinventing Inventiveness — International Perspectives on AI and IP Governance (Routledge, 2023, Forthcoming). — URL: <https://ssrn.com/abstract=4558865>
9. Shtefan Anna. Creativity and artificial intelligence: a view from the perspective of copyright, Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2021. Vol. 16. Issue 7. July. P. 720–728. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab093>
10. Koponen M., Nyqvist S., Taivalkoski-Shilov K. (2022). Translating with technology. How digitalisation affects authorship and copyright of literary texts // Using Technologies for Creative-Text Translation. 1st ed., p. 19. Taylor & Francis. — URL: <https://doi.org/10.4324/9781003094159-9>
11. Buzova N.V. Usage of the photos: how to not violate the rights of the photographer and other rightholders // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. Vol. 46 (3). C. 84–93. DOI: 10.17323/tis.2023.17804
12. Fischer Adian A. Merging Photography's Copyright // New York University . 2022. Vol. 97(1). P. 192.
13. Lynch Holly C. What Do an Orangutan and a Corporation Have in Common? Whether the Copyright Protection Afforded to Corporations Should Extend to Works Created by Animals // Ohio Northern University Law Review. Vol. 42: Iss. 1, Article 7. — URL: https://digitalcommons.onu.edu/onu_law_review/vol42/iss1/7
14. Valdes-Martines E.R. Features of the use of works of fine art and photos in the mass media, social networks and sources of information dissemination // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40(1). P. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14225>
15. Patry W. Copyright in Compilations of Facts (or Why the White Pages Are Not Copyrightable) // Communications & Law. 1990. Vol. 12. P. 37.
16. Ng-Loy W.L. Copyright Protection for Traditional Compilations of Facts and Computerized Databases — Is Sweat Copyrightable? // Singapore Journal of Legal Studies. 1995. July 1995. P. 96–128. — URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.38900>.
17. Procter & Gamble Co. v. Amway Corp., 80 F. Supp. 2d 639 (S.D. Tex. 1999). — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/80/639/2565418/>
18. The Business Research Company. Market Research Services Global Market Report. — URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/market-research-services-global-market-report>

19. Shamim Khalid, Raza Aqa. The copyright and her history. *NTUT // Journal of Intellectual Property Law and Management*. 2022. Vol. 11 (1). P. 13–39. ISSN 2226-6771.
20. Potapov Yu.A. The Formation of the Foundations of Copyright and its Impact on the Development of Printing in the Russian Empire // *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2022. Vol. 40(1). P. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14226>
21. 96/9/EC Directive of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases. — URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/1996/9/oj>
22. Fedoruk E. Questions of authorship related to artificial intelligence: international law enforcement practice // *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2023. Vol. 45 (2). P. 103–112. DOI: [10.17323/tis.2023.17378](https://doi.org/10.17323/tis.2023.17378).
23. Niloufer Selvadurai, Rita Matulionyte. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2020. Vol. 15. Issue 7. July. P. 536–543. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaa062>
24. Stemler Steve. An overview of content analysis // *Practical Assessment, Research, and Evaluation*. 2001. Vol. 7, Article 17. DOI: <https://doi.org/10.7275/z6fm-2e34>.
25. Krippendorff Klaus. Content analysis: an introduction to its methodology. Annenberg School for Communication, University of Pennsylvania. 4th ed. Los Angeles: SAGE, 2019. ISBN: 9781506395661
26. OECD. Gross Domestic Spending on R&D. — URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
27. OECD iLibrary. Gross Domestic Spending on R&D. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/gross-domestic-spending-on-r-d/indicator/english_d8b068b4-en
28. World Intellectual Property Organization. Publication citation. — URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4679>
29. UNESCO Institute for Statistics. R&D Expenditure by Country/Economy. — URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en
30. Trading Economics. — URL: <https://tradingeconomics.com>
31. State Information Service. Egypt ranked 35th globally in terms of spending on R&D. — URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/174654/Egypt-ranked-35th-globally-in-terms-of-spending-on-R%26D?lang=en>
32. Department of Science and Technology. R&D Statistics at a Glance, 2022-2023. — URL: <https://dst.gov.in/sites/default/files/R%26D%20Statistics%20at%20a%20Glance%2C%202022-23.pdf>
33. Assessment Technologies of Wi, LLC, Plaintiff-appellee, v. WiredData, Inc., Defendant-appellant, 361 F.3d 434 (7th Cir. 2004). — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/361/434/582087/>
34. Google LLC v. Oracle America, Inc., 593 U.S. (2021). — URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/18-956_d18f.pdf
35. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009. Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62008CJ0005>
36. Football DataCo and Others v. Yahoo! UK Ltd and Others (C-604/10). — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=91DD0889C49F4554D6D7D7C8059646C5?text=&docid=116724&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=402944>
37. Schroff Simone The purpose of copyright — moving beyond the theory // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2021. Vol. 16, Issue 11. November. P. 1262–1272. — URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab130>
38. Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // *IIC*. 2021. Vol. 52. P. 1190–1216. — URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-021-01115-0>
39. Indian Kanoon. Case citation. — URL: <https://indiankanoon.org/doc/196963261/>
40. Niyati Prabhu Protecting Confidential Information as Copyrightable Material with Confidential Reasons (2023). — URL: <https://spicyip.com/2023/04/protecting-confidential-information-as-copyrightable-material-with-confidential-reasons.html>

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ) создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ доктора юридических наук профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межвузовского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между вузами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основопологающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО иницируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в области авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property, www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;
тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;
www.hse.ru/unesco/
tis@hse.ru

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair of the NRU HSE”) was built by the decision of the Academic Council of the NRU HSE in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor M. A. Fedotov. The agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the Institute of International Law and Economics. A.S. Griboyedov (IMPE, now — Moscow University named after A.S. Griboyedov) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, in agreement with the UNESCO Secretariat, was relocated to the Higher School of Economics.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the National Research University Higher School of Economics. It participates in the worldwide network of UNESCO Chairs Program called UNITWIN. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO in 1991. The program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The HSE UNESCO Chair specializes in copyright, related rights, and cultural and information laws, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning

of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer, and knowledge popularization.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical magazine named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as I.L. Bachilo, M.M. Boguslavsky, E.P. Gavrilov, V.A. Dozortsev, A.P. Sergeev, M.A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and related rights, intellectual property rights in the context of digitalization, and cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics since 2014. The journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the magazine web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair of the National Research University "Higher School of Economics" also publishes a monthly newspaper called "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The Bulletin contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru